

1 | Н.А.РУБАКИН | ИЗБРАННОЕ

Н.А.РУБАКИН
ИЗБРАННОЕ

«КНИГА»

ТРУДЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КНИГОВЕДОВ

Н. А. РУБАКИН

ИЗБРАННОЕ

В ДВУХ ТОМАХ

*Составление, краткий биографический очерк и комментарии
профессора А. Н. РУБАКИНА*

Том первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»
МОСКВА 1975

028
P82

Вступительная статья *Б. А. Смирновой*
Реальный комментарий *А. А. Беловицкой*

P $\frac{61001 - 047}{002(01) - 75}$ 8-75

© Издательство «Книга», 1975 г.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РУБАКИН

Г. В. Плеханов, близко знавший Н. А. Рубакина и долгие годы друживший с ним, когда-то писал о нем: «Среди русских писателей Н. А. Рубакин занимает особое место». Это «особое место» было совершенно необычайным.

Каждый писатель любит книги, любит свои произведения и очень чувствителен к мнению читателей о своих произведениях. Н. А. Рубакин поставил вопрос об отношениях между читателем и книгой, читателем и писателем на совершенно другую почву. Он задался вопросом изучить — а почему читатель чувствителен к тому или другому писателю, какая внутренняя связь между личностью писателя и читателя, почему та или иная книга действует на одного читателя и не действует на другого? Какая закономерность во влиянии книги и писателя на читателя? Иначе говоря, Рубакин поставил вопрос об изучении читателя, в то время как раньше и писатели и критики изучали главным образом личность и психологию писателя.

Но Рубакин не только поставил проблему изучения читателя и его взаимоотношений с писателем и с книгой. Он писал научные книги, понятные и нужные для любого, самого неподготовленного читателя; изучал интересы и желания читателей в связи с их социально-экономическим положением и их психическим типом; создавал для них литературу в соответствии с их типами, составлял индивидуальные и массовые программы чтения; занимался проблемами организации библиотек и «библиотечного ядра»; создал научную теорию, изучающую психологию читателя и книги, читателя и автора. Иначе говоря, Рубакин первый не только у нас, но и во всем мире попытался поставить на научную основу вопрос о причинах воздействия книги на читателя.

Надо сказать, что ни происхождение, ни характер социальной среды, в которой он родился и рос, не подготовляли Рубакина для такого рода деятельности и творчества. Он вышел из купеческой среды, где книгой не интересовались, чтение считали вздорным занятием. Общие, характерные для мелкой буржуазии

всех стран мира черты в этой среде обострялись недостатком культуры, устаревшим складом жизни, предвзятыми и зачастую дикими понятиями. Здесь только кратко изложена биография Н. А. Рубакина, более подробные сведения о жизни писателя читатель найдет в книгах: «Лоцман книжного моря» А. Н. Рубакина (М., 1967), «Под шифром «Рб» Л. Э. Разгона (М., 1966) и в его же очерке «Последний энциклопедист», напечатанном в сборнике «Пути в неизвестное» (1964, вып. 4), «Н. А. Рубакин» К. Г. Мавричевой (М., 1972).

Николай Александрович Рубакин родился 1 (13) июля 1862 г. в маленьком, глубоко провинциальном (несмотря на свою близость к столице — Петербургу) городке Ораниенбауме, ныне переименованном в город Ломоносов.

Отец его, купец второй гильдии Александр Иосифович Рубакин, торговал лесом, содержал бани и имел несколько домов в центре города. В одном из них и родился будущий писатель. (Улица, на которой находился этот дом, ныне по постановлению Ломоносовского исполкома названа именем Н. А. Рубакина.) Отец Николая Александровича был человеком в делах очень честным, но неудачливым и в конце своей жизни растерял почти все состояние. По-видимому, хотя он был потомком старинного купеческого рода, не имел он коммерческой жилки. Верный своей среде, он не стремился дать двум сыновьям, Михаилу и Николаю, образования и с ранних лет стал приучать их к торговле. Происходил он из старообрядцев, был религиозен, уважал начальство, но не любил из чисто плебейской гордости чиновников и дворян. В течение 18 лет он был городским головой своего родного города. На сына он оказал очень мало влияния.

Мать же Николая Александровича, Лидия Терентьевна, тоже из старинной купеческой старообрядческой семьи, была типичной «шестидесятницей», знакомой с идеями своего времени, пламенной сторонницей свободы и образования, а также борьбы за права женщин. Она много читала, любила книги и собирала их, училась сама — дома, так как не получила систематического образования, самостоятельно выучилась французскому языку и даже переводила с него книги. Она участвовала в кружках, в которых бывал Д. Писарев. На сына она оказала большое влияние, приучила его к чтению, внушила ему любовь к книгам и к знанию и добилась того, что оба сына поступили в реальное училище в Петербурге, куда семья переехала в 1875 г.

Оба брата кончили реальное училище. Младший, Михаил, пошел в Технологический институт и сделался инженером. А старший, Николай, твердо решил идти в университет. Но для этого требовалось сдать экзамен на аттестат зрелости, в частности по древним языкам, которые в реальном училище не преподавались.

Училища Николай Рубакин не любил. Преподавание было сухим, скучным. Только учитель русского языка относился к Рубакину хорошо и прочил ему будущее писателя. Когда речь

зашла о поступлении в университет, молодой Рубакин проявил все свои способности: за 13 месяцев он подготовился самостоятельно к экзаменам и сдал их блестяще.

Отец Рубакина вначале был против образования сыновей, и только мать его смогла отвоевать для сыновей право продолжить учение. Отношение отца к образованию сына изменилось после того, как шестнадцатилетний юноша напечатал в журнале «Детское чтение» (1877 г.) свою первую научно-популярную статью «Обоготворение животных» и даже получил за нее гонорар в 16 рублей. Это заставило отца, не желавшего, чтобы сын стал писателем, готовившего его для коммерческой деятельности, иначе взглянуть на профессию, которую еще мальчиком избрал Николай Рубакин. Раньше отец противился тому, чтобы сыновья продолжали образование в Петербурге, в высших учебных заведениях, а после публикации статьи согласился на это. Николай поступил в университет, на естественное отделение физико-математического факультета.

Характерной чертой Николая Александровича Рубакина было то, что он чуть ли не с самого детства наметил свой жизненный путь и следовал ему неукоснительно всю жизнь. Поставив перед собой цель — стать ученым, он добился этого. Решив быть энциклопедистом, он им стал. Решив заняться популяризацией науки для трудящихся — рабочих и крестьян, он стал любимым ими популяризатором научных знаний и пропагандистом самообразования.

Еще студентом Рубакин обнаружил это призвание — быть энциклопедистом, стремиться знать все. В Петербургском университете, по окончании которого он получил золотую медаль за свою научную работу, он прослушал не только курс естественного отделения физико-математического факультета, но и курсы двух других факультетов — юридического и историко-филологического.

Уже в студенческие годы он сблизился с революционными деятелями, примкнул к научному кружку, которым руководил Александр Ульянов, брат В. И. Ленина, затем вступил в так называемую «Студенческую корпорацию» — легальную организацию, но с ярко выраженной либеральной направленностью. Она находилась с самого своего зарождения под наблюдением полиции. Как член этой организации Рубакин был арестован в начале 1886 г., но вскоре выпущен и отдан под «гласный надзор полиции». Он обвинялся в хранении и распространении нелегальной литературы. Этот арест изменил весь ход жизни Рубакина.

Огромное влияние на Рубакина оказали трагические события — арест и казнь Александра Ульянова, которые сделали из Рубакина революционера, хотя и не профессионального, боровшегося против самодержавия и капитализма. К этому времени у него уже были многочисленные знакомства среди революционеров. Со многими он познакомился через свою первую жену —

Надежду Ивановну Игнатьеву, дочь одного вологодского чиновника. С начала 80-х годов Рубакин под влиянием своего окружения, связанного с революционным движением, усиленно изучает социалистическое учение. Всю жизнь Рубакин оставался человеком прогрессивным, демократически настроенным. Однако в своих воззрениях он не был последователен. У него не было достаточно четкой и ясной политической позиции. Он колебался между народниками и марксистами, примыкал к эсерам и т. д.

В эти годы Рубакин находился под влиянием либеральных народников, дружил со многими видными народниками, в частности был горячим поклонником Н. К. Михайловского — главного представителя народничества в литературе 60—90-х годов прошлого века, был близок с С. Н. Кривенко, С. И. Южаковым, В. П. Воронцовым и другими представителями народничества.

В 1900 г. Рубакин примкнул к партии социалистов-революционеров. Не участвуя активно в их работе, Рубакин писал революционные книжки и брошюры под различными псевдонимами. Он ушел из их партии в 1909 г.

С другой стороны, Н. А. Рубакин был очень близок с крупнейшими представителями марксизма, с Г. В. Плехановым, А. В. Луначарским, был в переписке с В. И. Лениным.

Нелегальные книжки Рубакина — он чаще всего писал под псевдонимом Сергей Некрасов — распространялись социал-демократами. Е. Д. Стасова, с которой он был хорошо знаком и которая много лет работала под его руководством в основном им при библиотеке музея подвижных пособий, рассказывает в своих воспоминаниях, как она и другие агенты «Искры» распространяли брошюру «Ничего с нами не поделаешь». Е. Д. Стасова тогда не знала, что автором этой брошюры был Н. А. Рубакин, и только от меня, уже в 50-х годах нашего века, узнала об этом.

В 90-е годы Рубакин выдвинулся и как писатель, и как руководитель таких крупных прогрессивных издательств своего времени, как издательство О. Н. Поповой, И. Д. Сытина и др. Под его редакцией в издательстве Поповой вышел ряд крупных переводных работ социального характера, принадлежащих перу европейских ученых. Тогда же Рубакин написал и издал большие художественные произведения, в которых выведены образы революционеров: «Под гнетом времени» — о борьбе против церкви, «Вечная слава» — о гражданском долге ученого.

В 90-х годах Рубакин много путешествовал по России, собирая наблюдения и факты из жизни рабочих и изучая читателей. Этот материал отразился в его публицистических рассказах, где фигурирует новый, еще не описанный в русской литературе тип сознательного и революционно настроенного рабочего.

Когда в 90-х годах в издательстве О. Н. Поповой, которым заведовал Н. А. Рубакин, стал выходить первый легальный русский марксистский журнал «Новое слово», одним из первых авторов этого журнала был Н. А. Рубакин. В этом журнале он напе-

чтал ряд очерков о новом типе русского рабочего-бунтаря. Его рассказы «Взыскующие града», «Лицом к лицу», «Искорки» впервые в русской литературе рисовали этот новый тип рабочего, борющегося за свои права. По словам сотрудника журнала В. А. Поссе, Рубакин был самым талантливым из сотрудников «Нового слова». У него рабочие «не выглядят бессловесными страдающими существами, как у писателей народников. Это борцы с окружающей их несправедливостью, требующие, чтобы общество России для своих граждан стало обществом, на точном основании справедливых законов управляемым»¹. Рубакин писал, что «рабочие, в силу своего социального положения, гораздо лучше, чем другие слои и классы, понимают необходимость в изменении существующих порядков» и уже «начинают идти впереди наших стремлений, их критическая и творческая мысль ушла вперед так далеко, как быть может и не снилось нам»².

За издательской деятельностью Рубакина внимательно следила царская полиция. Она отмечала, что Рубакин выпускает книги «тенденциозного» содержания (так тогда царские чиновники именовали книги прогрессивного направления). Цензор Елагин о рассказе «Искорки» писал в Петербургский цензурный комитет: «Статья эта, ярко и талантливо написанная, не нуждается в комментариях для признания ее крайне тенденциозной и невозможной даже в бесцензурном издании».

Высказывание цензора подкреплялось секретными донесениями Департамента полиции, в которых указывалось, что Рубакин «является личностью крайне деятельной, принимающей на себя поддержку зарождающихся в разных местах кружков для чтения и библиотек, в которые им посылаются книги тенденциозного содержания... Рубакин, пользуясь своими связями и знакомствами, устраивает на учительские места рекомендованных ему лиц либерального и даже противуправительственного образа мыслей... рекомендуя при этом приобретать такого характера сочинения, как произведения Маркса, Минье...» и т. д.

В одном из своих писем от 8 сентября 1893 г., перлюстрированном охранкой, Рубакин писал своему корреспонденту: «Пользуйтесь случаем добыть сочинения Маркса, книга очень интересная для провинции... Через неделю, вероятно, будет уже поздно, книги будут проданы».

Книга для Рубакина была источником знания, орудием пропаганды, революционного действия. Свою любимую формулу «Культурная работа — это средство, революция — это цель» — позже он дополнил другой знаменитой формулой: «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость».

¹ «Искорки». Спб, 1901, с. 170.

² Дибчинский С. Б. К истории первого марксистского журнала в России. — «Звезда», 1972, № 4, с. 197.

Несмотря на глубокую революционность этих лозунгов, сформулированных им с начала жизни, Рубакин сам «затуманил» их. Так, он воспринял и считал основной истиной формулу Александра Галесского: «Несправедливо человеку владычествовать над человеком ни посредством денег, ни посредством силы, ни посредством образования». Эта расплывчатая формула, созданная человеком другой эпохи и другого мира более 1500 лет тому назад, не могла, разумеется, выразить отношение социалистического учения к общественному неравенству и к борьбе классов. И хотя в дальнейшем Рубакин в своих научных трудах по библиопсихологии говорит об экономическом неравенстве, о диалектическом подходе к изучению действительности и к пониманию любой науки, на деле видишь, как глубоко засела в нем расплывчатая и устаревшая формулировка далеких времен. В привязанности к таким туманным, лишенным ясного социального содержания формулировкам сказывалась нечеткость идейных позиций Рубакина, эклектизм его мировоззрения — то, что сделало его противником всякой полемики, за что его критиковал В. И. Ленин. «Надпартийность», которую он провозглашал, привела к тому, что он остался в значительной степени чужим, вернее не стал своим ни для революционных социалистических кругов, для которых он был слишком мягкотелым, буржуазным либералом, ни для буржуазных либералов, которые его считали слишком «красным», слишком революционером.

Со стороны кажется, что жизнь Рубакина была тихой, спокойной, протекала в непрерывной работе «среди книг». На деле же она была беспокойная и нелегкая. В детстве и в юности — чуждая ему среда среднего купечества, среда, которой он не поддался, выбился из нее, ушел. Самостоятельную жизнь он начал на бумажной фабрике, арендованной его отцом. Там он познакомился с рабочей средой, сблизился с нею, начал свое изучение читателей.

В бытность студентом Рубакин подвергся первым репрессиям царского правительства.

Впоследствии, когда Н. А. Рубакин уже стал писателем, его неоднократно ссылали, более того, он даже был выслан за границу «навсегда» министром внутренних дел Плеве. Только после того, как Плеве в 1904 г. был убит боевой организацией социалистов-революционеров, Рубакин получил возможность вернуться на родину.

Тем не менее в 1907 г. ему пришлось как политическому эмигранту покинуть Россию. Он продолжал жить и работать в Швейцарии многие годы после революции. Но и там, всю его жизнь, как он сам писал и как это действительно было, он «работал для России, всегда и только для России».

Он был действительно глубоко русским и пламенным русским патриотом. Но в то же время был последовательным интернационалистом, убежденным сторонником социализма, энтузиастом

Революции, которую он воспринял с восторгом. Однако вследствие долгой жизни за границей он оторвался практически от русской жизни, многого в ней не понял.

В период после Первой русской революции — в начале своей эмиграции в Швейцарии — Рубакин, живя в Кларане, завязал тесные связи и дружеские отношения с русскими политэмигрантами, жившими тогда в Швейцарии, в частности в той же местности, где жил и он и где находилась его библиотека. Рядом с ним жили Луначарский, Трояновский, Крыленко, Инесса Арманд, Вера Фигнер и много других будущих крупных государственных и партийных деятелей Советского государства. Они широко пользовались его библиотекой, особенно В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Тогда же состоялось и личное знакомство Рубакина с Лениным, который постоянно брал книги в его библиотеке или выписывал их по почте, когда жил в Женеве, Цюрихе и других городах.

Когда началась первая мировая война, около Кларана в Монтре возник русский клуб, в который вошли, с одной стороны, русские политэмигранты, жившие в Швейцарии, а с другой — состоятельные русские, приехавшие на отдых или для туризма в Швейцарию и не вернувшиеся в Россию из-за войны. Рубакин был одним из создателей и руководителей этого клуба, в котором выступали Членов, Крыленко, Трояновский, Луначарский и в котором выступил с докладом о войне В. И. Ленин.

После революции Рубакин продолжал жить в Швейцарии, так как здоровье его значительно ухудшилось. Материальное положение его в это время было тяжелое, приходилось довольствоваться небольшими случайными литературными заработками. Советское правительство назначило ему особую персональную пенсию, которая позволила ему жить и работать до конца дней, на эту пенсию он содержал библиотеку и все время пополнял ее. Ему присылали в дар свои книги многие выдающиеся ученые и писатели.

В первые годы после революции (1918—1919) Рубакин написал на французском и немецком языках ряд брошюр о причинах и характере Великой Октябрьской социалистической революции (Что такое русская революция; Биография В. И. Ленина и другие). Они были изданы во Франции, Швейцарии, Германии, Чехословакии. В этих брошюрах он разъяснял причины и сущность социалистической революции, знакомил с биографиями ее выдающихся деятелей. Окрепили его международные связи. Рубакин публиковал реферативный материал о советских книгах в изданиях Международного института интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций и сыграл видную роль в ознакомлении зарубежных стран с советской литературой. Советские книжные органы — издательства, Книжная палата, ВОКС, Библиотека им. В. И. Ленина — присылали ему множество изданий для ознакомления. У Рубакина установились связи среди европейских

ученых и писателей, в частности он очень сблизился с Р. Ролланом. Он резко протестовал против Версальского мира и сурово осудил первую мировую войну.

В Швейцарии было создано большинство теоретических работ Рубакина, закончено второе издание крупнейшей его работы — «Среди книг». Здесь же Рубакиным была разработана и его теория библиопсихологии, написан ряд научно-популярных книжек, собрана вторая библиотека, еще больше и лучше первой. В Швейцарии же им был основан Международный институт библиопсихологии, в который он привлек ряд крупных европейских ученых — психологов и библиографов.

Во время второй мировой войны в Швейцарию бежало из фашистской Германии много советских военных и гражданских лиц, томившихся в немецких концлагерях. Советские люди, интернированные в швейцарских лагерях, связались с Рубакиным, некоторые даже приезжали к нему домой в Лозанну. Рубакин очень сердечно к ним относился, снабжал их книгами из своей библиотеки. Всего он передал для лагерей около 10 000 книг из своей библиотеки. В тяжелых условиях жизни вдали от Родины русские книги были для этих людей огромной радостью, поддерживали в них бодрость и веру в будущее. Рубакину посчастливилось дожить до победы советского народа, которую он воспринял с огромной радостью, но которую пережил всего на один год — он умер 23 ноября 1946 г.³

Условно деятельность Рубакина можно распределить по нескольким основным направлениям: теория и практика библиотечного дела, руководство самообразованием и создание огромной научно-популярной литературы, изучение читателя и книги, разработка теории чтения, с классификацией читателей по их психологическим типам. На деле все эти направления тесно связаны друг с другом и составляют единое целое в деятельности Рубакина.

Рубакин сыграл огромную роль в деле просвещения русского народа, прежде всего рабочих и крестьян. Еще мальчиком он начал писать научно-популярные статьи для малограмотного и неподготовленного читателя. В то время в России только небольшая часть населения обучалась в школе, школ для народа было мало, знания в них давались самые элементарные.

В конце 80-х и начале 90-х годов в России появился новый читатель — городской рабочий и крестьянин на селе. Рубакин их называет начетчиками — устаревший термин, который обозначал книголюба, любителя чтения. В трудящихся массах родилась необычайная тяга к знанию, а следовательно, и к книге. Появилась, наконец, огромная тяга к самообразованию. Рубакин разделял образование в России на четыре категории: началь-

³ Урна с его прахом была перевезена в Москву и захоронена на Новодевичьем кладбище.

ное, среднее, высшее и самообразование. В условиях того времени самообразование приобретало особое значение, поэтому деятельность Рубакина была очень своевременной. Рубакин выступил именно тогда, когда появился новый читатель из трудящихся масс, требовавший книг и руководства самообразованием. В ответ на потребность масс в самообразовании во многих городах и учреждениях были созданы программы для самообразования, правда, не всегда точно отражавшие нужды новых читателей. Рубакин считает, что проблема самообразования была четко поставлена в 1893 и 1894 гг. Вот как он пишет в «Среди книг» о зарождении нового читателя: «С того же года, как появились программы, начинается, как известно, небывалое оживление на русском книжном рынке, — внешний признак весьма глубокого перелома, совершившегося около того же времени в сознании не только культурных кругов русского общества, но и русского рабочего народа. И в городах, и на фабриках, и даже в деревнях проявился новый читатель и очень определенно заявил свое властное желание теперь же, неотложно приобщиться к тому самому просвещению, которым живет и которым сильно современное культурное человечество. Читатель этот выступил не только враздробь, в виде отдельных самоучек, современных светских начетчиков, но и целыми массами, и проявил дотоле небывалую требовательность не только к книге, но и к жизни, к тем условиям, которые уже много десятков и даже сотен лет держат ее в своих гнетущих и обезличивающих тисках».

В то время Рубакин не мог прямо назвать условия царского режима и капиталистической эксплуатации, на которые он здесь намекает в форме, вполне понятной тогдашнему читателю.

«Этот нарастающий читатель начинал, — пишет дальше Рубакин, — и к тому же усиленным темпом, не только «почитывать», но и «подумывать», он даже как будто готовился к действию, то полусознательно, а то и просто стихийно побуждаемый к активной деятельности, не только в столицах, но и в провинциях, целым рядом тяжелых бедствий начиная с конца 80-х и начала 90-х годов. Появился невиданный дотоле спрос на научную и научно-популярную книгу. Развилась до необычайных размеров книгоиздательская деятельность... с Павленковым и с только что возникшей тогда фирмой О. Н. Поповой во главе...»

Н. А. Рубакин выдвинул идею о необходимости самообразования, которое одно только могло дать знания широкой массе жаждущих его крестьян и рабочих. Но Рубакин правильно считал, что самообразование — это основа образования для всех, оно необходимо и тем, кто кончил школу. Теперь мы знаем, что оно необходимо и в наше время, потому что только самообразование делает человека всесторонне образованным.

Прежде всего Рубакин разработал план распространения знаний при помощи библиотек, расширяя и обогащая свою собственную библиотеку, открытую для всех. Но библиотеки могли охва-

тить только сравнительно немного людей, живущих недалеко от них. Подавляющее большинство городов в России не имело библиотек, библиотеки не располагали средствами. В 1895 г. Рубакин выпустил одну из самых замечательных своих книг — «Этюды о русской читающей публике», в которой на основе огромной документации и личных наблюдений показал ужасающую картину народного просвещения в России, печальную судьбу библиотек и книг.

В этой же книге он выдвинул идею изучения читателя, принцип подбора для него подходящих книг на основании определения его психического типа, изучения его жизненных условий, классового и экономического положения и т. д. Идеи, высказанные и обоснованные в этой книге, Рубакин развивал и углублял всю жизнь.

Доказывая необходимость научно-популярных книг для народа, Рубакин вместе с тем резко критиковал теорию «особой литературы для народа», сторонники которой считали, что народ не созрел для чтения серьезной литературы, не понимает ее и что для него надо писать особые книжки, вроде как для детей. Рубакин показал, что народ жаждет знаний, что он может самостоятельно выбирать то, что ему нужно, если дать ему возможность приобретать книги по дешевой цене. А книги тогда были дороги и практически недоступны для рабочих и крестьян.

Изучая русскую научную литературу того времени, Рубакин видел, как мало было научно-популярных книжек, а по целому ряду важных вопросов и отраслей науки они вообще отсутствовали. Преобладали к тому же книги переводные, рассчитанные на другого, более культурного читателя.

И вот Рубакин принял решение, которое теперь нам кажется невероятно трудным: он решил сам написать популярные книжки по всем вопросам науки. За свою жизнь он создал свыше 280 научно-популярных книжек.

Книги эти были написаны ясным, простым языком, их мог понять самый малограмотный читатель. А тогда в России 75% населения было неграмотно, да и у грамотных не было ни средств, ни возможности читать, пополнять свои знания, привыкать к книге, к чтению.

Рубакин не только создавал научно-популярные книжки, он учился у своих читателей писать их; выработал свой язык, изучая язык своих читателей. Насколько его книжки были любимы читателями, видно из того, что они разошлись в количестве свыше 20 млн. экз. Не было сколько-нибудь грамотного рабочего или крестьянина в России, который не читал бы книжек Рубакина и не знал бы его имени.

Читатели знали Рубакина не только по книгам. Рубакин вел с ними личную переписку, давал советы, составлял программки для чтения применительно к психическому типу каждого читателя. С 1889 по 1907 г. он переписывался с 5189 читателями, а с 1911 по 1915 г. — еще с 5507, а всего за свою жизнь он был в переписке

с более чем 20 000 читателей. Почти вся переписка сохранилась в его архиве.

Он составил для своих корреспондентов свыше 15 000 индивидуальных программ чтения и самообразования.

Такого размаха просветительской работы, выполненной одним человеком, не знала Россия.

Постоянное общение с читателями, изучение их, работа с библиотеками, с издательствами, в журналах — все это позволило Рубакину разработать принципы изучения читателя, использования книг, наиболее экономного в смысле времени и средств, индивидуализации чтения. Вся теоретическая работа Рубакина основывалась на его громадном личном опыте, личных наблюдениях, документации, полученной непосредственно от читателей. Созданная им позже наука — библиопсихология, наука о читателе, чтении, авторе и книге, явилась результатом экспериментальных наблюдений и обработки фактического материала.

Рубакин придавал особое значение тому, что он называл «революционизирующей» деятельностью. Она заключалась в том, что он в своих легально изданных книжках так остро ставил вопрос, что возбуждал у читателя критическое и даже революционное отношение к действительности. В книгах «Под гнетом времени», «Среди борцов» он так показывал борьбу с церковью и религией в прошлом, что читатель неизбежно задумывался о борьбе в настоящем. Описывая жизнь в колониях и поведение там английских и других колонизаторов, автор возбуждал ненависть к эксплуататорам-колонизаторам и других стран, в том числе к царскому правительству. Книги Рубакина сыграли огромную роль не только в общем просвещении масс трудящихся, но и в возбуждении у них революционного духа.

Рубакин считал, что каждый человек может быть не только читателем, но и писателем. Даже письма читателей к нему он рассматривал как начало писательского труда. Некоторые из его читателей впоследствии стали известными писателями — А. С. Новиков-Прибой, А. А. Демидов, Павел Низовой и др. Рубакин направил их на путь писательства. Неудивительно, что на всю жизнь они сохранили любовь к нему.

Рубакин разработал принципы организации библиотечного дела. Исходя из того, что «библиотека должна быть отражением Вселенной», Рубакин предложил в каждой библиотеке создавать «библиотечное ядро», т. е. круг книг для чтения, который отражал бы эту Вселенную, был бы тем минимумом, который нужен каждому человеку для понимания жизни и Вселенной.

В области самообразования Рубакин проделал колоссальную теоретическую и практическую работу, создал разнообразные рекомендательные каталоги, написал «Письма к читателям о самообразовании», «Практику самообразования».

Еще мальчиком в библиотеке своей матери Рубакин научился, как он говорил, «фехтовать» книгой, т. е. узнавать тип и ха-

рактер читателя и давать ему те книги, которые, по его мнению, для этого читателя «подходили». Отсюда родилось и его теоретическое положение о «подходящей» книге, развитое им впоследствии в созданной им новой науке — библиопсихологии.

В 1921 г. Н. А. Рубакин выпустил в Париже двухтомный труд на французском языке (в переводе сына — А. Н. Рубакина) под заглавием: «Введение в библиопсихологическую психологию». В этой книге уже было высказано большинство идей, легших впоследствии в основу его книги «Психология читателя и книги», вышедшей в Москве в 1928 г.

В статье «Тайна успешной пропаганды», написанной в 1926 г., Рубакин говорит, что созданная им наука «библиопсихология» «экспериментально доказывает, а теоретически обосновывает главный принцип научно поставленной пропаганды: бытие — это значит та реальность, которая поставляет каждому из нас самый материал для наших дум и чувств... Социальная среда или строй социально-экономических производственных отношений — таков тот источник, который поставляет каждому из нас тот запас горючего материала, какой и воспламеняется искоркой — словом».

В конце 20-х и начале 30-х годов работы Рубакина стали предметом резких нападок со стороны советских критиков и книговедов, и родившаяся из этих работ созданная Рубакиным новая наука — библиопсихология — была объявлена мелкобуржуазной идеалистической теорией.

Наиболее правильная критика этой теории была выражена в письме Карпинского Рубакину от 16 февраля 1923 г. Резко критикуя противоречия автора и путаницу многих его понятий, Карпинский тем не менее указывал, что «буржуазия не только не заинтересована в осуществлении Ваших идей, а как раз наоборот».

В настоящее время многие из идей Рубакина получают признание и вызывают живой интерес. Исследования Рубакина в области библиопсихологии были использованы в психолингвистике, разрабатываемой проф. А. А. Леонтьевым и др.

Теория библиопсихологии была встречена с большим интересом, но и с меньшей критикой в Западной Европе и в США, и этот интерес продолжает расти. В 1968 г. в Англии издательством Клайв Бингли в Лондоне было предпринято издание «Классиков книжного дела» и первой в этой серии была книга «Николай Рубакин и библиопсихология» под редакцией С. Симсовой.

В СССР число статей, посвященных изучению работ Рубакина в области библиопсихологии, за последние годы значительно выросло. Появились и работы, отмечающие положительные идеи Рубакина в этой области. Таковы, например, статьи Ю. А. Сорокина «Библиопсихологическая теория Н. А. Рубакина и смежные науки» («Книга. Исследования и материалы», 1968, сб. 17, с. 55), его же «О статье Н. А. Рубакина «Тайна успешной пропаганды»

в сборнике «Речевое воздействие (Проблемы прикладной лингвистики)» в 1972 г. В этом же сборнике впервые напечатана и статья Н. А. Рубакина «Тайна успешной пропаганды».

Мы думаем, что в работах Рубакина имеется много еще недостаточно известных, глубоких мыслей, которые будут разрабатываться нашими книговедами. «Шелуха» будет отброшена, а оригинальные, новые, глубокие мысли станут достоянием советского книговедения.

Громадное наследие Рубакина сейчас изучается, из него берется все современное, актуальное, его идеи проникают в современное книговедение.

Изучение читателя, изучение психологической стороны действия книги на читателя — все это представляет огромный интерес для современных критиков и литературоведов. Можно смело сказать, что Рубакин первым указал на то, что в книжном деле изучение читателя так же важно, как и изучение писателя.

Для настоящего издания отобраны из огромного наследия Рубакина его основные работы, наиболее характерные для него и наиболее интересные для современного читателя. Это важнейшие его труды: «Этюды о русской читающей публике», «Письма к читателям о самообразовании», «Практика самообразования» и Введение к «Среди книг», представляющее очень большой интерес. Все помещенные в двухтомнике произведения Н. А. Рубакина внутренние связаны одно с другим. Мысли о читательских типах, о «подходящих» и о «хороших» книгах, об организации библиотек уже появились в «Этюдах о русской читающей публике», снова всплыли в более широком и углубленном виде в «Письмах к читателям» и в «Практике самообразования».

Чтобы дать представление об объеме деятельности Н. А. Рубакина, приведем некоторые статистические данные о его трудах. Желающих ознакомиться с перечнем всех произведений Н. А. Рубакина мы отсылаем к указателю Фридман и др. «Труды Н. А. Рубакина. Библиография» («Записки Отдела рукописей» Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1963, вып. 26, с. 151—206) и к большой научной работе Л. М. Ивановой, А. В. Сидоровой, М. В. Чарушниковой «Архив Н. А. Рубакина» («Записки Отдела рукописей» Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1963, вып. 26, с. 64—150). Здесь же мы приводим только цифровые данные о работах Н. А. Рубакина.

Данные эти были составлены самим Н. А. Рубакиным и его секретарем М. А. Бетманн. Они заканчиваются 1934 г. Но и после этого Н. А. Рубакиным было еще опубликовано немало статей.

С 1875 по 1934 г. Н. А. Рубакиным было опубликовано: 350 журнальных статей, 280 книг и брошюр, 15 руководств для самообразования.

Составлено 15 000 индивидуальных программ для чтения и самообразования.

47 книг Рубакина было запрещено и уничтожено царской цензурой.

С 1894 по 1906 г. Рубакин принимал активное участие в работе нескольких крупных издательств в России (О. Н. Поповой, И. Д. Сытина и т. д.).

Научно-популярные книжки Рубакина издавались на 28 языках.

В 1919—1920 гг. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов издал 22 книжки и брошюры Рубакина тиражом 1 420 000 экз. С 1923 по 1928 г. советскими издательствами было переиздано еще 23 книжки Рубакина (тиражом 166 000 экз.).

Всего с 1889 по 1928 г. разошлось свыше 20 миллионов экземпляров книг Рубакина.

Рубакин собрал за свою жизнь две большие библиотеки. Первая — в Петербурге (80 000 томов) — была им подарена Петербургскому отделу Всероссийской лиги образования в 1907 г.

Вторая, почти в 100 000 томов, особо ценная по подбору книг, была им завещана Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве, где она находится и поныне, составляя особый фонд — «фонд Рб».

Произведения Н. А. Рубакина печатаются с сокращениями. Опущены места, имеющие, как образно говорил сам Рубакин, «интерес пункта и момента», т. е. подробности, важные для того времени, но утратившие ныне свой интерес, излишне детальные статистические данные, списки имен и названий, ныне явно устаревшие, мало говорящие современному читателю. Пропуски отмечены знаком <...>.

Тексты публикуются по современным нормам орфографии и пунктуации, с сохранением характерных особенностей слога автора, ряда сокращений, принятых Н. А. Рубакиным.

Под строкой приведены некоторые примечания, данные Н. А. Рубакиным в его изданиях. Здесь же помещены необходимые по ходу чтения текста пояснения составителя — А. Н. Рубакина (с пометой — *Сост.*) и редактора (с пометой — *Ред.*).

Развернутый общий комментарий к работам в конце каждого тома принадлежит перу сына Н. А. Рубакина — профессора А. Н. Рубакина. Реальный комментарий, подготовленный А. А. Беловицкой, дается в конце каждого тома, комментируемые места в тексте отмечены знаком *.

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ КНИГОВЕД

Наука и культура в России второй половины XIX века своим развитием обязаны в немалой степени «частным ученым», как их именовали в официальных переписях¹. Это были люди, которые бескорыстно и самоотверженно осуществляли крупные научные замыслы, разрабатывая свои научные идеи, как правило, прогрессивные и плодотворные. Среди них выделяется Николай Александрович Рубакин, которого А. В. Луначарский в беседе с советскими библиотечными работниками охарактеризовал как крупнейшего талантливого деятеля народного просвещения². В этой оценке с Луначарским перекликается Ромен Роллан. В послании к французским учителям он назвал Рубакина замечательным представителем передовой русской интеллигенции, который «...сумел стать живой энциклопедией и просвещал свой народ»³.

Работа по просвещению масс, обреченных на темноту и невежество в гнетущих условиях самодержавия, которую вела в России демократическая интеллигенция, отражала, разумеется, различные направления освободительного движения эпохи. Но в целом она помогала пробуждать политическое сознание «нижних слоев пролетариата», а также крестьян и мелких ремесленников, которые неспособны были «...выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения»⁴. Это лучше всего понимали сами пропагандисты марксизма. В набросках незаконченного очерка о Н. К. Крупской⁵, над которым Рубакин работал в 20-е годы, он вспоминает, как она со

¹ Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., «Мысль», 1971, с. 198.

² См. в кн.: Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969, с. 208.

³ Роллан Р. Собр. соч. в 14-ти т. Т. 13. М., 1958, с. 110.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 26.

⁵ Н. А. Рубакин о Н. К. Крупской. Публикация А. Кравченко. — «Сов. педагогика», 1961, № 2, с. 124—126.

своей подругой — тоже учительницей воскресной школы — пришла поблагодарить его за доклад в Петербургском комитете грамотности. Он анализировал материалы, полученные по программе изучения читателей. Молодые учительницы высказали благодарность Рубакину не только за доклад, но, как он вспоминал, и за «... веру в рабочий класс и его светлое будущее». «Я, народник, — писал Рубакин, — получил за свою анкету одно из первых приветствий — от марксистов». Несмотря на идеалистические заблуждения Рубакина, марксисты высоко оценивали объективно революционизирующее значение его многосторонней просветительской деятельности.

В своих научных гипотезах и исследованиях Рубакин нередко опережал свое время. Именно поэтому его основные работы сохраняют непреходящую ценность и в наши дни и вызывают большой теоретический и практический интерес. Всей деятельностью Рубакин как бы предвосхитил современные взгляды на книговедение как на совокупность различных отраслей практики и научного знания, относящихся к созданию, изготовлению, распространению, хранению и поиску книги. При этом Рубакин всегда связывал эти отрасли с изучением психологии читателей, их взаимодействия с книгой и общими проблемами чтения в жизни общества.

Чуть ли не со второго класса реального училища работая в библиотеке своей матери, Лидии Терентьевны Рубакиной, убежденной шестидесятиницы, Н. А. Рубакин постепенно пришел к выводу, что даже наилучшая книга по-разному воспринимается разными читателями и ее влияние зависит и от типа читателя, и от типа самой книги.

Рубакин стал изучать читателей и изучать книги с точки зрения их восприятия различными группами читателей. Он столкнулся с тем, что для основной массы читателей не существовало истинно научной литературы, которая была бы в то же время истинно популярной. Значит, исходя из возможностей читателя, надо такую литературу создать. Это и побудило его к написанию научно-популярных книг для наименее подготовленных читателей: рабочих и крестьян, а также к подготовке и изданию подобной литературы в современных ему передовых издательствах. В издательстве И. Д. Сытина был даже создан специальный «Отдел Н. А. Рубакина».

Произведения Н. А. Рубакина неоднократно переиздавались и распространялись. Общий тираж их превысил 20 миллион, что далеко опередило привычные для того времени тиражи. Некоторые из этих книг печатались за рубежом революционными организациями и ввозились нелегально в Россию.

Общественная активность Рубакина выразилась в том, что он был одним из инициаторов создания (в конце 1896 г.) писательской организации, которую современники называли «Союз писателей». В марте 1901 г. Союз был закрыт за единодушный про-

тест против полицейской расправы над студенческой демонстрацией на Казанской площади⁶.

Изучение читателей легло в основу не только разработанных Рубакиным принципов популяризации научных знаний, но и целой системы самообразования и системы библиографической пропаганды, с которой он органически связывал изучение читательской психологии.

Общеизвестен девиз Рубакина, который он пронес через всю жизнь: «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость!» Библиотеку же он называл «ассоциацией книг». Он разработал также систему организации деятельности библиотеки и использования всех библиотечных средств таким образом, чтобы раскрыть перед читателем широкие горизонты науки и общественной жизни.

Рубакин — автор блестящих статистических работ, на основе которых он делал публицистически острые выводы. Его работа «Россия в цифрах» имеет подзаголовок: «Несправедливое устройство русского государства, показанное цифрами».

В. И. Ленин в нескольких статьях использовал данные, собранные Рубакиным, отмечал яркость и злободневность их почачи⁷.

Среди статистических работ Рубакина есть и первые в России труды по книжной статистике. Рубакин не только работал почти во всех отраслях книжного дела, но и в каждой отрасли выдвигал новые проблемы, одновременно предлагая оригинальные и в большинстве случаев прогрессивные методы их решения, причем стремился сам осуществлять эти предложения. Итак, выражаясь современным языком, Рубакин был социологом чтения, писателем, издательским редактором, статистиком книжного дела, теоретиком и практиком библиографии и библиотечного дела, теоретиком и организатором самообразования. Советские деятели книги справедливо называют Рубакина выдающимся русским книговедом.

Капитальные труды Рубакина — «Этюды о русской читающей публике», «Письма к читателям о самообразовании», «Практика самообразования», указатель «Среди книг» — пропизаны его основными идеями о книге и чтении. Заметим, однако, что наряду с прогрессивными, сохраняющими и ныне свое значение, у него немало и ошибочных положений — неприемлемых с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, а также устаревших в свете современной науки.

Рассмотрим прежде всего его вклад в социологию чтения, так как именно изучение читателей легло в основу деятельности

⁶ Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч., с. 253—254.

⁷ Ленин В. И. Буржуазные дельцы-финансисты и политики. — Полн. собр. соч. Т. 23, с. 258—259.

Рубакина — писателя-популяризатора, библиотекаря и библиографа.

Родоначальником читателеведения называли Рубакина на Всесоюзной научной конференции по актуальным проблемам книговедения (1974 г.), подчеркивая, что разработанная им библиопсихология при всех присущих ей противоречиях и недостатках явилась отправной точкой современного научного изучения читателя.

В работе «Этюды о русской читающей публике» Рубакин применил психологический, исторический и статистический методы исследования. Умение работать со статистическим материалом помогло ему сделать глубокие и убедительные выводы о состоянии книгоиздания, распространения книги и периодики, а также библиотек в России. Он показал тесную связь проблем книжного дела в его тогдашнем понимании с проблемами книгопотребления, восприятия книги читателем, которые уже включает в себя современное советское книговедение. Он первый высказал мысль о том, что история литературы не есть только история писателей и их произведений, несущих в общество те или иные идеи, но и история читателей этих произведений. Интересно, что с этой мыслью Рубакина в известной степени перекликается в наши дни труд известного советского ученого — академика М. В. Нечкиной «Загадка художественного образа» (М., 1972). Один из разделов этой книги озаглавлен «Читатели как творцы истории».

Рубакин стремился к социальному анализу различных групп читателей, называл условия среды и характер труда одним из важнейших факторов, влияющих на чтение и восприятие прочитанного. Его программа изучения читателей была построена таким образом, чтобы получить сведения о том, какие книги и в каких слоях общества находят наиболее благоприятный отклик.

Если до Рубакина составители программ изучения читателей имели в виду народ вообще, то Рубакин стремился дифференцировать читателей именно по отдельным слоям общества. В частности, он первый среди объектов изучения выделил читателей «из командующих и привилегированных классов». При проведении современных социологических исследований учитываются такие методы, предложенные Рубакиным, как, например, изучение всей массы читателей какого-либо социального слоя одновременно с изучением отдельных читательских индивидуальностей из этой же части (группы) населения.

Сохраняют значение мысли Рубакина о влиянии на опрашиваемых личности опрашивающего, о необходимости выяснять особенности жизни в той местности, где собирается материал.

Остаются в силе и такие методические положения Рубакина, как ведущая роль естественного наблюдения, исследование читателя в «самих очагах чтения» — библиотеках, необходимость систематического и длительного наблюдения и разнообразия ис-

точников исследования, в том числе привлечения библиотечной статистики и документации.

За три четверти века до того, как в общественные науки все шире начали проникать математические методы, Рубакин предложил свое определение читаемости писателя (см. т. II, с. 141—142), которое современные советские социологи математизировали и назвали формулой Рубакина: $Q = S/(nm)$, где Q — читаемость данного автора в данной библиотеке, S — число выдач книг данного автора, n — число томов (экземпляров) его произведений в фонде конкретной библиотеки, m — число читателей, обратившихся к ним⁸.

Рубакин сделал важные и прогрессивные выводы из своего исследования, прежде всего резко осудив издание так называемой «народной» литературы, доказав, что читатель из народа ее не приемлет и в ней не нуждается. «Народу нужны не «народные» книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак», — с гневом писал Рубакин. Главное же — он зорко подметил важный социальный процесс: «Нарастание читателя в народе», «Читатель становится умственным центром», «Нарастает новая интеллигенция из народа».

При всех этих значительных выводах Рубакин не смог развить их до конца. В своей типологии читателя Рубакин не пошел дальше довольно расплывчатого обозначения «современный (или светский) начетчик — сознательный любитель книги». В своих «Этюдах о русской читающей публике» Рубакин не смог увидеть и описать лучших передовых читателей — рабочих из «передовых слоев пролетариата», по ленинскому определению⁹, которые сумели осознать свои классовые интересы и стремились к знаниям для революционного изменения общественного строя. Именно из рабочей интеллигенции большевики сформировали ряд выдающихся профессионалов-революционеров.

Этот тип читателя был выявлен и описан в произведениях Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, М. Горького, о нем говорит Н. К. Крупская в воспоминаниях о преподавании в воскресной школе.

С глубоким уважением к пролетариату, с верой в его неистощимые духовные силы В. И. Ленин писал: «...среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов...»¹⁰. Расплывчатость рубакин-

⁸ Подробную характеристику Рубакина как социолога чтения см.: Коган В. З. Из истории изучения читателей в дореволюционной России. — В кн.: Проблемы социологии печати. Вып. I. Новосибирск, 1969, с. 52—67.

⁹ Ленин В. И. Попытное направление в русской социал-демократии. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 268.

¹⁰ Ленин В. И. Там же, с. 269.

ской характеристики «современного начетчика», одинаково относящейся и к крестьянину и к рабочему, особенно ясна при ее сравнении с этими проникновенными словами.

Ошибочным был и недифференцированный подход Рубакина к «привилегированным классам». Трудовая интеллигенция оказалась в одном ряду с чиновниками всех рангов, купцами, предпринимателями и пр. Главный же недостаток работы Рубакина заключался в абсолютизации читательской психологии, что привело его к глубоко ошибочному заключению, будто невозможно объективно выявить положительные и отрицательные стороны книги — ее содержание и оценка якобы зависят от того, какой читатель ее читает.

Эти положения Рубакина не приняли многие из тех, кто его высоко ценил. Ромен Роллан выступил против утверждения Рубакина, будто содержание книги подчиняется индивидуальности читателя¹¹.

Разумеется, эти ошибочные положения ни в коей мере не уменьшают исторических заслуг Рубакина в развитии социологии книги и чтения, в постановке проблемы восприятия прочитанного. Необходимо также отметить, что Рубакин не удовольствовался достигнутым в разработке библиопсихологии, а живо следил за развитием психологической науки. Он послал И. П. Павлову свой труд о библиопсихологии и получил ответ, в котором великий русский ученый указал ему на трудности в определении типов высшей нервной деятельности, а следовательно, и типов читателей. Очевидно, в знак своего уважения к трудам Рубакина по психологии чтения И. П. Павлов прислал ему первое издание своей книги «Двадцать лет изучения высшей нервной деятельности» с дарственной надписью (хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина).

Идеи Рубакина о самообразовании и его поистине титаническая деятельность по переписке с читателями, занимающимися самообразованием, наиболее полно отражены в работах «Письма к читателям о самообразовании» и «Практика самообразования». И в других своих произведениях Рубакин постоянно возвращается к этой проблеме и подчеркивает ее значение для писателей-популяризаторов, работников библиотечного дела и библиографов.

Актуальны и интересны мысли Рубакина о разных путях применения самообразования и вытекающем отсюда неоднозначном определении его. Вокруг нас и для нас идет, никогда не переставая, педагогический процесс. Не только подрастающее поколение надо воспитывать и обучать, но и взрослых, — говорил Рубакин, предвосхищая идею непрерывного образования, которую ЮНЕСКО выдвинула перед странами-участницами как од-

¹¹ Архив Н. А. Рубакина. — В кн.: Записки отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 26. М., 1963, с. 112.

ну из важнейших проблем народного образования сегодня. Рубакин характеризует самообразование как метод самовоспитания, так как в итоге чтения человек не только накапливает знания, но, что не менее важно, — под влиянием книг изменяется поведение самого читателя.

Самообразование в царской России было также средством самостоятельно приобрести знания для тех, кто в силу социальной несправедливости был лишен этой возможности.

В письме к Н. К. Крупской¹² Рубакин горячо присоединяется к ее мнению о том, что самообразовательное чтение научно-популярной литературы помогает школьной учебе. В этом письме Рубакин со справедливой гордостью называет себя фанатиком и практиком популяризации. Вспомним, что и популяризатором он стал, чтобы помочь просвещению народа с помощью самообразовательного чтения, «чтения хороших книг».

В своей рецензии на «Письма к читателям о самообразовании»¹³ Н. К. Крупская отметила прежде всего «лирическую сторону дела», как она выразилась, говоря о самом стиле книги: «...читателю невольно передается любовь автора к книге, его вера в великую силу знания». «Не во всех вопросах можно согласиться с автором, далеким от классового точки зрения, — пишет далее Надежда Константиновна, — но его громадная заслуга, что он сумел поставить вопросы самообразования в правильной перспективе». Что же Н. К. Крупская считала особенно ценным? Среди других верных, по ее мнению, мыслей автора она выделяет мысль о всесторонности самообразования — о том, что оно должно знакомить с целым циклом знаний (сейчас мы говорим о комплексности самообразовательного чтения). Затем Надежда Константиновна присоединяется к тому, что необходима индивидуализация изучаемого материала. И, наконец, — что книга только тогда приносит пользу, если вносит нечто новое в практическую деятельность читателя.

Со свойственной ему горячностью Рубакин неоднократно заявлял, что самообразование без повышения общественной активности читателя не может быть истинным самообразованием.

Н. К. Крупская предлагала советским библиотекарям протудировать рецензируемую ею книгу ввиду особой ценности этого труда не только в библиотечной, но и вообще внешкольной работе.

В то же время Н. К. Крупская резко критиковала Рубакина за отбор рекомендуемых книг.

Отмечая ценность системы самообразования, разработанной Рубакиным в другой его работе — «Практика самообразования», журнал «Помощь самообразованию»¹⁴ в то же время указывал

¹² Подробно см. в кн.: Рубакин А. Н. Рубакин. М., 1967, с. 123—124.

¹³ Крупская Н. К. Пед. соч. в 10-ти т. Т. 10. М., 1962, с. 22—24.

¹⁴ «Помощь самообразованию», 1925, № 3, с. 91—92.

на присущий Рубакину недостаток — «неопределенную разносторонность», т. е. все то же отсутствие ясной цели в приобретении знаний, а также провозглашение аполитичности при рекомендации литературы в помощь самообразовательному чтению.

Противореча сам себе, Рубакин недооценивал революционизирующее влияние самообразования. Защитники русского самодержавия делали более последовательные выводы из его работ. В 1914 г., после выхода в свет «Практики самообразования», реакционная критика яростно обрушилась на нее. Некто Облеухов выступил со специальной брошюрой «Самообразование как орудие подготовки революции». Это был полицейский донос на Рубакина. Мракобес рассматривал его призывы к самообразованию как «...фабрикацию десятников революции»¹⁵. Здесь он оказался дальновиднее самого автора.

Для Рубакина проблемы самообразования были неотъемлемы от библиотечного дела и библиографии. Уже сам по себе такой подход был новаторским и смелым в дореволюционные годы.

Определяя библиотеку как «орудие борьбы общества за лучшее будущее», он видел ее главную задачу в том, чтобы «возможно большее количество возможно лучших книг могло проникнуть в возможно широкий круг читателей».

Чтобы обеспечить эту задачу, Рубакин, будучи сам библиотекарем-практиком, прежде всего рассматривал и выдвигал наиболее рациональную организацию комплектования. Он разработал оригинальную, хотя и во многом спорную теорию книжного ядра, выдвигая два обязательных условия «рационального» комплектования книжного фонда общеобразовательной библиотеки. Первое — энциклопедичность состава фонда (Рубакин любил повторять, что библиотека должна быть книжным отражением Вселенной, предлагая читателю литературу по всему циклу наук). Второе необходимое условие — давать читателю возможность «...по любой науке идти вперед и вверх с любой ступени лестницы», т. е. с любым уровнем подготовки к ее восприятию.

Естественно, что Рубакин первый из русских книговедов начал разрабатывать типологию книги. Он предложил взять за основу этой типологии разработанные им принципы библиопсихологии, и сейчас представляющие интерес для социологов чтения. К первой группе он отнес книги интеллектуального типа (главным образом научные). Ко второй — книги эмоционального типа (главным образом беллетристические произведения). К третьей — книги активного типа, побуждающие человека к действиям (книги по прикладным знаниям, указывающие, что и как де-

¹⁵ Облеухов Н. Самообразование как орудие подготовки революции (о книге Н. А. Рубакина: Практика самообразования). Б. м. и г. (1914), с. 11, 19. См. также: Архив Н. А. Рубакина, с. 74.

лять). Если последний тип сочетается с первым, получается пропагандистская книга, если со вторым. — книга агитационного характера.

Излагая эти предложения, советский исследователь деятельности Рубакина, однако, справедливо отмечает их неполноту, противоречие взглядам самого Рубакина, так как здесь не учтено разнообразие воздействия книги на читателя в зависимости от читательской индивидуальности и от условий среды¹⁶.

Характерно для отвлеченно просветительских взглядов Рубакина, что он не учитывал цели, с которой обращается к книге сам читатель, определяя своеобразный социальный заказ автору, т. е. применяя современные термины, целевое назначение издания (в современном советском книговедении существует точка зрения, что это и есть главный типобразующий фактор)¹⁷.

Рубакин разрабатывал и другую фундаментальную проблему — библиотечно-библиографическую классификацию. Схема, предложенная им во втором издании указателя «Среди книг», ныне устарела и представляет собой интерес только для специалистов. Однако необходимо отметить новый для того времени и прогрессивный взгляд Рубакина на схему систематического каталога как на одно из средств руководства чтением и помощи самообразованию. До Рубакина никто еще не сближал так решительно и смело библиотечный каталог с практикой его использования в общеобразовательной библиотеке¹⁸. Он считал, что библиотека должна знакомить читателя с циклом различных наук и предлагать лучшую литературу по каждой из них, а дальше пусть читатель выбирает, кому какая книга интересна, и читает их в таком порядке, какой ему предпочтительнее (см. ст.: Несколько слов о системе чтения. — «Воспитание и обучение», 1891, № 9, с. 283). Эта мысль приобретает актуальное значение в современных условиях расширения цикла научных отраслей и развития книгоиздательства.

Характерная черта: все эти глубокие и передовые взгляды на комплектование уживались у Рубакина с предложением, которое он настойчиво повторял, а именно — иметь в фонде библиотеки «книги-приманки», «книги на разводку читателей» — даже бульварную литературу для читателей с еще не развитым, неразборчивым вкусом, которых может оттолкнуть от библиотеки отсутствие подобных «ходовых» книг. Это предложение подверг спра-

¹⁶ Подробно см. в кн.: Мавричева К. Г. Н. А. Рубакин. М., 1972, с. 75.

¹⁷ См., например: Черняк А. Я. О типологии произведений литературы. — В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. М., 1974, с. 3—16. Ротапринт.

¹⁸ Эта сторона деятельности Н. А. Рубакина глубоко раскрыта в статье: Эйдельман Б. Ю. Классификационные идеи Н. А. Рубакина. — В кн.: Труды Ленингр. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. Т. 15. Л., 1964, с. 159—173. Первая предприняла изучение классификационных идей Н. А. Рубакина Е. П. Арсфьева, защитившая диссертацию на эту тему в Моск. гос. ин-те культуры.

ведливой критике современник Рубакина, выдающийся и бескомпромиссный теоретик и практик библиотечного дела и библиографии — К. Н. Дерунов. В то же время он приветствовал прогрессивные идеи Рубакина в области библиотечного дела — в первую очередь о роли библиотеки в идейной жизни общества¹⁹. Нельзя пройти мимо рубакинского определения местного (краеведческого) отдела общественной библиотеки: его задача не «собираение печатных редкостей», а «развитие общественного сознания и общественной активности». В известной мере Рубакин предвосхитил взгляд, принятый уже в советском библиотековедении, — о том, что библиотека должна занимать определенное место в системе народного просвещения, а не только выдавать книги напрокат. Эта точка зрения в последнее десятилетие широко распространяется также в передовой зарубежной публицистике (писал об этом, в частности, Андре Моруа).

Все это позволяет сделать вывод, что впервые в России и один из первых в мировой библиотечной практике Рубакин применил научные методы многостороннего анализа библиотечного процесса²⁰.

Наконец, для советского библиотековедения представляют интерес личные особенности Рубакина как библиотекаря-практика, который умел оказывать помощь читателям и в то же время профессионально обогащать свои знания с их помощью. Об этом сохранились свидетельства таких «абонентов» его библиотек в России и в Швейцарии, как Н. К. Крупская и Г. В. Плеханов. Крупская тепло вспоминала о «массе сведений, столь необходимых при занятиях с рабочими» (письмо от 8 апреля 1911 г.), о ценных указаниях (письмо от 15 янв. 1917 г.), которые она получала от Рубакина в годы преподавания в воскресной школе²¹. Еще более интересны свидетельства, сохранившиеся в переписке Рубакина с Г. В. Плехановым: не только Плеханов благодарил Рубакина за подбор необходимых ему книг, но и Рубакин писал, что знакомство с литературой по темам, интересовавшим Г. В. Плеханова, было ему и полезно и интересно²².

Рубакин высоко оценивал роль библиотеки, рассматривал ее как учреждение, находящееся на службе общества. Библиотеку своей матери, более 80 тыс. томов, которые в основном были приобретены им лично, на собственные литературные заработки, он передал в дар Всероссийской лиге образования, а в ее лице «всему петербургскому населению и прежде всего — петербургскому пролетариату и трудовой интеллигенции».

¹⁹ Дерунов К. Н. Избранное. М., 1972, с. 146.

²⁰ Чубарьян О. С. Общее библиотековедение: итоги и проблемы. М., 1973, с. 16—17.

²¹ Н. К. Крупская — Н. А. Рубакину. 2/II—1909 г., 18/IV—1911. Пед. соч. Т. 11 (доп.). М., 1963, с. 121; 15/I—1917. — Там же, с. 175.

²² Подробно см.: Машкова М. В. Г. В. Плеханов и «Среди книг» Н. А. Рубакина. — «Сов. библиография», 1963, № 6, с. 83—101.

Библиографические труды Рубакина представляют собой важный этап в развитии русской библиографии²³. Рубакин поставил перед нею новую задачу: не ограничиваться учетом заглавий, как это было принято, а раскрывать содержание книг, понимая под этим не только фактические сведения, но и характеристику идейного содержания, что получило, как известно, одобрение Ленина²⁴.

Дореволюционная прогрессивная русская библиография была прочно связана с передовой библиотечной практикой и быстро обогащала ее новыми типами библиографических пособий, а следовательно, и новыми методами пропаганды книги. Эта связь библиографии, адресованной новому демократическому читателю, и передовой практики общеобразовательных библиотек была одним из характерных явлений эпохи. Рубакин внес значительный и разносторонний вклад в составление библиографических пособий в помощь самообразованию.

Программы чтения, рекомендательные каталоги и указатели литературы по сути дела явились своеобразной формой пропагандистской и просветительской деятельности демократической русской интеллигенции. Они были взяты на вооружение большевиками и на страницах большевистской печати получили свое наивысшее развитие²⁵.

Вводный очерк к указателю «Среди книг» — это первое в России руководство по теории и практике библиографии.

Библиографическая деятельность Рубакина без сомнения была подготовлена всеми его многосторонними связями с книжным делом и прежде всего с библиотечной практикой, точно так же, как его фундаментальный труд «Среди книг».

Как библиограф Рубакин начинал с составления печатных каталогов книжного фонда библиотеки своей матери. В 1875, 1879, 1889, 1896 гг. эти каталоги выходили в свет. Следующим этапом были уже не каталоги конкретной библиотеки, а составление примерных каталогов разного типа (типовой каталог — по современной терминологии), чтобы, пользуясь ими, библиотекарь мог со знанием дела и комплектовать книжный фонд и рекомендовать книги читателю. Таков был путь к созданию своеобразного универсального библиографического указателя, необходимого и для комплектования, и для руководства чтением, и для самообразования.

Одновременно Рубакин практически разрабатывал внутрикнижную библиографию совсем особого рода: списки литерату-

²³ Подробную характеристику этой стороны деятельности Рубакина см. в кн.: Машкова М. В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года). М., 1969, с. 453—455.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 111—114.

²⁵ Подробнее см. в кн.: Смирнова Б. А. Деятельность Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в области рекомендательной библиографии. М., 1964, с. 13—15.

ры, приложенные к его научно-популярным книгам и брошюрам, указывали читателю путь вверх по ступенькам лестницы знаний, что, как было сказано выше, Рубакин считал главной задачей библиотеки. К своей брошюре «Крестьяне-самоучки» Рубакин приложил краткий список универсального характера. Это была попытка очертить круг знаний, необходимых, по его мнению, «современному начетчику» крестьянину, после того, как в брошюре он показал на примере конкретных людей — своих корреспондентов, что дало им разностороннее самообразовательное чтение. Подобные указатели литературы — прообраз кругов чтения в советской библиографии и современных книжных закладок типа «Что читать дальше».

Рубакин первый из библиографов поставил вопрос о необходимости библиотекарю пользоваться библиографическими пособиями, подчеркнул важность хорошо организованного справочно-библиографического аппарата библиотеки. В 1-м издании «Среди книг» он привел список пособий, необходимых для библиотекарей, и сопроводил его указаниями, как использовать то или другое из них.

Недостаточно оценена попытка Рубакина разработать схему классификации категорий (видов) библиографии²⁶. Во втором издании указателя «Среди книг» эта схема приобрела довольно ясные очертания. Видно, что Рубакин стремился выделять только главные признаки каждой категории. Первая — каталожная библиография — регистрирует книги вне зависимости от оценки содержания. Ко второй — рекомендательной библиографии — Рубакин отнес указатели особо рекомендуемых книг, пособия для самообразования, программы домашнего чтения и т. п. Третья категория библиографии, по мысли Рубакина, была призвана отражать развитие научно-философских и литературно-общественных течений и давать представление не о лучших книгах, а о тех, которые являлись своего рода вехами исторического процесса. Эту категорию Рубакин назвал эволюционно-философской. Наконец, к четвертой он отнес библиографию психологическую, еще нарождающуюся. По его мысли, она должна была развиваться на основе изучения психологии различных читательских групп. Интересно, что указатель «Среди книг» Рубакин относил к третьей категории с элементами четвертой.

Разработка классификации видов библиографии прошла долгий и сложный путь и хотя сейчас практически вырисовываются границы отдельных видов и основа деления — ее общественные функции, но теоретически схема все еще остается дискуссионной.

Можно считать, что первая предложенная Рубакиным категория обозначается сейчас термином «учетно-регистрационная».

²⁶ Приоритет в этом отношении принадлежит М. В. Машковой (см.: Указ. соч., с. 453—455). Однако выдвинутые ею положения не бесспорны.

Задачи эволюционно-философской категории в известной мере совпадают с одной из функций научно-вспомогательной библиографии — подытоживающей. Сохранился термин «рекомендательная библиография», вобрав в себя и библиографию психологическую, так как при разработке рекомендательных пособий обязательно учитываются особенности психологии (восприятия, стимулов чтения и др.) отдельных читательских групп. Однако сейчас этот признак, который получил наименование «читательская установка», справедливо относят и к другим видам библиографии (кроме учетно-регистрационного). Таким образом, Рубакин сказал первое слово и в такой важной проблеме теории библиографии, как ее научная классификация, наиболее приблизившись к современной схеме советской классификации видов библиографии соответственно общественной функции каждого вида. Эта прозорливость не была случайной, ибо четкость назначения каждого библиографического указателя всегда живо интересовала Рубакина, который прежде всего заботился о широком практическом применении библиографических пособий.

Наиболее прославил Рубакина его труд «Среди книг», подобного которому не было в мировой библиографии. Все — начиная с замысла дать для самообразования и библиотек «...обзор русских книжных богатств в связи с историей идей», с раскрытия содержания огромного книжного массива новыми и оригинальными способами (предварительные замечания, расположение и пр.) и кончая привлечением к своему труду ученых и общественных деятелей, было смелым новаторством. Хотя Рубакин и не проявил должной последовательности в этом важном деле, тем не менее привлечение В. И. Ленина к составлению «Предварительных замечаний», — несомненно, историческая заслуга Н. А. Рубакина²⁷. Сохранились письма Г. В. Плеханова к Рубакину, в которых он давал подробные дружеские замечания во время подготовки второго издания книги, когда Рубакин жил уже в Швейцарии. Эти замечания помогли Рубакину внести в свой труд важные изменения и дополнения, в том числе — значительно расширить перечень работ В. И. Ленина, причем среди них Рубакин указал также запрещенные цензурой и вышедшие нелегально (этого принципа он придерживался неукоснительно).

Г. В. Плеханов отнесся к труду Рубакина с величайшим сочувствием и интересом. Сообщая ему свои замечания о подборе книг по марксизму, Плеханов писал: «Умоляю Вас, обратите внимание на то, что я говорю против Туган-Барановского. Ей-богу же он портит Вашу работу, а я ею дорожу»²⁸. (К сожалению, здесь Рубакин не прислушался к голосу Плеханова, что и по-

²⁷ См.: Ленин В. И. О большевизме. — Полн. собр. соч. Т. 22, с. 279—280.

²⁸ Цит. по статье М. В. Машковой (см. прим. 22).

служило одной из причин справедливой критики в ленинской рецензии.)

Оба издания указателя «Среди книг» (1906 г. и 1911—1915 гг.) вышли в годы политического и культурного роста масс — сначала в связи с Первой русской революцией, а затем — в период подъема рабочего движения, когда ответ на вопрос «что читать» приобрел «...не только общекультурное, но и важнейшее политическое значение»²⁹.

Появление второго издания «Среди книг» как ни одно другое библиографическое издание вызвало широкий отклик прессы всевозможных политических течений и оттенков. На страницах большевистской печати глубокую и всестороннюю оценку указателя дал В. И. Ленин³⁰.

Ленинская рецензия представляет собой методологическую основу советской библиографии, и поэтому ей был посвящен ряд трудов и исследований. Однако только в последние годы главные положения рецензии были раскрыты с достаточной полнотой, а именно глубоко проанализирована не только критическая, но и положительная сторона оценки В. И. Лениным работы Рубакина и сделан верный вывод, что В. И. Ленин «...исходил из того, что она может в известной мере содействовать выполнению демократической программы просвещения народа»³¹.

Общая направленность подбора литературы была прогрессивной. Стремление Рубакина дать обзор книг в связи с историей идей через предварительные замечания к каждому отделу также получило одобрение В. И. Ленина. Однако он подверг острой критике продекларированную Рубакиным «надпартийность», исключение какой бы то ни было полемики. Отказ от полемики Рубакину не удался ни в этом, ни в других его библиографических трудах, которые пронизаны скрытой полемикой — худшим видом полемики, по определению Ленина.

В. И. Ленин раскрыл также эклектизм Рубакина, его противоречивость, попытки примирять непримиримые точки зрения. В. И. Ленин рассматривал библиографию как одну из форм идеологической деятельности, видел в ней отражение процессов общественной жизни, борьбы классов и партий и обосновал важнейший принцип библиографии — принцип партийности. Этот ленинский вывод нельзя связывать с каким-либо отдельным видом библиографии³², как это, к сожалению, делали некоторые советские исследователи, подменяя принцип партийности «прин-

²⁹ Подробную характеристику исторической обстановки см.: Фонов Г. П. Общественно-политическое значение рецензии В. И. Ленина на труд Н. А. Рубакина «Среди книг». — «Сов. библиография», 1960, № 2, с. 23—34.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 111—114.

³¹ «Сов. библиография», 1960, № 2, с. 7. Передовая.

³² Брискман М. А. Рецензия В. И. Ленина на труд Н. А. Рубакина и ее методологическое значение. — В кн.: Труды Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. Т. 22. Л., 1971, с. 242—255.

ципом рекомендательности», т. е. относя ленинские указания только к рекомендательной библиографии.

Разумеется, наиболее отчетливо проведен принцип партийности в дореволюционных большевистских рекомендательных пособиях в помощь самообразованию, где абстрактному идеалистическому пониманию самообразования Рубакиным противопоставлена последовательная партийность.

Особенно интересен с этой точки зрения «Указатель книг для самообразования и как руководство при составлении библиотек рабочих организаций и клубов», помещенный во 2-м издании большевистского календаря «Спутник рабочего», вышедшего в свет в 1914 г.³³ — почти в одно время со 2-м томом труда «Среди книг» (2-е изд.), к которому относилась ленинская рецензия.

Прежде всего большевистскому указателю присуща ясность цели — выработка марксистского мировоззрения. Этим определяются темы разделов указателя. Не цикл наук вообще, но книги по естествознанию для воспитания материалистического взгляда на природу; история — для знакомства на конкретном материале с законами общественного развития; произведения великих русских революционеров-демократов, посвященные коренным проблемам общественной жизни России, и, наконец, раздел «Вопросы теории и практики» — литература по марксистской философии, политической экономии и социализму, а также по злободневным текущим вопросам. Литература была подобрана и расположена таким образом, чтобы привести читателя-рабочего к знакомству с основными теоретическими трудами по марксизму.

Высоко оценивая Рубакина, видные деятели большевистской партии следовали за Лениным в его критике рубакинской «надпартийности», а вернее — скрытой полемики и эклектизма.

«Не сосчитать, сколько раз Рубакин пропагандировал аполитизм, надпартийность просветительной работы, восставал против тенденциозности, — говорил А. В. Луначарский в названной выше беседе. — И столько же раз оказывалось, что он вовсе не аполитичен». Точно так же и в своей рецензии на «Письма читателям о самообразовании» Н. К. Крупская указывала, что, подбирая литературу, Рубакин вовсе не удержался в провозглашенной им надпартийности, «выбросил все марксистские книжки». Н. К. Крупская решительно высказывалась, что рубакинский подбор литературы неприемлем для советского библиотекаря.

Видный деятель Коммунистической партии В. А. Карпинский, который много лет переписывался с Рубакиным, с дружеской иронией писал ему, отмечая в его труде по библиопсихологии «...отсутствие у автора определенной, ясно выраженной общей точки зрения в вопросах психологии и философии» (16 февр.

³³ Подробную характеристику указателя см.: Левина С. С. Страницы истории большевистской библиографии. — «Библиотеки СССР», 1970, вып. 4, с. 81—83.

1923 г.): «Дорогой «книжный червяк!»³⁴ Неужели-таки солипсизм — это самая подходящая теория для активного человека — человека практики, как Вы?»³⁵

Для решения современных проблем советского книговедения, для дальнейшего распространения и улучшения пропаганды книги важно осмыслить исторический опыт, великое культурное наследие прошлого. За последние годы, особенно за истекшее десятилетие, советские исследователи немало сделали, — в частности для анализа и освещения различных сторон деятельности Н. А. Рубакина. Однако этого недостаточно.

Для эпохи научно-технической революции характерно непосредственное проникновение науки в практику, а также небывалое ранее участие широких слоев практических работников в научных исследованиях. Это проявляется и на всех участках работы с книгой. Так например, в фундаментальных исследованиях, проведенных в последние годы («Библиотека и научная информация», «Книга и чтение в жизни небольших городов» и многих других) участвовали десятки библиотечных коллективов, сотни рядовых библиотекарей и библиографов. Создано Всесоюзное добровольное общество любителей книги, охватившее тысячи энтузиастов.

В постановлении «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г., 26 мая) партия требует дальнейшего подъема всей работы с книгой в нашей стране. Для этого важно непрерывно повышать уровень всех участников этого великого культурного дела, в том числе знакомить непосредственно с такими трудами деятелей книги прошлого, которые составляют неотъемлемую часть культурных богатств нашего народа.

Работники советского книжного дела, вышедшего на передовые позиции мирового создания и распространения книги, являются преемниками славных традиций русской науки и культуры. Руководствуясь ленинскими указаниями в оценке замечательного наследия Н. А. Рубакина, они с живым интересом и несомненной практической пользой ознакомятся с его избранными трудами, представленными в книге, которая предлагается их вниманию.

³⁴ Один из псевдонимов Н. А. Рубакина.

³⁵ Письмо В. А. Карпинского к Н. А. Рубакину от 16 февраля 1923 г. Публикация А. Б. Сидоровой в кн.: Записки отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 26. 1963, с. 400.

**ЭТЮДЫ О РУССКОЙ
ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКЕ**

Факты, цифры и наблюдения Н. А. Рубакина

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Читатель, где ты?» Этот вопрос, как известно, лет десять — двенадцать тому назад поставил покойный М. Е. Салтыков.

Вряд ли нужно доказывать, какой интерес и какое значение, и теоретическое, и практическое, имеет ответ на этот вопрос. История литературы не есть только история писателей и их произведений, несущих в общество те или иные идеи, но и история *читателей* этих произведений. История литературы не есть только история возникновения идей, но и история распространения их в массе читателей, история борьбы этих идей за свое существование и за преобладание в читательской среде. Читающая публика, в широком смысле этого слова, — вот та арена, на которой главным образом и прежде всего происходит эта борьба, впоследствии захватывающая даже нередко и полуграмотную, и неграмотную массу. Поэтому ничто так не характеризует степень общественного развития, степень общественной культуры, как уровень читающей публики в данный исторический момент. В читателе, так сказать, отражается общественная жизнь, как в капле воды отражается окружающая среда. По настроению читателей мы имеем возможность до некоторой степени судить и о настроении среды. И стремления и тревоги общества тотчас же отражаются на выборе книг, которые требуют для чтения некоторые — именно наиболее чуткие элементы из среды читающей публики. Каковы бы ни были те условия, в которых этим читателям приходится существовать, раз начинает мучить и волновать тот или новый вопрос, они тотчас же начинают искать из числа существующих книг такие, которые в данном случае наиболее могут их удовлетворить. С другой стороны, равнодушное или апатичное отношение читающей публики к выбору книг, в свою очередь, служит прекрасным показателем общественного настроения. Читать «что-нибудь», глотать, подобно страусу, все, что придется, это ли не характерный признак читательского настроения?.. История читающей публики — одна из интереснейших и ярких страниц из истории общественного развития.

Изучение читающей публики имеет интерес и с другой стороны. Изучение читателей и почитателей помогает изучению писателя. И обратно: изучение писателя помогает понять его почитателей. Даже более, писатель, как это уже давно замечено, до некоторой степени неотделим от своих читателей. Между читателем и писателем, между психическими свойствами первого и свойствами второго существует до такой степени тесная и тонкая связь, что они действительно составляют в известном отношении единое целое. Они не могут существовать один без другого. <...>

Каждому писателю в большей или меньшей степени соответствует та или иная читательская среда, более или менее определенная общественная группа, совокупность лиц, считающих этого писателя выразителем своих чувств, желаний и идей. Какой именно группе служит тот или иной мыслитель, поэт или публицист? Какие стремления или вождения он собою отражает? Ответ на этот вопрос прибавляет весьма интересную и существенную черту к характеристике данного писателя.

Раздаются голоса о *литературном* оскудении, об упадке влияния лучших произведений лучших авторов на толпу, которая вполне удовлетворяется одним литературным хламом, выбрасываемым ежедневно на улицу в «изрядно большом количестве». Правы ли эти голоса? Не изменилась ли самая *область* влияния литературы? Не передвинулся ли центр тяжести из одних общественных групп или слоев в другие? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо исследование читателей — именно сравнительное изучение читателей из разных общественных групп или слоев, напр., читателя из привилегированных классов и из народа.

Изучение читателя имеет не только теоретический интерес. О читателе рассуждали и рассуждают очень много. На него то возводят всевозможные обвинения, то сетуют о нем, то добродушно над ним посмеиваются, а то и зло глумятся, иногда возлагают на него «надежды России», а иногда видят в нем такую «силу», которую не мешало бы сократить, спеленать, убаякать и т. д. Нечего и говорить, что все это проделывается голословно или, в лучшем случае, на основании фактов, собранных в каком-либо уголке, в салоне, в канцелярии, на улице и т. п. Судя об этом читателе а priori, гг. рассуждающие склонны бывают обобщать любой факт, подхваченный с ветра, лишь бы он пришелся им по вкусу, и не замечают явлений массовых, исторических, не через всякую щелку и видных. По весьма понятным причинам, особенно в серые дни и бесцветные ночи, когда перспектива так обманывает, частное легко кажется общим, а общее — частным. Между тем на этом незнании читателя, на этих голословных рассуждениях о нем строятся не только платонические отношения к нему, но, к сожалению, и очень решительные мероприятия весьма реального свойства. Защитникам всяких литературных кон-

венций, по крайней мере тем из них, которые искренне убеждены в полезности таковых, прежде чем заключать эти конвенции, тоже не мешало бы хорошенько присмотреться к самой читающей публике, исследовать эту публику в количественном и качественном отношениях.

Но есть еще одна сторона дела, особенно интересная: знать читателя — знать сколь возможно лучше и ближе — может ли этого не желать тот, кто дорожит распространением своих идей? О воспитательном, руководящем значении литературы, впрочем, мы здесь говорить не будем. О нем уже многое было говорено, да к тому же это и слишком сложный вопрос.

Спрашивается теперь, много ли сделано до сего времени относительно изучения читающей публики? Российский читатель, и «серый» и «полукультурный», и наиболее интеллигентный, остается иксом. Он не известен не только в качественном, но даже в количественном отношении, несмотря на то, что кое-какие материалы, позволяющие определить этот икс хоть с приближительной точностью, не только существуют, но и ежегодно накапливаются. Особенно мало сделано по отношению читателя из привилегированных классов. За последние восемь или десять лет и общество и печать больше интересовались и интересуются читателем из народа. Этот читатель изучается и en masse¹, и в отдельности; частные лица и общества (Спб. и Московский комитеты грамотности, Харьковское общество распространения грамотности *) собирают сведения о том, что он читает и как он читает, какие книги удовлетворяют его потребностям и почему, как должно составлять научно-популярные книжки, чтобы со стороны читателей из народа встретить хороший прием, быть понятными и, главное, интересными; как должно быть организовано распространение хороших книг в народной среде и т. д. Успехи народной литературы, сделанные еще за последнее время, показывают, что изучение читателя из народа имело громадный практический интерес и помогло развитию самого дела, которое так затемнялось тем, что составители «народных» книжек не знали своего читателя и третировали его à l'enfant².

Изучение читателя из народа показало, например, что никакой «особой» беллетристики для него не нужно, что смешение литературы детской и народной — курьезная и непростительная ошибка и т. д., словом, изучение читателя из народа реабилитировало этого читателя в глазах тех, кто в силу известных исторических условий привык смотреть на этого читателя сверху вниз. Чтобы доказать то, что, по-видимому, так ясно и понятно само собою, потребовалось тщательное и разностороннее изучение. Факт, характерный для нашей либеральной интеллигенции.

¹ в целом (франц.).

² как ребенка (франц.).

Ниже мы покажем подробнее, каковы именно практические результаты этого изучения.

В наших очерках мы намерены лишь сделать попытку хоть несколько разобраться в материалах, накопившихся до сего времени. Тщательная, разносторонняя разработка их — дело будущего. На такую разработку мы не претендуем.

Во избежание всяких недоразумений считаем не лишним условиться заранее, что мы будем подразумевать под термином «читатель из командующих или привилегированных классов» читателей из дворян, чиновников, духовенства, купечества, офицерства и вообще всех тех, кого сам народ очень метко зовет «чистыми господами» или «чистой публикой»; под словами же «читатель из народа» — читателей из крестьян, фабричных рабочих и солдат.

Что касается материалов, которыми мы пользовались при составлении наших этюдов, то они настолько пестры и разбросаны, что затруднительно даже перечислить их. На первом плане мы должны поставить рукописные ответы на наш «Опыт программы исследования литературы для народа»¹. Этот «Опыт» был составлен нами в 1889 г., при участии нескольких народных учителей, учительниц и др. лиц. При составлении «Опыта» имелись в виду исключительно литература народная и читатель из народа. По многим причинам на широкое собрание сведений по этой программе я не рассчитывал. Но результаты оказались более значительными, чем можно было ожидать. В разных дальних и близких уголках нашлись люди, сочувственно отнесшиеся к моему начинанию. С 1 сентября 1889 г. по 1 января 1894 г. я получил материалы, относящиеся к различным вопросам «Опыта программы», от 458 лиц. В этом числе преобладают учителя и учительницы (213), есть ответы от фельдшерниц и фельдшеров, священников (6), фабричных рабочих (91), крестьян (58) и разных лиц, близко принимающих к сердцу вопросы народного образования.

Из 458 лиц, приславших нам за промежуток времени 1889—1894 гг. какие-либо материалы, заметки, наблюдения и т. п. по нашему «Опыту программы», около 13% (61 чел.) принадлежат к жителям городов губернских, уездных, заштатных, железнодорожных станций, местечек и т. д.

Собранные таким образом материалы крайне пестры и разнообразны, напр., большие тетрадки, содержащие ответы почти на все вопросы «Опыта программы», мелкие заметки по тому или иному вопросу, наброски деревенских впечатлений, даже автобиографии, деревенские дневники и т. д. По моему адресу

¹ Помещен первоначально в № 5—6 «Рус. богатства» за 1889 г., затем вышел отдельным изданием, которое теперь вполне уже разошлось. Краткий отчет по собиранню материалов по этой «Программе» помещен нами в «Рус. богатстве» (1891 г., № 7).

прислано несколько тетрадок материалов, собранных по программе А. Пругавина *, письма разных лиц, близких к народу, более 2500 письменных работ, сделанных деревенскими и фабричными читателями по прочтении ими разного рода книжек — популярно-научных и других, кроме того, разные печатные материалы (отчеты, газетные и журнальные статьи и вырезки и пр. и пр.). <...>

На втором месте среди имеющихся у нас материалов мы должны поставить отчеты различных провинциальных библиотек, как общественных, так и частных, как помещенные в разных периодических изданиях, так и изданные отдельными брошюрами (412 отчетов из 109 библиотек). На третьем месте стоят рукописные и печатные уставы, правила и условия различных библиотек, присланные в 1889 г. в Спб. комитет грамотности в ответ на разосланный этим последним ряд вопросов о положении различных учреждений, служащих целям народного образования. Затем следуют: различные заметки и корреспонденции о деятельности и положении библиотек, появившиеся в провинциальных и столичных периодических изданиях; различные официальные издания: издания Центрального статистического комитета министерства внутренних дел, издания губернских статкомитетов, памятные книжки и календари разных губерний, а также земские сборники, доклады и отчеты зем. управ и т. п., статьи разных авторов, ссылки на которых сделаны в своем месте. Два этюда о читающей публике («К характеристике читателя и писателя из народа» и «Книжное оскудение») представляют из себя доклады Спб. комитету грамотности, прочитанные мною на общих собраниях комитета в 1890 и 1893 гг. и затем напечатанные первый — в «Северном вестнике» (1891 г., № 4—5), второй — в «Русском богатстве» (1893 г., № 11, 12). В настоящем издании они являются в дополненном, а отчасти — переработанном виде.

I

БОГАТЫ ЛИ МЫ КНИГАМИ?

План, которого мы намерены держаться в нашем изложении, таков: сначала мы постараемся нарисовать ту книжную обстановку, в которой родится и вырастает русский читатель и в которой он развивается; затем мы будем говорить о самом читателе, о его физиономии, вкусах и потребностях, насколько это выражается в том предпочтении, какое он оказывает разным отделам библиотечных каталогов и разным авторам данного отдела.

Обстановка, в которой родится и вырастает русский читатель, как известно, очень резко отличается от той, в которой находится читатель западноевропейский. Этот последний растет, развивается среди грамотных людей, среди книжного обилия, среди все-

возможных приспособлений со стороны государства и общества для более легкого доступа к книгам, для более быстрого обращения их в массу. Если абсолютные цифры вновь выходящих книг иной раз не поражают своею величиною, то быстрое обращение книг с избытком заменяет их количество. Библиотека, книжный магазин, даже редакция газеты или журнала — такое же необходимое и обычное явление не только в больших, но даже и в маленьких городках, как и школа. Сама жизнь толкает читателя к книге, жизнь, идущая шумно и суетливо, требующая постоянного к себе внимания, постоянного участия в общем ходе вещей, не дающая человеку возможности сидеть где-нибудь в уголке и быть лишь совершенно посторонним зрителем ее, до которого и общему ходу вещей нет никакого дела, и ему нет дела до общего хода вещей... Каждый сознает, что есть какие-то нити, соединяющие самым тесным образом его бытие с общим бытием. Чтобы хоть одним глазком взглянуть из своего угла на это целое, чтобы быть наготове ко всякому участию в жизни этого целого — то в выборах на общественные должности, то иначе как, — западноевропейский человек должен читать усиленно, читать газеты изо дня в день, должен знакомиться с господствующими течениями жизни политической, социальной, религиозной, следить за успехами науки, техники, философии. Связь между этим читателем и книгой установилась крепко, связь историческая, вошедшая в плоть и кровь последних поколений. События новейшей истории, расширившие область самоуправления и всесловесных учреждений, призвали к участию в общем ходе вещей народные массы, закрепили эту связь тесно и неразрывно. Книга и газета нужны западноевропейскому читателю как воздух, как вода¹.

На почве этой-то потребности и развивается и книгоиздательское, и книгопродавческое, и библиотечное дело.

Постараемся теперь проследить положение этих дел в России. Чтобы положение это сделалось для читателя яснее и выступило рельефнее, мы пойдем к нашей цели, так сказать, спиралью, постоянно суживая круги. Пройдя по всем этим кругам, мы в достаточной степени характеризуем ту книжную обстановку, ту почву, на которой родится и вырастает русский читатель. Затем мы перейдем уже к характеристике этого читателя по разным общественным группам.

Богаты ли мы книгами? По-видимому, даже очень. Ежегодно в России печатается на русском языке около двадцати миллионов экземпляров разных книг, с лишком пять тысяч названий книг, не считая журналов и газет. Статистику журналов и газет мы сегодня оставим в стороне, отложим до другого раза. Лишь

¹ Характеристика западноевропейского читателя далеко не отвечает сегодняшнему положению вещей.

чтобы предупредить возможные возражения, мы заранее отметим факт, что нет другой страны в Европе, где периодических изданий было бы так мало, где они расходились бы в таком ничтожном количестве экземпляров. Общее число журналов и газет в России — около девятисот, в семь раз меньше, чем в Германии, почти в пять раз меньше, чем во Франции, почти в 4 раза меньше, чем в Англии. Даже такие маленькие страны, как Бельгия и Испания, перешеголяли нас в этом отношении. На один миллион жителей приходится периодических изданий в Швейцарии 230, Бельгии 153, Германии 129, Франции¹ 114, Норвегии 89, Великобритании 88, Испании 68, Италии 51, Австрии 43, Греции 36, Сербии 26 и России 9. В такой же печальной пропорции находятся и числа, показывающие количество экземпляров периодических изданий, расходящихся ежегодно в России и за границей. Эти цифры показывают, что ссылаться на журнальную статистику, в опровержение печальных выводов из статистики книжной, едва ли справедливо. Г-н Л. Павленков, желая смягчить некоторые выводы нашего доклада, приводит в утешение*, что иллюстрированные издания дают своим подписчикам ежемесячные приложения книжек романов, повестей и т. п., выписывает же эти журналы провинция. Но ведь это делают и журналы иностранные, в соответственно большем числе. Кроме того, девятнадцать миллионов таких приложений, как, напр., приложения «Родины» или «Луча», вряд ли могут служить фактом утешительного свойства. Из всего этого видно, что журнальная статистика отнюдь не может служить опровержением наших выводов. Предположим даже, что русские читатели читают в три, четыре, пять раз больше периодических изданий, чем книг, и в этом случае картина все-таки неутешительная.

Почтовая статистика показывает, что в 1891 г. в числе внутренней иногородней корреспонденции было отправлено 112 916 127 штук абонементных периодических изданий. Другими словами, с небольшим одним экземпляром на одного российского обывателя *в течение целого года*, или же пять экземпляров на одного грамотного в течение того же промежутка времени. Нельзя сказать, чтобы это было много². В то самое время в Швейцарии приходится на 1 жителя 29,99 экз., в Бельгии 16,41 экз., в Дании 25,64, в Германии 18,3, во Франции 10,86, Италии 4,32, Швеции 13,38, даже в Сербии 1,51 (почти в 1½ раза больше, чем в России). Переводя эти цифры на число грамотных, получим разницу тоже весьма значительную³.

Впрочем, сделав эту оговорку, мы оставим журнальную статистику в стороне и будем говорить лишь о книгах. В 1887 г.

¹ По сведениям *Annuaire de la Presse* во Франции одно периодическое издание приходилось в 1893 г. на 25 000 жителей.

² Цифра заимствована из ст. Л. Павленкова («Ист. вестник», 1894).

³ См.: Otto Hübner's *Geographische-Statistischen Tabellen*, 1894. Цифры относятся к 1892 г.

вышло 5442 назв. (18 540 390 экз.), в 1888 г. немного меньше (5317 назв., 17 395 050 экз.), в 1889 г. несколько больше (6420 назв., 18 777 891 экз.), в 1890 г. больше названий (6262 назв.) и меньше экземпляров (18 353 126), в 1892 г. значительно больше и того и другого (7188 назв. и 24 819 933 экз.¹), а в 1893 г. 7722 названия в 27 224 903 экз. Но как ни велики эти цифры, они не поражают своей величиной. Принимаемая население России без Финляндии в 110 628 676 душ (по свед. 1890 г.), мы увидим, что на каждую душу в 1890 г., напр., вышло ни больше, ни меньше, как по 0,16 книжки, т. е. 4 книжки на 25 человек или 56 названий на миллион человек. Уже одна эта цифра показывает, до какой степени каждая книжка, вышедшая из типографии, тонет и исчезает в массе людей. Довольствоваться таким малым количеством книг может лишь *полуграмотная и неграмотная* масса. На самом деле так оно и есть. В 1886 г. Европейская Россия выставила лишь 29,45% грамотных новобранцев, а в 1887 г. 31,34%. Остальным миллионам душ печатная бумага ни к чему не нужна, разве что на папироски. Еще печальнее покажется положение дела, если принять в расчет, что не всякую печатную бумагу можно назвать книгой. В 1887 г. из общего числа вышедших книг $3\frac{1}{4}$ миллиона было книг справочных, т. е. главным образом, *календарей*: в 1888 г. было почти четыре миллиона их (25%), в 1889 г. $4\frac{1}{4}$ миллиона, и, наконец, в 1892 г. 5 303 382. Из этого видно, что справочные книги прогрессируют у нас из года в год... Отбросим из остальной суммы вновь выходящих книг те, которые идут в народ, которые потребляются читателями из народа, отбросим учебники, идущие главным образом к тем, кто еще только присоединяется, так сказать, к культурным слоям человечества, оставим только книги научные и беллетристические, которые, несомненно, расходятся почти исключительно в культурных слоях и которые поэтому особенно характерны для читателей этих слоев. Книги по философии, истории, по политической экономии, по юридическим наукам, естествознанию и т. п. читает в настоящее время привилегированный класс; беллетристика в дорогих изданиях попадает главным образом тоже в его руки. Из всей массы вновь выходящих книг на его долю приходится ежегодно от $5\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{2}$ миллионов экземпляров или от 3000 до 3700 названий книг, почти недоступных народной массе по языку или по цене. Предположим, что к привилегированным классам принадлежит одна десятая часть населения городов — эта цифра будет не выше, а скорее ниже действительности; предположим затем, что все привилегированные классы грамотны (чего, в сущности, сказать нельзя, так как из торгового сословия попадают нередко люди неграмотные), словом, сделаем все допущения в лучшую сторону и, в конце концов, получим, что на каждого человека из командующих классов выходит еже-

¹ Цифры берем из работ Л. Н. Павленкова («Ист. вестник», 1887—1893).

годно от трех с половиной до пяти экземпляров книг или *меньше чем два названия на тысячу человек*. По такой микроскопической капле увеличиваются наши книжные богатства из года в год. За шесть лет (1887—1892 гг.) не было случая, чтобы в течение года вышло более 46 книг по философии, более 467 по наукам историческим, более 250 по наукам политико-экономическим; увеличивается из года в год лишь число тех книг, которые нужны главным образом специалистам, — книги по медицине, технологии, сельскому хозяйству. За шесть лет число их названий возросло с 788 до 1000, а число экземпляров увеличилось почти вдвое. Число книг по отделу географии и путешествий падает из года в год (144 в 1888 г. и 95 в 1893 г.); политическим и общественным вопросам (по терминологии г. Л. Павленкова) тоже не везет. В 1890 г. вышло всего 15 названий таких книг (!). Даже беллетристики (кроме драматических произведений) и то выходит ежегодно всего лишь около 500—600 названий: в 1889 г. — 541 (1 761 390 экз.), в 1890 г. — 508 (1 687 718), в 1892—644 (2 041 097) и в 1893 г. — 629 (2 043 973 экз.).

Значение этих цифр будет еще меньше, если принять в расчет не только количество, но и качество книг. Наш книжный рынок обогащается новыми книгами на самом деле еще медленнее, чем показывают эти цифры. Во-первых, есть книги, которые появляются на рынке не в первый раз, а выходят вторым и третьим изданием. Таковых в 1893 г. было из 7782 названий 1396 (около 22%). Из периодических изданий извлечено 480 названий, которые тоже нельзя приписать к новинкам. По одной беллетристике в 1892 г. было 94 повторных издания (из 644), т. е. около 15%, есть повторные издания и по другим отделам. Во-вторых, число названий, обозначенное выше, должно быть уменьшено, так как очень часто на книжном рынке одновременно появляются одни и те же книги в разных изданиях. В 1887 г. появилось сразу 163 названия соч. Пушкина в количестве 1 781 375 экз.; в 1892 г. — 10 разных изданий Кольцова (86 950 экз.). Даже в 1893 г. сочинений Пушкина было выпущено 14 названий (92 700 экз.), а соч. Кольцова — 9 названий (61 200 экз.). Нет ни одного романа Золя, нет ни одного произведения Жюль Верна, которое не появилось бы на русском рынке сразу в нескольких изданиях, к тому же находящих себе сбыт. В 1888 г. сочинения Одоевского, Марлинского, Фонвизина и Грибоедова появились сразу и в петербургских, и в московских изданиях, в этом году то же испытала на себе «Палата № 6» Чехова. Такие явления встречаются обыкновенно каждый год. Новое, действительно новое, прибавляется на книжный рынок по капле, но из новых творений многие, как мухи-поденки, живут лишь от восхода до заката солнца, и затем трупы их исчезают во тьме ночи или в свете нового дня, имеющего своих поденок.

Русского читателя обвиняют в погоне за новым. Это неправда. Русский читатель до настоящего времени в значительной степе-

ни живет стариной. Он читает и перечитывает не только Пушкина и Лермонтова и раскупает сотни тысяч томов их сочинений: он покупает и творения писателей прошлого века, и 20-х, 30-х, не говоря уже о 40-х годах. В 1888 г. напечатано 1800 экз. сочинений Фонвизина в Москве, 4025 экз. сочинений Полежаева (там же), 5000 Дельвига, 5000 Богдановича, 5000 Марлинского, 5000 Кукольника, в 1892 г. 15 000 экз. сочинений Одоевского в Петербурге и 2400 его же в Москве, Растопчиной, Измайлова, Екатерины II, Карамзина (в издании Суворина и журн. «Север» *). В последние годы стало даже обычаем, что иллюстрированные издания привлекают к себе подписчиков, обещая им творения писателей, уже пережившие срок литературной собственности, и эти творения расходятся вместе с журналами в десятках тысяч экземпляров. А. С. Суворин, поместивший в свою «Дешевую библиотеку» писателей XVIII века и 30—40-х гг., только угадал этот общий дух. Повторные издания этих сочинений показывают, что в глубине России еще живет читатель, которому по плечу писатели этих годов, которому, быть может, не лишнее знать и то, что дают ему эти писатели. Можно было бы думать, что произведения старинных писателей находят себе читателей только из числа учеников и учениц, читателей, так сказать, по обязанности. Мы, основываясь на ответах наших корреспондентов и на наших личных наблюдениях, думаем, что это не так. Подписчики «Родины» * и «Нивы», расходящихся в почтенном количестве среди духовенства, среди чиновничества и других «служилых» лиц в провинции, читают и находят удовольствие и в Ломоносове, и в Фонвизине, и в Карамзине. Литературные течения по всей читающей России катятся, если можно так выразиться, волна за волной. Уже прошло почти сто лет, как над передовыми читателями пронеслась волна псевдоклассицизма, семьдесят с лишком лет, как пронеслась волна сентиментализма Карамзина, затем романтизма Жуковского и т. д., и т. д., но где-то там, в недрах провинции, эти волны катятся до сего дня, разбегаясь кругами во все стороны, захватывая все большую и большую массу людей и уступая дорогу следующей волне. Нечего удивляться, что там, где еще катится волна XVIII века, не пользуются вниманием, не встречают одобрения произведения конца XIX. Есть читатели, у которых «Бедная Лиза» Карамзина исторгает слезы, читатели, которые не видят всей ходульности и фальши произведений подобного рода; есть читатели, которым «Душенька» Богдановича нравится больше, чем «Мертвые души» Гоголя, читатели, на нервы которых не подействуют лиры современных поэтов, но которым приходится по душе Державин и даже Ломоносов... Литературное развитие отдельного человека, предоставленного самому себе и лишённого руководства и указаний на что-нибудь лучшее, да и не имеющего под руками этого лучшего, — литературное развитие такого человека имеет много аналогичных черт с таким же развитием общества. Аналогию можно вести и даль-

ше: как влияние другого, более культурного народа ведет к упразднению или, по крайней мере, сокращению промежуточных ступеней, так точно и влияние живой личности, влияние школы ускоряет движение старых литературных волн, наступление новых...

Эти старые книги, возрождающиеся на рынке новыми изданиями, исчезают довольно быстро в провинциальной, да, вероятно, и в столичной глубине. Произведения авторов новых печатаются далеко не всегда в больших количествах экземпляров, да и расходятся далеко не так скоро, как это можно было бы ожидать. Пятое издание Некрасова, вышедшее в 1888 г. в количестве 15 000 экз., не распродано до сего дня, издание соч. Островского (7200 экз. в 1888 г.) тоже. Сочинений Майкова напечатано всего 2600 экз. — в два раза меньше, чем Кукольника; повторение этого издания потребовалось лишь в 1893 г. Правда, все наши классики находятся в издательском плену, откуда, по известной статье устава «о цензуре и печати», выбрались лишь немногие, и гг. издатели продают их по такой цене, что только и могут покупать люди более или менее состоятельные. Но почему бы ни расходились в таком ничтожном на всю Россию количестве наши классики, факт остается фактом: наших классиков целым сотням тысяч, миллионам грамотных людей неоткуда и узнать. Шесть или семь тысяч экземпляров на полторы тысячи городов России, это выйдет по четыре, по пяти экземпляров на город. О классиках иностранных не приходится даже и говорить. Собрания их сочинений, существующие на русском языке, доступны еще меньшему кругу читателей, что, впрочем, не мешает приверженцам литературной конвенции желать еще большего ограничения этого круга.

Нет ничего удивительного, что новые издания лучших авторов попадают далеко не во все города... Между тем произведения тех писателей, которых издатели пустили в свет по дешевой цене и потому в большом количестве, в течение нескольких лет разошлись в читающей массе в 5—6 раз большем количестве и быстрее, чем дорогие классики в десятки лет. Припомним успех трехрублевого издания Некрасова, успех первых изданий Успенского (20 000 экз.). Но и это, по-видимому, огромное количество тонет в обширных пространствах Российской империи... 20 000 экз. на 5 миллионов читателей из привилегированных классов, по 1 экз. на 250 человек. Что же тут удивительного, что среди этих «классов» встречаются люди, не знающие даже имен тех писателей, которыми должна бы была гордиться вся страна? Если бы издания Достоевского, Тургенева, Островского и других печатались через год, если бы они расходились ежегодно до десяти тысяч экземпляров, так и тогда они приходились бы по одному экземпляру на сотню человек из привилегированных классов, по одному экземпляру на тысячи квадратных верст Российской империи...

Впрочем, издание сочинений выдающихся авторов — явление далеко не частое. В 1888 г. вышло таких изданий всего 22 названия. Остальные сотни названий принадлежат книгам иного рода — русским и переводным, и в этих сотнях названий, в этих миллионах экземпляров беллетристических книг теряются знаменитые имена. В 1890 г. более двухсот названий принадлежит иностранному авторам, в 1892 г. из 664 — переводных 140, а из них много произведений «бульварных». Не забудем, наконец, и изданий московских торговцев Никольского рынка — Земского, Леухина и др. Эти издатели поставляют свой лубочный товар не только народу, но и «командующим классам». Разве в народ идут изданные ими пятирублевые «Пантеоны всех наук», тоже пятирублевые «Разбойники Чуркины», разве для народа составляются и издаются «Настольные книги холостым, с общепонятными рисунками» (ц. 3 р.), «Бездны удовольствий для молодых людей, любящих повеселиться», «Весельчаки с новым шиком» (ц. 3 р.)? Эти чисто лубочные книги потребляются читателями из привилегированных, хотя и далеко не культурных классов, и печатаются в таком же и даже большем количестве экземпляров, чем сочинения Тургенева, Островского, Гончарова.

Мы уже видели, какое ничтожное количество научных книг выходит ежегодно. Но и это ничтожное количество пролетает, так сказать, *над головами* читателей. Л. Павленков весьма старательно выписал все наиболее замечательные научные книги, вышедшие в 1888—1890 гг. Получился целый ряд имен и названий, несомненно, очень почтенных, заслуживающих внимания ученых людей, представляющих из себя, быть может, и ценные вклады в науку, но вряд ли имеющих какое-либо значение для читающей толпы. Все эти книги для немногих избранников, специалистов, не имеющие в виду потребностей даже и культурной массы... «Серапион Владимирский», «Митрополит Евгений», «Монеты царствования Александра II». В числе 474 медицинских сочинений, вышедших в 1890 г., — 74 докторских диссертации, 39 небольших брошюр, составляющих извлечения из специальных журналов и газет. То же число диссертаций было и в 1892 г. Если увеличение числа изданий в некоторых научных отделах было вызвано юбилейными событиями, пишет г. Л. Павленков, то в медицинском отделе таким юбилеем в 1892 г. была холера. Ею и объясняется, что число медицинских сочинений было в 1892 г. на 159 более, чем в 1891 г. А в 1893 г. оно опять уменьшилось. Уменьшилось в 1893 г. и число исторических книг на 33 названия и 45 615 экз. — скачок довольно крупный и достойный особенного внимания. Не следует ли искать объяснения ему в охлаждении интереса нашей публики к вопросам историческим и интереса к исторической жизни вообще, равно как и затруднительными условиями разработки этих вопросов? Зато нет ничего удивительного, что со времени недавней голодовки несколько оживился отдел сельскохозяйственных знаний, в которых теперь

так любят видеть спасительную панацею от всевозможных зол и бед, нечто вроде гомеопатического средства, более удобного, чем всякое другое?..

Стоит только познакомиться с каталогом вновь выходящих книг, чтобы заметить, что все научные отделы располагаются в два резко разделенные этажа, имеющие между собою очень мало общего, — если не считать общую бедность и оскудение: верхний этаж — сочинения специальные, доступные лишь избранным читателям, специалистам; нижний этаж — произведения скорее похожие на детские и народные, чем на научно-популярные. В шестидесятых годах, в период увлечения популяризацией естественно-исторических наук и всяких иных знаний, существовал, кроме этих двух этажей, еще и третий — средний, от которого теперь остался лишь едва заметный след. Сочинения Шлейдена, Россмесслера, Тиндаля, Уоллеса, Котты, Бюхнера находили себе путь в культурную *толпу*; теперь же именно такого рода произведениями научные отделы и оскудели. Старые популярные книжки разошлись, новых не имеется. Пересчитайте, много ли выходит научно-популярных книг, — вы сосчитаете их чуть ли не по пальцам. Толпе, вкусившей немного от древа науки и желающей продолжать свое самообразование, желающей читать научно-популярные книги, не из чего выбирать и нечего читать. Этим и объясняется явление, наблюдаемое во всех библиотеках, что на научно-популярную литературу 60-х гг. до сего времени запрос имеется. «Ботанические беседы» Ауэрсвальда и Россмесслера продаются по удвоенной цене, некоторые сочинения Уоллеса, Тиндаля, Фогта тоже... Словом, научный книжный багаж, отправляемый ежегодно в культурную публику, не удовлетворяет умственных потребностей целого класса людей. Специально научные сочинения летят над головою, а такие, хотя и прекрасные сами по себе, сочинения, как Кайгородова, М. Богданова, ползут по земле... Только немногие издатели, как, напр., Ф. Ф. Павленков, направили свою деятельность на издание научно-популярных книг, доступных культурной массе, и в этом его положительная и огромная заслуга.

Что в области литературы научно-популярной наблюдается оскудение особенно сильное, доказывается множеством фактов. Это могут подтвердить все преподаватели, добросовестно интересующиеся тем, что читают их ученики: сплошь и рядом не из чего выбирать. Московская комиссия по организации домашнего чтения, существующая при учебном отделе Общества распространения технических знаний, на первых же шагах своей деятельности натолкнулась на затруднения, зависящие от недостатка книг на русском языке по всевозможным отраслям наук и вместе с тем доступных, по возможности, широкому кругу читателей. Комиссии пришлось самой приступить к переводам и издательству книг через неутомимого И. Д. Сытина. На первом плане она принялась за издательство книг по истории — отдел наук, кото-

рый, казалось бы, мог бы быть богаче, чем другие... Стоит посмотреть списки книг, составленные комиссией по естественным наукам, чтобы воочию увидеть, что при их составлении комиссия должна была считаться с недостатком научно-популярных книг на каждом шагу. Достаточно для характеристики этой бедности книгами указать еще на тот факт, что в настоящее время на русском языке не существует ни одной книги, из которой читатель, получивший образование ниже среднего, мог бы познакомиться с геологией: маленькая книжка Гейки (изд. Пантелеева), книги Циттеля, Ляйелля (Основы геологии) давно разошлись; такая же книжка, как проф. Соколова («Прошедшее и настоящее земли»), дает лишь несколько отдельных очерков по геологии. Наиболее популярной книгой по геологии в настоящее время должен быть признан... первый том *университетского* курса проф. Иностранцева. В положении не лучше, чем этот, находится и отдел биологии, и в особенности отдел химии. Этой науке особенно не везет, и бедность ее популярно-научными книгами особенно поразительна. Пусть интересующиеся этим вопросом перелистают соответствующие страницы «Книги о книгах» * — там в числе рекомендуемых книг фигурируют или далеко не популярные, или написанные задолго до того времени, когда была формулирована периодическая система элементов, т. е. совершенно устаревшие.

Кстати, отметим здесь, что огромное большинство (около 85%) научно-популярных книг, существующих на русском языке, — книги переводные. Этому-то отделу литературная конвенция больше всего и угрожает опасностью *, от которой не имеют никакой возможности предохранить российского читателя, не получившего среднего образования, но стремящегося к нему, наши русские популяризаторы, которых можно перечислить по пальцам... Центр тяжести литературной конвенции лежит именно здесь. Она отзовется не только на распространении книг, но и на распространении знаний. Она несомненно уменьшит количество популярно-научных книг на русском языке, так как для этой категории книг вопрос о цене — вопрос особенно важный. Всякое повышение цены уже отражается на распространении книги. Дорогие, специальные труды, доступные немногим, от этого, *быть может*, так не пострадают, как пострадают те, которые доступны многим... Говорю «быть может», потому, что и здесь вопрос остается все-таки спорным: специальные труды печатаются в малом количестве экземпляров.

Что широкая публика, жаждущая самообразования, стремящаяся продолжать образование, начатое в каком-либо учебном заведении, имеет чрезвычайно скудную наличность книг, способных удовлетворить ее потребности, — это отлично знают все, кому мало-мальски знакома наличность нашей научно-популярной литературы и знаком читатель ее. И малые запросы этого читателя нечем бывает удовлетворить, нечего ему указать, даже

оставляя в стороне вопрос о том, может ли он достать 'указываемую книгу. Специалисты, люди, стоящие в своем деле на научной высоте, имеют более богатый выбор книг, чем люди, желающие взбираться на эту высоту. Другими словами, научная литература способна удовлетворять по своему содержанию лишь меньшинству, а не большинству.

Наконец, есть еще обстоятельство, которое сильно благоприятствует бескижизно этого последнего, — это дороговизна книги. Книги дороги. «У нас нет дешевых книг. Наши книжные торговцы и издатели не умеют сойти с проторенного пути» («Неделя», 1893 г.). «Наши издатели привыкли к небольшим по числу экземпляров и дорогим по цене изданиям». «Русского знаменитого писателя легче и дешевле купить в немецком переводе, чем в русском подлиннике. Так, напр., «Обрыв», «Записки охотника», «Отцы и дети» на немецком языке стоят по 30 коп., а в подлиннике совсем нет отдельных изданий их». В изданиях лучших русских авторов царит самая беззастенчивая монополия. Вольф, стоящий в этом отношении на первом месте, выпускает сочинения Писемского в издании, которое стоит 34 р., сочинения Боборыкина стоят около того же. Глазунов отказывается издавать отдельные произведения сочинений Тургенева и Гончарова. Цена на сочинения Некрасова, которые выдержали чрезвычайно быстро два трехрублевых издания, вдруг повышается в новом издании почти в 2 раза — до пяти рублей, разумеется, не к славе наследников поэта... Сочинения Аксакова и Островского находятся тоже в плену, из которого *ни одно отдельное произведение* Островского не выбирается, а из сочинений Аксакова выбираются лишь немногие... Научно-популярные книги испытывают аналогичную судьбу. Из всех издателей научно-популярных книг опять-таки чуть ли не один Ф. Павленков с повторением издания понижает цену книги. Так, им была вдвое понижена цена на сочинения Нордау, Ломброзо, Тиссандье и др. Выпустила кое-какие недурные популярно-научные книжки хотя и одушевленная добрыми намерениями, но бестолковая фирма Маракуева и Прянишникова (в Москве), например, книжки Гёте, Тимирязева, Мензбира, Болла. В то же самое время эта фирма издала «Теплоту» Тиндаля по цене невероятно высокой, против которой знаменитый английский популяризатор, несомненно, запротестовал бы... Немало сделал Суворин своею «Дешевой библиотекой». В последнее время серьезную попытку в этом же направлении делает известная фирма «Посредник», уже сделавшая так много для улучшения народных изданий: она предприняла ряд дешевых изданий для интеллигентных читателей — изданий не только беллетристических (вышли произведения Чехова, Боборыкина, Г. Брандеса, Бьернсона и др.), но и научно-популярных (Фулье, Грота и пр.). Впрочем, все эти попытки немногих отдельных издателей совершенно теряются в массе попыток прямо противоположных.

КАК РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ У НАС КНИГИ?

Этот факт не покажется странным, если мы бросим краткий взгляд на организацию распространения книжного дела. Книги не распространяются, между прочим, потому что, во-первых, их некому и негде распространять. Чтобы распространять доступные и интересные книги, нужно, чтобы был на них спрос, а чтобы был на них спрос, нужно по крайней мере, чтобы эти книги были известны. Русская действительность не удовлетворяет или удовлетворяет в весьма слабой степени и тому, и другому из этих условий.

Краткие сведения о книжной торговле наводят на очень печальные размышления. В 1883 г. во всей Европейской России, по сведениям Главного управления по делам печати, было книжных лавок, складов и магазинов 1377, в 1884 г.— 1453, в 1885 г.— 1543. С этого года число их начало падать: в 1886 г. их было лишь 1332, в 1887 г.— 1271. Дальнейших сведений не имеется. Это количество книжных магазинов на все пятьдесят губерний. Мы не станем уже говорить о Кавказе, где в 1887 г. на 12 губерний приходилось 46 книжных лавок, и о Сибири и Средней Азии, где таковых было всего *шесть*. Не забудем, что в Российской империи, по сведениям 1890 г., число всех городов равняется 1281, в том числе 659 в Европейской России, 468 в Привислянских¹ губерниях, 51 на Кавказе, 51 в Сибири и 52 в Средней Азии. На всю Олонецкую губернию, если верить официальным сведениям, приходится всего 1 книжный магазин или лавка, на Уфимскую и Оренбургскую по 2, на всю Симбирскую — 4, Калужскую — 6, Псковскую — 7 и т. д. В пятнадцати губерниях книжных лавок и магазинов от 10 до 20, только в 13 губерниях насчитывается их от 20 до 30 и лишь в *трех* губерниях от 30 до 40. А более 50 нет ни в одной, кроме Петербургской и Московской. Цифры же, характеризующие эти последние, как нельзя лучше рисуют, до какой степени неравномерно распределяются книжные богатства по лицу русской земли. В Московской губернии 177 книжных лавок и магазинов, в Петербургской 283. Вычтите это количество (460) из 1271 — и на остальную Европейскую Россию придется 811. Чтобы читатель мог представить точнее, какое количество городов совсем лишено книжных лавок, приведем некоторые цифры. В Архангельской губернии, по сведениям 1887 г., на 12 городов приходится 10 книжных лавок и магазинов, в Вологодской на 13 городов — 9, в Гродненской на 26 — 14, в Калужской на 14 — 6, в Черниговской на 34 города — 16, в Херсонской на 23 города столько же (16). Если принять в расчет, что книжная торговля гнездится главным образом в губернских

¹ Так назывались тогда местности, захваченные царским правительством в Польше. — *Сост.*

городах, то что же остается тогда на города уездные, заштатные, не говоря уже о больших торговых селах, которые иной раз больше городов? Так, из Георгиевска пишут в «Сев. Кавказ»: «Кроме Манухинских и Шараповских произведений * ровным счетом ничего у нас нельзя приобрести: офеня, торгующий по субботам «оракулами»,—единственный в городе поставщик книг, как для взрослых, некогда учившихся в городских училищах, так и для всех». И не в лучшем положении находятся не один Георгиевск, а многие города Европейской России, тем более, что не всякую лавку, где продаются книги, можно назвать книжным магазином, не всякого книготорговца можно назвать распространителем книг. Чем торгуют книжные лавки в уездных городах? Главным образом, учебниками. О захудалости книжной торговли в провинции, о невозможности нигде купить желаемую книгу, хотя бы самую ходовую (т. е. ходовую в столичном смысле), раздаются голоса и с газетных столбцов, и из писем, получаемых нами. Нельзя ничего купить, кроме учебников, почти исключительно их одних, ни во Владимире губернском, ни в Екатеринославе. За немногими исключениями, книжные магазины, существующие в провинции, до такой степени бедны книгами, что не могут даже ничего *показать* читателю, ничего предложить на выбор. Им остается исполнять, большею частью, лишь полдела, т. е. выписывать книги по заказу, принимать на себя комиссионерскую роль, что по закону дозволяется каждому желающему. А чтобы выписывать книгу, давать заказ, публика или должна эту книгу знать, слышать о ней, или судить по рекламам, по библиографическим заметкам, или покупать, закрыв глаза. Ничего нет удивительного, что путем книжной торговли очень трудно книге проникать в провинцию, а читающей публике почти невозможно знакомиться с книгой чрез книжные магазины. Если и для более или менее состоятельных людей из привилегированных классов приобретение книг сопряжено со многими затруднениями, то что же сказать про людей менее достаточных? Не забудем, кроме того, что в провинции цена на книгу увеличивается расходом на пересылку, который продавцы, не обижая себя, прибавляют к продажной цене книги; что больших процентов скидок не знают даже библиотеки, и, во всяком случае, эти скидки не покрывают почтовых расходов; что, наконец, в последнее время почтовая такса на пересылку произведений печати увеличена,—что уж, разумеется, распространению книг не помогло,—не забудем всего этого—и положение провинциального человека, желающего купить книгу, нам станет ясным.

Выше мы видели, что книжные магазины сосредоточены главным образом в столицах; там же сосредоточено и издательство книг. В 1890 г. в Петербурге было напечатано 2766 сочинений на русском языке, в Москве—1684, в 1892 г. в Петербурге—3210, в Москве—1962. За столицами следуют университетские города — Казань, Киев, Одесса, Харьков—и еще Тифлис. В из-

дательской деятельности в 1890 г. принимал участие лишь 141 город, в 1892 г.— 163 и в 1893 г.— 152. В течение этого года в одиннадцати городах типографии закрылись или бездействовали... Остальные пятьсот городов в печатании книг не грешны. В 1892 г. в пяти губернских городах напечатано лишь по одному сочинению, да и те, вероятно, официальные памятные книжки; в 2 губ. городах по 2, во Владимире (губ.), Костроме и Тамбове по 3, в Пензе и Полтаве по 4, в Калуге, Смоленске и Уфе по 5, в Каменец-Подольске, Самаре, Иркутске, Томске и Радоме по 6; Архангельске и Оренбурге по 7, в таких центрах, как Нижний Новгород и Тверь, всего по 10, в Саратове — 17 и т. д. Почему, спрашивает г. Павленков, производительность наших губернских городов в этом отношении так ничтожна? и не дает ответа на этот вопрос. «Можно, конечно, допустить, — говорит он, — что автор будет печатать свои сочинения более там, где существуют более льготные для сего условия, где это лучше и дешевле, т. е. в столицах, а так как в последних, да еще в университетских городах, кроме того, сосредоточивается более умственных сил, то остальные губернские города остаются как бы обездоленными... Но ведь каждый губернский город не какое же нибудь захолустье, и в нем как в центре известного района сосредоточена высшая местная администрация, имеется по нескольку средних и других учебных заведений, следовательно, должны быть и умственные силы, да и самое типографское искусство поставлено в последнее время на такую ногу, что провинциальные издания мало в чем уступают столичным. Между тем мы видим, что и в таком губернском университетском городе, как Харьков, число изданных в течение года русских сочинений не достигает (в 1890 г.) и ста, в других же, не университетских, не доходит и до половины этого числа, а в Вологде, Калуге и Оренбурге вышло (в том же 1890 г.) по 4 и, наконец, в *десяти внутренних губернских городах ни одного*». Очевидно, г. Павленков потому и не нашел ответа на свой вопрос, что источников оживления стал искать не там, где следует.

История издательского дела за последние шесть лет обнаружила еще одно явление, неблагоприятное для провинциальных любителей чтения: издательская деятельность концентрируется с каждым годом все более и более; число городов, где напечатаны десятки сочинений, уменьшается, а где напечатаны сотни их — увеличивается.

В 1893 г., сравнительно с предыдущим годом, выражаясь словами г. Л. Павленкова, книгопечатание увеличилось в Петербурге на 351 соч., в Москве на 260, в Варшаве на 57, в Киеве на 89, в Казани на 17, в Одессе на 11; оно повысилось немного и в Вильне, Воронеже, Саратове, Новгороде и Вятке, но зато во *всех прочих городах (141) понизилось*. Г-н Павленков дает следующую красноречивую табличку распределения издательской деятельности в 1893 г.

Напечатано всего сочинений на русском языке	7782
Из них в Петербурге и Москве на русском языке	5725
Следовательно, в провинции вообще	2057
Из них в провинциальных центрах	1829
В остальных городах	228

Централизация видна из этой таблички весьма наглядно. Еще нагляднее она, когда речь идет о числе экземпляров:

Всего напечатано экземпляров в 1893 г.	27 224 903
Из них собственно в Петербурге и Москве	23 512 272
В остальных городах	3 712 631

Комментарии излишни.

Такое сосредоточение издательской деятельности делает тем более необходимыми посредников между издателями и читателями. К сожалению, как мы уже указали выше, число книжных лавок и магазинов в провинции уменьшалось из года в год... В результате выходит так, что в центрах избыток книг: склады издателей и торговцев полны ими, издания и остатки изданий продаются букинистам, а там, в России, не только в глухих, но и не глухих углах, книгою не пахнет. Таков *факт*, в разыскание причин которого мы здесь входить не будем, чтобы не вдаваться в изложение многострадальных судеб русского общественного просвещения. Но вот какие явления не редкость на столичном книжном рынке. Всякий, кому приходится иметь дело с петербургскими букинистами, знает, что нередко у них появляются и распродают по дешевой цене иногда со скидкой 50, 60, даже 80% совершенно новые, неразрезанные книги, издания почтенных фирм, с именами известных авторов. Так, распродавались на толкучке и у букинистов «О богатстве народов» Адама Смита, «История политической экономии» Бланки, «Опыт о законе народонаселения» Мальтуса, «Жизнь Гете» Д. Льюиса, «Избранные сочинения» Бенгтама, сочинения Бэкона и т. д., и т. д. Сочинение Арм. Карреля «История контрреволюции в Англии» до сего времени продается вместо 1 р. 75 к. за 25 к., «История индуктивных наук» Уэвелля — вместо 8 р. за 2 р. 50 к., «Физиология» Бони — вместо 10 р. за 2 р. и т. д., и т. д. Стоит лишь посмотреть каталоги петербургских букинистов — и в этих каталогах, в куче хлама, вы найдете и сочинения, подобные перечисленным выше. Как попадают к букинистам эти издания? Все это или залежавшийся в издательских складах товар, купленный букинистами чуть ли не на вес или за гроши, все это — «остатки изданий» или обломки разбитых кораблей — развалины рухнувших издательских фирм. <...> Все эти факты показывают, что в книжном деле обстоит благополучно далеко не все. Книги, попавшие в толкучку, не нашли распространения по своей номинальной цене, издававшие их фирмы, по тем или другим причинам, рухнули. Но вот что достойно внимания: в то самое время, как в Петербурге эти самые книги продаются задешево буки-

нистами, в провинции не только мало кто знает о дешевой распродаже их, но мало кто знает и о существовании этих книг. Их выписывают по номинальной цене, а то и выше цены.

Что касается до букинистов, то провинция совсем не знает и их, разве что продает этим букинистам за гроши на вес книжные сокровища, которые случайно попали в ее глубины. А это бывает нередко. Нам известны случаи, когда помещичьи библиотеки, стоящие тысячи, продавались за десятки и в лучшем случае за сотни рублей; когда, не зная, кому продать книгу, ее сбывали за пятак на базар, и книга, если не попадала букинисту, покупалась даже неграмотным человеком — на папиросы. Так попал, напр., один том Карьера в село Нижегородской губернии, так попал том сочинений Писарева на кронштадтский толкучий базар... Высасывающая, так сказать, деятельность букинистов в провинции недостаточно еще оценена. Правда, торговля подержанными книгами по удешевленной цене помогает перераспределению книжных богатств в обществе, но всякие «Посредники» Гартье (ничего общего не имеющие с известной издательской фирмой народных книг), всякие гг. Мельниковы, Богдановы, Клочковы дают провинции очень мало. Правда, некоторые провинциальные библиотеки, не зная, куда обратиться, обращаются к ним и получают скидку на старые книги; правда, Мельников, Богданов, Герасимов рассылают по провинции свои каталоги «удешевленных книг», но на самом же деле от них книга идет в провинцию по более дорогой цене, чем можно достать ее в Петербурге, даже у тех самых букинистов. Громко заявленная скидка только обманывает покупателей, а в результате — хлам, который не знают, как сбывать здесь, идет в провинцию, и без того лишенную книг вообще, главным же образом книг хороших.

Достоинно внимания еще то, что букинисты, делая объявления в газетах о продаже «удешевленных» книг, проставляют сплошь и рядом *повышенные* цены даже на издания, не вышедшие из продажи. Например, роман Джованьоли «Спартак» продается букинистами выше цены, тогда как еще очень почтенный остаток этого издания лежит преспокойно на складе, если не ошибаемся, в «Спб. мастерской учебных пособий». Петербургский букинист «Посредник» ломит, напр., почтенную цену за «Историю кабаков в России», а эта книга до сего времени ее издателем Вольфом не распродана. Еще курьезнее история с сочинениями М. Вовчка, которые долгое время продавались выше цены, а потом вдруг оказались в изобилии у какого-то киевского книгопродавца. Все эти факты свидетельствуют о несомненно плохой организации книжного дела, невыгодной не только для публики, но и для авторов и для издателей.

Проследим теперь, какова судьба тех книг, которые попадают в провинцию. Хоть и в чрезвычайно ничтожном числе, при всевозможных затруднениях приобретения и рассылки их, книги так или иначе попадают туда. Посмотрим, находят ли к ним

доступ провинциальные читатели. Отправить книгу в провинцию — только часть дела; необходимо, чтобы она не лежала там, чтобы читатели знали о ее существовании, чтобы ее могли брать все желающие. Большой ли оборот делают книги, принадлежащие частным лицам,— говорить об этом много не приходится. Не так уж много таких лиц в провинции, которые имеют более или менее значительные книгохранилища. Слова Мордвинова, сказанные с лишком шестьдесят лет тому назад... к сожалению, далеко не устарели и до настоящего времени. «Известно,— писал Мордвинов,— что богатые люди у нас, большей частью, ничего не читают, а среднего состояния и недостаточные граждане не имеют возможности пользоваться книгами». Картина эта, начавшая было изменяться лет двадцать пять—тридцать тому назад, как кажется, в последнее время снова реставрируется. Только изредка приходится слышать о том, что в провинции у частного человека есть такие книгохранилища, откуда пользуется не одно это лицо. Есть книги у некоторых помещиков. Есть кое-где маленькие, но не дурные коллекции книг у учителей. <...>

С некоторого времени у некоторых органов печати вошло как бы в обычай отмечать и усиленно подчеркивать всякие светлые явления, если дойдет слух о таковом из того или иного уголка. Вследствие этого усиленного подчеркивания получается нечто странное: самые обыденные явления, до того мелкие, что при ином настроении никто не стал бы о них и говорить, превращаются чуть ли не в ласточек, которые делают весну. Радостные ликования по поводу таких ласточек доносятся с разных сторон. Бесспорно, что все это достойно того, чтобы его отметить и поддержать, но не нужно забывать и перспективы: нужно не только отмечать эти светлые явления, нужно *подсчитывать* их и, лишь подсчитав, делать на их основании выводы... Все это мы говорим во избежание упреков в излишнем пессимизме. Мы не закрываем глаз на светлые явления, но, подсчитав их, мы решительно не видим причин радоваться.

Нечего и говорить, что круговращение книг, принадлежащих частным лицам, весьма ограничено и не может быть даже сопоставлено с пользованием книгами из открытых для публики библиотек: у частных лиц обыкновенно книг бывает мало, да, наконец, далеко не все такие лица, имеющие книги, дают ими пользоваться.

Быть любителем *книг* — еще не значит быть любителем *содержания* известных книг. У очень многих людей любовь глубже переплета не идет; книги, роскошно и изящно переплетенные, в красивом шкафу, импонирующие посетителю, являются простою мебелью, которая, как и всякая другая мебель, на прокат знакомым не отдается... Если даже будет доказано, что частных книгохранилищ существует в России немало, то все же нужно будет доказать, что они — сила живая, а не мертвая, что они —

собрания живых душ, а не кладбища... Вряд ли это будет доказано, по крайней мере, для большинства...

Посмотрим же теперь на главный источник круговращения книжного — на общественные библиотеки.

Недавно вышедшая книжка проф. Рейера * о библиотеках в Европе и Америке дает поразительные цифры, которые показывают, до какой степени библиотечное дело поставлено там на широких началах и в каком блестящем положении оно находится. В Северо-Американских Соединенных Штатах насчитывается до 270 городов, имеющих большие библиотеки. В Англии таких городов свыше 225. Таких городов, где не было бы библиотеки, нет. Швеция еще в 1879 г. имела 1880 библиотек (с лишком в 3 раза больше, чем Россия в 1887 г.). Швейцария имеет теперь более 2000 библиотек, в Италии их 1852. Но оставим в стороне эти страны, сравнение с которыми в том или ином отношении так нелюбезно сердцу некоторых публицистов, полагающих, что гнилой Запад нам не указ. Возьмем Австралию, Японию и посмотрим, что говорят цифры об этих странах. Австралия в 1888 г. имела 3 672 000 жителей — немного больше, чем наша Киевская губерния. Между тем в 1887 г. одна Виктория при 1 036 000 жителей имела 314 общественных библиотек с 400 000 томов книг. В Новом Южном Уэльсе насчитывается 200 библиотек с 240 000 томов книг. В Новой Зеландии в 1889 г. была 361 публичная библиотека на 607 000 жителей. <...>

А в Японии даже действует специальный закон, обязывающий каждую общину нести известный библиотечный налог. Закон этот введен японцами по примеру Англии, где всякий город, имеющий не менее 5000 жителей, может установить у себя специальный библиотечный налог (не свыше 5 пенни на 1 ф. стерлингов), если только 10 плательщиков потребуют открытия библиотеки и большинство плательщиков к этому присоединится. В Японии число библиотек с 1888 г. чрезвычайно быстро возросло. Что касается до стран наиболее культурных, то о них могут дать понятие нижеследующие цифры. В Германии насчитывается в настоящее время 1609 публичных библиотек с 27 миллионами томов. Во Франции, Англии и др. странах библиотека имеется в каждом городе, да не является редкостью и в деревне. Они насчитываются тысячами. В Европейской России на все 659 городов 1883 г., по сведениям Главного управления по делам печати, приходилось общественных, частных и вообще публичных библиотек в 1884 г. — 509, в 1885 г. — 545, в 1886 г. — 630, в 1887 г. — 591. В Привислянских губерниях в 1887 г. было всего 68 библиотек, на Кавказе — 56, в Сибири — 12, в Средней Азии — 11. Чтобы понять эти скудные цифры, необходимо поближе присмотреться к ним. Число библиотек с лишком в 2 *раза меньше* числа книжных лавок и магазинов. Если последнее, как мы видели, ничтожно, то что же сказать о первом? На всю Архангельскую губернию в 1887 г. было две библиотеки, на губернии Астраханскую, Ви-

ленскую, Олонецкую, Минскую и Область Войска Донского по 3, на Ковенскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Уфимскую по 4. Только в 15 губерниях число библиотек простирается от 10 до 15, в 6 губерниях от 15 до 20, в двух (Пермской и Киевской) было 22—23 библиотеки. Наиболее богатые библиотеками губернии были Курляндская — 30, Смоленская — 32, Московская — 49, Петербургская — 59. Чтобы и эти цифры сделались понятнее, сопоставим число библиотек с числом городов. Нижеследующие цифры, взятые из официальных источников, позволяют сделать это сопоставление. Возьмем сначала губернии центральные, которые было бы грешно относить к медвежьим углам. Во Владимирской губернии в 1887 г. на 16 городов было 12 библиотек, в Нижегородской на 13 городов — 4 библиотеки, Тамбовской на 13 городов — 5, Тульской на 12 городов — 10, Орловской на 12 городов — 8, Курской на 18 городов — 16, Калужской на 14 городов — 10, Воронежской на 12 городов — 9. Затем в Херсонской на 23 города — 12, в Казанской на 15 городов — 14, в Самарской (1884 г.) на 10 городов — 8. Вот табличка, которая характеризует распределение библиотек в следующих губерниях:

	Число	
	городов	библиотек
Архангельская	12	2
Астраханская	5	3
Вологодская	13	9
Волинская	12	6
Минская	11	3
Могилевская	13	9
Олонецкая	7	3
Подольская	17	7
Уфимская	6	3
Ярославская	12	12
Киевская	12	22
Рязанская	12	12
Саратовская	11	13
Симбирская	8	8
Тверская	15	18
Харьковская	17	17
С.-Петербургская	14	59
Московская	16	49

В огромном большинстве губерний число общественных, т. е. открытых для всех желающих, библиотек *меньше* числа городов, другими словами, в этих губерниях в каждой есть такие города, в которых библиотек не имеется. <...>

Вышеприведенные цифры дают полное основание предполагать, что, по меньшей мере, половина городов Европейской России совсем не имеет публичных библиотек, что из двух городов в одном человек, желающий достать книгу на прочтение, должен добывать ее из иногородней библиотеки. Что это предположение близко к истине, можно видеть и по материалам, собранным в 1889 г. Спб. комитетом грамотности. В этом году комитет обра-

тился к различным официальным и частным учреждениям и лицам с просьбой сообщить сведения по различным вопросам народного образования, как школьного, так и внешкольного. В число этих вопросов входил и такой вопрос: «существуют ли в вашей местности какие-либо библиотеки?» Более четверти всего числа полученных ответов гласили, что таких учреждений, как библиотеки, в их местности «нет», «не существует», «не имеется», «не оказалось» (sic): вот обычные выражения ответов, полученных Спб. комитетом грамотности. «Публичных библиотек в Дагестанской области не имеется»,— пишет в комитет местный военный губернатор. Председатель Можайской уездной земской управы пишет: «Ни одного из заведений, поименованных в программе Комитета грамотности, не учреждалось и в настоящее время нет, хотя и было бы желательно иметь их». Отрицательные ответы присланы из Киренска, Коротояка, Корочи, от Белецкой и Ковровской уездных земских управ, от начальника Сувалкской учебной дирекции, из Лебедянского уезда. Из Плоцкой губернии, за подписью плоцкого вице-губернатора, тоже получена бумага, что в плоцкой дирекции библиотек не существует, и пр. и пр. Староконстантиновский исправник пишет в Волынский губернский статистический комитет следующее: «Во исполнение циркуляра за № 000, имею честь доложить, что таких учреждений в Староконстантиновском уезде не имеется». Полицмейстер 2-й части г. Владимира-Волынска дословно пишет уездному исправнику, что «общественного и начального учреждения начального народного образования во вверенной мне части города нет. 18 августа 1889 года». Но не будем увеличивать этот хор официальных голосов, дружно тянущих одну и ту же ноту: «библиотек нет, не существует, не оказалось». Заметим только, что эта нота одна из целого аккорда, о котором дает понятие нижеследующий ответ: «Сообщаю Комитету грамотности, что хотя во вверенном мне отделе имеется 42 начальные школы, но в них не имеется ни учительских библиотек, ни музеев, не выписывается никаких изданий для учителей и учительниц на средства как их, так и казенные, не устраиваются народных чтений, нет складов для продажи книг, а также нет воскресных вечерних и повторительных школ для взрослых...» Не правда ли, отсутствие библиотек — только частичка, если можно так сказать, всеобщего отсутствия?.. <...>

Но этого мало. Как пять сотен российских библиотек тонут в обширных пространствах России, так тонет и теряется каждая библиотека в массе городского населения. Возьмем те губернии, где число библиотек больше или равно числу городов, и предположим затем, что в этих губерниях в каждом городе есть по библиотеке, которую может пользоваться все население города. Нетрудно понять, что мы предполагаем случай самый благоприятный, от которого родная действительность обыкновенно отстаёт далеко. Сопоставляя тогда число библиотек с числом городского

населения, мы получаем следующие цифры. На одну библиотеку приходится следующее число жителей городского населения.

в губернии Херсонской . . .	47 743	в губернии Казанской . . .	14 731
» Саратовской . . .	22 239	» Симбирской . . .	12 821
» Харьковской . . .	19 613	» Ярославской . . .	10 362
» Московской . . .	18 345	» Тверской	8 506
» Киевской . . .	16 825	» Рязанской	7 537
» Петербургской	16 523		

Что говорят эти цифры? Они говорят, что библиотеки теряются в массе городского населения, что даже в тех городах, где они имеются, район, приходящийся на каждую, громаден, что нет ни одной страны в Европе, где бы одна библиотека приходилась на столь громадное число жителей.

Библиотек мало; книга, попадающая с большим трудом в провинцию, только в редких случаях делается общим достоянием читающей публики. Но, быть может, если мало библиотек, зато в каждой много книг, и эти книги хорошие? Чтобы ответить на этот вопрос, бросим взгляд на провинциальные библиотеки, сначала общественные, потом частные и т. д.

Захудалость библиотек — явление в настоящее время обычное и широко распространенное. Если бы кто-либо взял на себя труд подсчитать число библиотек более или менее благоденствующих и библиотек захудалых, едва влачащих свое существование, то вряд ли можно сомневаться, что ко второй категории ему пришлось бы отнести добрых две трети всех существующих библиотек. Захудалость библиотек — у нас явление хроническое, такое же хроническое, как спячка в медвежьих углах, как вечное затишье в уездных, как официальная тишь да гладь в губернских. Библиотечное дело оживало лишь тогда, когда оживала русская жизнь; оно падало, когда замирала эта жизнь. Даже тогда, когда и в официальных сферах было признано желательным устройство публичных библиотек по разным городам, усилия в этом направлении разбилась о провинциальную тишь и гладь, как о каменный утес. Мордвинов в своем письме к министру внутренних дел А. А. Закревскому (в 1830 г.) свидетельствует, что «публичные библиотеки для чтения заведены только в Петербурге, Москве и Одессе». На его энергичный призыв и на циркуляр министра кое-какие города откликнулись. В 1836 г. публичная библиотека была заведена в Вятке, в Смоленске и Нижнем Новгороде еще ранее (1831 г.), в 1835 г. в Сарапуле, около того же времени в Саратове, в 1832 г. в Кишиневе, в 1834 г. в Екатеринославе и Симферополе, в 1841 г. в Керчи и т. д. Накануне эпохи великих реформ, в 1856 г., по отчету министра народного просвещения, существовало во всей России 49 библиотек! В 1842 г. их числилось 42, и во всех них в совокупности значилось 93 000 томов книг. Быть может, найдутся оптимисты, которые возрадуются, как мы шагнули вперед с дореформенных времен. Пусть они возьмут период еще более древний, тогда библиотек было

еще меньше, чем в 40-х гг. О судьбах этих библиотек может дать понятие судьба одной из них — так они одинаковы. Возьмем для примера библиотеку нижегородскую. В Нижнем Новгороде дворянство для устройства библиотеки предложило пожертвовать 10 000 рублей ассигнациями, собрав эту сумму уравнительно со всех дворян-помещиков Нижегородской губернии. Проект этот в исполнение не был приведен, так как «правительство, вместо обязательного сбора, разрешило дворянству открыть подлиску для *добровольных* приношений, что и было исполнено дворянством, пожертвовавшим в том же году на учреждение в городе библиотеки... 1434 р. 48 к. асс.».

Независимо от этого сбора, «для пополнения библиотеки» было прислано несколько сот томов из министерства народного просвещения и нижегородского губернского правления. «Книги были сданы предводителем в архив дворянского собрания, где они и хранились до 1850 г.». В 1837 г. нижегородское дворянство, еще не видевшее библиотеки у себя в губернском городе и пожертвовавшее на нее в семь раз меньше, чем обещало, уже признает необходимым отложить вопрос о библиотеке до более удобного времени. «Но *так как*, по отчетам министерства народного просвещения, публичная библиотека в Нижнем Новгороде *показывалась уже существующей*, то дворянство в феврале 1838 г. распорядилось поместить на первый раз собранные книги в доме благородного пансиона». Вскоре затем собранные книги и пожертвованные деньги перекочевали из пансиона к почетному попечителю гимназии Н. В. Шереметеву, где и пребывали мирно, не тревожимые никем, несколько лет. От 1846 г. мы имеем о библиотеке такие сведения: в этом году «нижегородский губернатор князь Урусов обратил внимание на состояние библиотеки и нашел, что она находилась в *недвижном положении*, что в течение 8 лет ни малейшим образом не умножилась и не улучшилась и что воспитанники пансиона, где хранилась библиотека, книг не читают; переданные же дворянством директору института г. Грацинскому деньги 1434 р. 48 к. ассиг. в течение 8 лет остаются без всякого приращения». Князь Урусов принял меры к улучшению библиотеки: перевел ее в 1847 г. снова в заведование местного губернского начальства и велел составить опись книгам, имеющимся в ней. Там библиотека снова замерла еще на 14 лет. Она ожила, когда ожила русская жизнь. «6-го января 1861 г., на праздничном обеде в думе, по случаю крещенской иордани¹, — читаем в «Нижегородских губернских ведомостях» (1865 г., № 13), — представители всех *сословий* заявили мысль о серьезной необходимости удовлетворить возникающей в обществе потребности читать и для осуществления этой мысли тут же собрали по подписке 1000 руб. с <еребром>». Так было до восьми-

¹ Старинный русский народный обычай в день Крещения купаться в руби на реке. — *Сост.*

десятих годов, когда снова наступило затишье и стали заметны довольно существенные перемены в библиотечных делах. Повеяло новым духом, и в настоящее время вряд ли можно кого-либо удивить, приводя многочисленные факты захудалости библиотек. К сожалению, этих фактов так много, что, без сомнения, они заставляют волей-неволей признать, что вышеприведенная статистика библиотек не совсем точно выражает действительность — показывает эту последнюю с лучшей стороны. <...>

Если таково состояние библиотек общественных, то нужно ли говорить о состоянии частных библиотек, существующих без всякой поддержки, на свои средства? Не процветает даже большинство столичных частных библиотек, а иные совсем влчат свое существование. <...>

Впрочем, на общем фоне библиотечного запустения блещут кое-где и звезды. Некоторые провинциальные библиотеки, несмотря на все неблагоприятные условия существования, успели достигнуть довольно крупных размеров и развить свою деятельность довольно широко, вернее, успели вырасти быстрее других. Правда, и эти наши *первые* библиотеки — первые только относительно. В то время, как в Бостонской библиотеке 560 тысяч томов, а бюджет ее достигает, по проф. Рейеру, 670 тысяч марок, в то время как из публичной библиотеки в Чикаго выдается ежегодно 1,3 миллиона томов, из Нью-Йоркской — миллион томов, из Балтиморской 700 000, Филадельфийской 450 000 и т. д.; в то время как из Манчестерской библиотеки (в Англии) в 1891 г. выдано было 1,5 миллиона томов и т. д., и т. д., число томов и число посетителей наших библиотек везде приходится считать даже в лучших случаях десятками тысяч. <...>

III

БОГАТЫ ЛИ БИБЛИОТЕКИ ХОРОШИМИ КНИГАМИ?

...Ведь одно дело количество библиотечных книг, и другое дело качество их. Чтобы судить о книжном составе библиотеки, нужно выяснить те требования, которые к библиотеке необходимо предъявлять. Здесь мы позволим себе, ввиду чрезвычайно малой разработанности теоретической стороны библиотечного дела, сделать небольшое отступление в сторону, прежде чем рисовать дальше картину наших книжных богатств.

Идеал каждой библиотеки — не только богатый выбор книг, но и известный подбор их. Для того чтобы библиотека могла правильно работать, чтобы она могла служить не только удовлетворению уличных и всяких иных вкусов, чтобы она была не одним развлечением, а могущественным орудием просвещения, каким должна быть книга и тем более совокупность книг — литература, совокупный труд лучших умов человечества, сокровищница его знания, мысли, чувства, стремлений и надежд, — словом, чтобы

библиотека была тем, чем она и должна быть, — в ней необходимо должен находиться некоторый цикл книг. В этом-то цикле или, если так можно выразиться, *библиотечном ядре**, и лежит центр тяжести каждой библиотеки, чтобы она могла работать, занимать свое место в общей системе народного просвещения, а не только выдавать книги на прокат, получая за это плату или не получая ничего. Есть книги, которые должны быть в каждой открытой для публики библиотеке и отсутствие которых весьма невыгодно отражается на деятельности ее. Подбор книг в этом ядре должен быть и систематичен, и обширен, чтобы каждый запрос мысли, каждый порыв любознательности, в какую бы сторону мировой, общественной или личной жизни он направлен ни был, мог бы быть удовлетворен, чтобы в библиотеке нашлась книга, если и не отвечающая на данный запрос, то дающая, по крайней мере, материал для решения его. Если так можно выразиться, библиотека должна быть *книжным отражением Вселенной*. В основе библиотечного состава должна лежать схема наук, философская схема, распределяющая все явления мировой жизни в известной последовательности и порядке, например, хотя бы схема наук Огюста Конта*, которая есть вместе с тем и схема явлений мира. Можно как угодно относиться к его классификации, изложенной в знаменитом *Cours de philosophie positive*¹, но нельзя не признать, что для систематизации библиотеки схема О. Конта дает прекрасную руководящую нить. Но не в той или иной схеме и дело. Кому не нравится схема О. Конта, пусть берет схему Спенсера, даже Бэкона, пусть, наконец, хотя бы и выдумывает свою, лишь бы выполнено было главное условие — чтобы на основании классификации явлений природы были классифицированы науки, чтобы на основании этих последних — классифицированы книги. Классификацией явлений природы должен определяться и библиотечный состав, вернее, состав ядра. Это ядро должно представлять из себя энциклопедию, хотя энциклопедию особенную, составленную из разных сочинений, разных авторов, разных издателей, разных времен и народов. Эта энциклопедия, идя от общего к частному, должна заключать в себе некоторый *minimum* наук, абстрактных и конкретных, «чистых» — теоретических — и прикладных. Эта *minimum*-энциклопедия для каждой мало-мальски порядочной библиотеки обязательна; что касается до *maximum*'а, то он не может быть определен и граничит с бесконечностью. *Maximum* определяется состоянием наук в данный исторический момент. С другой стороны, он определяется состоянием библиотечных средств. К сожалению, этот систематический *minimum* составители библиотек редко имеют в виду. Они гонятся за известными сочинениями, за именами авторов, которые сегодня читаются нарасхват, а завтра

¹ «Курс позитивной философии» (франц.).

ра забываются навеки, но не гонятся составлять известный цикл книг, уничтожая этим все значение библиотек.

Но один цикл наук еще не вполне определяет библиотечное ядро. Библиотека должна не только иметь книги, распределенные по циклу наук, но и облегчать всякому желающему путь к той науке, которая в данное время интересна ему. В хорошей библиотеке по каждой науке должен быть такой подбор книг, который мог бы вводить в область знания людей всяких степеней образования, от низших и до высших. На этом основании хорошая библиотека должна иметь по каждой науке, во-первых, книги, сообщающие знания элементарные, изложенные настолько просто, что они будут по плечу людям, получившим образование начальное или вообще ниже среднего. Это первая категория книг в каждом отделе наук. Затем вторая категория — книги, доступные людям, получившим образование среднее (путем ли саморазвития или в каком-либо учебном заведении); наконец, третья категория — книги специальные, доступные людям с высшим или специальным образованием. При такой постановке библиотека не только разворачивает перед подписчиками систему наук, заинтересовывая ими, но и показывает *возможность усваивать ее*, усваивать мировоззрение, вырабатывать взгляды во всех областях жизни и мысли. Раз библиотека составлена таким образом, раз она дает и систему книг по всем наукам, и ряд последовательных ступеней по каждой, — тогда она, действительно, будет иметь общественно-образовательное значение, сможет давать ответы на запросы пытливого ума и о том, «что есть» и «как все произошло», ответы настолько основательные и точные, какие лишь возможны в пределах современного состояния науки... Подбор книг по схеме знаний — таков первый отдел хорошо составленной библиотеки.

Второй ее отдел должен служить удовлетворением запросов еще более мучительных, чем первый отдел, запросов о том, что *должно* быть. В этот отдел входят произведения моралистов и публицистов, лучших поэтов и «мастеров прозы», успевших своими произведениями занять известное место в истории прошлого или настоящего времени. Идеалы человечества, стремления лучших людей всех времен и народов, чаяния и надежды живых и мыслящих существ, поскольку они выразились в произведениях поэзии и прозы, — таково содержание этого отдела. Беллетристика входит в этот отдел, подбор беллетристики должен быть особенно обширен и богат, по тому одному, что беллетристика доступнее толпе, и читатель пользуется, прежде всего, ею. Выразители общественных течений, художники, критики и публицисты должны занимать в этом отделе такое же место, какое они занимали в истории общественных течений. При такой постановке отдел беллетристики является отражением истории человеческих стремлений, как научный отдел есть отражение того, что было и что есть. Критики и публицисты, толкователи и руководители

беллетристов и поэтов, должны сопровождать этих последних и в библиотеке, как они сопровождали их в истории; на каждое мало-мальски выдающееся произведение должна иметься в библиотеке и критика его.

Научный отдел библиотеки дает схему знаний. Сам читатель определяет и решает, каких знаний ему недостает, какие интересны, какие нет. Библиотека *указывает* книги, какие могут читателя удовлетворить. Читающих по *системе* мало; гораздо большее число читателей нуждается в приведении уже имеющихся знаний в систему и пополнении пробелов, замеченных в них. Этой потребности и должен помогать первый научный отдел библиотеки. Второй отдел дает, если можно так выразиться, схему общественных течений. Сам читатель определяет и решает, какие из них находят отклик и отголосок в его душе. Чуждая всяких тенденций, библиотека указывает ему не одно какое-либо течение, а все, по принципу *audiat et altera pars*¹. Сердце, мало-мальски отзывчивое, голова мало-мальски размышляющая, сами решат, на чьей стороне правда, на чьей ложь. Библиотека должна лишь *предоставить возможность* судить и выбирать².

Наконец, третий отдел хорошей библиотеки должен быть посвящен текущей жизни, должен заинтересовать читателя ходом вещей, возбуждать живое участие в нем, отправляясь с того места, на котором кто стоит. В этот отдел входят лучшие периодические издания, журналы, газеты и т. п., все заслуживающие мало-мальского внимания новинки печати, отклики на животрепещущие темы. Этот третий отдел должен служить данному месту и данному времени. Сюда должны быть отнесены и местные отделы провинциальных библиотек. «Местная провинциальная библиотека, — справедливо пишет г. Яковлев (библиотекарь в Одесской публичной библиотеке), — не имеет права игнорировать свой край и все те вопросы, которые выдвигает его жизнь. Она должна зорко следить за ними и употреблять все зависящие силы для своевременного удовлетворения тем местным интересам, которые выдвигает общественная жизнь».

Таков, по нашему мнению, должен быть *основной* подбор книг в библиотеке. Пусть вышеуказанные отделы не соответствуют распределению книг в каталогах, где система эта, может быть, и не удобна, но *значение* библиотеки определяется именно ими. Все три отдела должны быть, так сказать, закруглены, чтобы библиотека приносила должную пользу и имела успех. В библиотеке могут быть очень хорошие капитальные книги, которых, к сожалению, только некому читать, и не быть популярных, которых если никто и не спрашивает, то лишь потому, что никто не знает, что они существуют на свете, но которые пустить в оборот, сделать известными — нравственная обязанность библиотеки. Меж-

¹ Пусть будет выслушана и другая сторона (*лат.*).

² Здесь Рубакин отдает дань буржуазной теории книжного дела. — *Ред.*

ду тем если бы заинтересовался читатель вторыми, то, несомненно, добрался бы понемногу и до первых... Такое несоответствие, крайняя неполнота состава, случайность его — основной недостаток огромного большинства библиотек. За систему в подборе книг не гонится никто. Книги покупаются те, на которые есть спрос, которые удается дешево купить, которые попали в библиотеку как-нибудь случайно, которые получены, наконец, в виде пожертвования. У русского человека, как мы видели, в руках и без того мало хороших книг, так что хорошие жертвования не слишком часты. Наконец, жертвованиями обыкновенно управляет не совсем общественный принцип: на тебе, боже, что нам не поже... <...>. Как отличить хорошую книгу от худой, доступную от недоступной? Каталоги большинства публичных библиотек не только ничего не говорят читателю, не помогают ему в выборе книг, но как будто бы и созданы для запугивания этого читателя. Вы находите в них книги специальные и научные, капитальные, которые найдут, положим, 5 человек читателей в год каждая; вы почти не находите или находите мало книг научно-популярных, которые для русской читающей публики особенно-то и нужны и сделать подбор которых, пользуясь литературой 60-х годов, все же еще возможно; наконец, книг первой категории (по нашей терминологии) вы не находите почти нигде, кроме Харьковской общественной (III разряд), Саратовской и частной библиотеки О. Кайдановой в Тифлисе и некоторых других. Библиотеки, претендуя на роль просветительных учреждений, требуют от подписчиков или подготовки, или умения прыгать прямо на третью ступень, минуя первые две. И это происходит совсем не оттого, чтобы не хватало денег на обзаведение «ядром», — на него денег нужно не слишком много, особенно разложив требуемую сумму на несколько лет, — деньги же тратятся, главным образом, на новизну, о которой судят по объявлениям. Происходят недостатки библиотечных каталогов в значительной степени и от непонимания своих задач гг. заведующими библиотеками, будь то отдельное лицо или комитет, состоящий из нескольких членов. Не понимая педагогически-просветительного значения этих учреждений, гг. библиотекари сплошь и рядом относятся совершенно пассивно к тому, чтобы помогать читателю в выборе книг. Редко кто принимает какие-либо меры для округления библиотечного ядра, редко кто руководствуется при покупке книг библиографией наших лучших журналов, которая в данном случае могла бы сослужить хорошую службу. Таким образом, образовательно-просветительный характер библиотеки теряется. Она оказывается не тем, чем должна бы быть. <...>

Но не только не во всех библиотеках имеются сочинения новых беллетристов — есть такие, где нет и классиков. Так, проф. Янжул напоминает, что в Рязанской библиотеке не было полного экземпляра сочинений Пушкина, но зато находились каким-то

образом попавшие туда драгоценные Cahiers¹ и разные французские официальные издания времен Конвента (все они пошли на вес букинисту). В Ржевской библиотеке долго не было Берлинского, но зато был большой выбор книг XVIII века, например, путешествие академика Палласа на немецком языке; зато было огромное иллюстрированное описание «Народов России» Георги.

Словом сказать, составом своим не могут похвастать и лучшие библиотеки, в какой бы отдел мы ни заглянули. Даже отделы «местные», существующие при некоторых библиотеках, и те носят тот же характер хлама, собранного с бору да с сосенки. О составе частных библиотек нечего и говорить... Так, одна частная библиотека, находящаяся в большом фабричном центре наших приволжских губерний, насчитывала в 1892 г. всего 857 названий. Всякий, кто знаком с каталогами «удешевленных» книг, рассылаемыми по провинции оборотистыми торгашами, покупающими остатки изданий на вес, а продающими их в розницу, с барышом 100—400%, нашел бы, что эта частная библиотека составлена главным образом по каталогам таких господ. <...> Нам приходилось видеть провинциальные частные библиотеки, состоящие из трех полок книг. Содержательница жаловалась, что в их местности читать не любят. Да кто же станет неинтересные книги и читать? Кого удовлетворяют такие составы библиотек? Правда, человек интеллигентный, найдя в такой библиотеке Бокля, будет рад ему. Но ведь не всякого Бокль обрадует: иных нужно еще к Боклю-то приучить.

Печальную картину представляют каталоги частных библиотек и столичных. И те, и другие находятся в огромном большинстве случаев в полной зависимости от самой читающей публики. Они волей-неволей должны прежде всего заботиться об угождении этой публике, об удовлетворении ее вкусов, каковы бы те ни были. Но все эти старания угодить публике поставлены в теснейшие рамки микроскопических бюджетов, из которых мало кто рискует вылезать, из боязни не только остаться без подписчиков, но и без денег. Погоня за публикой, с одной стороны, погоня за дешевыми книгами, с другой, — вот две причины, обуславливающие обыкновенно книжный состав частных библиотек. Необходимым следствием этих причин является, во-первых, чрезмерное преобладание в каталогах частных библиотек книг беллетристических, наряду с чрезмерною скудостью отделов научных, которые представляют обыкновенно пестрейший сброд попавшихся случайно произведений. <...> Раз библиотека делается для читающей публики «источником воды живой», она привлечет и одушевит все способные к жизни элементы данной местности, и сама будет жива ими. Приспособление библиотеки к низшим вкусам публики — для библиотеки смерть, а не жизнь. Но чтобы служить жизни, самому нужно кое-что знать и понимать, относиться жиз-

¹ тетради (франц.).

ненно к содержанию книг, а не только к заглавиям их. Нужно для этого быть мыслящим читателем, а не библиографом из породы книжных червяков. <...> Поэтому нечего удивляться, что библиотеки, разумно составленные и богатые научными книгами, как в былые годы (в семидесятых годах, но не теперь) были библиотеки В. Черкесова и Макалинской в Петербурге или какова ныне Петровская библиотека в Москве, до сего времени остаются явлениями исключительными, хотя у этих библиотек и могли бы кое-чему поучиться все другие. Эти библиотеки сами создавали читателей, делая себя интересными для читателей из интеллигенции, облегчая ей доступ к книгам научным, умело выбираемым. Они сами шли к читателю, а не ждали, когда читатель придет к ним. Обыкновенно же библиотеки переполнены беллетристической дребеденью, а библиотекари, по-чиновничьи относящиеся к своему делу, сплошь и рядом совершенно лишены этой *читательской отзывчивости*. <...>

Было время, когда у нас не только существовало, но отчасти и процветало одновременно несколько журналов, поставивших на книжный рынок одни переводные романы * («Собрание иностранных романов» изд. Е. Ахматовой, «Библиотека для чтения» Сахаровой. «Переводы отдельных романов» Львова (Лебедева), «Европейская библиотека» Пушкарева, журналы Кехрибарджи, Воронова и др.). Затем все эти журналы в конце 70-х и в начале 80-х гг. быстро исчезли, может быть, не без влияния более серьезных запросов жизни, которые пробудили события этих годов. Исчезнув с журнального рынка, издания этих редакций появились во множестве у букинистов, и так как продавались со скидкой в 60—75%, то и были быстро всосаны провинциальными и здешними (вновь открывающимися) библиотеками. Это явление книжного рынка положило отпечаток на состав частных библиотек, особенно провинциальных. Подлаживание под вкусы публики гармонирует с этим явлением вполне. Если это подлаживание управляет составом большинства столичных частных библиотек, то в провинции вкус публики — полный властелин. <...>

Картина современного положения библиотек, нарисованная нами, довольно печальна. Но могло бы быть и иначе, если бы библиотеки, и общественные, и частные, больше были бы проникнуты чувством солидарности и сознанием, что они служат одному и тому же божеству, если бы между ними было больше связи и взаимной поддержки, если бы библиотеки столичные делились своими дешевыми покупками с библиотеками провинциальными, помогали бы им, как могли, в покупке книг, устроили бы обмен дубликатами, если бы они сознательно продвигали хорошую книгу читателю, указывали на нее в печатных бланках, стенных таблицах и пр., как это делается на Западе, и т. д. и т. д. При этой солидарности и поддержке, при сознательном, активном отношении к делу библиотечная жизнь оживилась бы, опыт и знания одних помогли бы другим; оказалась бы выгода и с мате-

риальной стороны, облегчилось бы приобретение книг, те самые книги, которые ныне приобретаются провинцией со скидкой в 20—25%, приобретались бы со скидкой в 40—50% и от этой дешевизны выигрывали бы не букинисты, обдeldывающие свои дела и потихоньку набивающие цену на подержанную книгу (что так гармонирует с нынешним духом времени), а библиотеки и читатели... А дешевое пополнение библиотек хорошими книгами увеличило бы число этих читателей. Устроить обмен книгами и дубликатами не представляет никаких затруднений; для этого нужно лишь составлять списки дешевых книг и дубликатов и рассылать их по различным библиотекам. Некоторые библиотеки уже делают попытки такого обмена, напр., Одесская.

Итак, сводя все предыдущее к одному, можно видеть, что у нас не только мало библиотек и что многие из существующих захудали, но что в большинстве случаев и не захудавшие библиотеки похвастать своим составом не могут — состав этот пополняется как бог на душу положил, с бору да с сосенки без плана и без системы. Но этого мало — из предыдущего видны и глубокие органические причины, искажающие самый тип библиотеки, делающие ее наполовину непригодной для публики. Неумение библиотекаря, непонимание им своих задач — только одна из этих причин. То они слепо угождают вкусам публики, то приобретают настолько специальные книги, которые мало кто станет читать. А о систематическом подборе книг, о котором мы говорили выше, к сожалению, почти никто не заботится. Погоня за новизной — вот вся система и весь план. В подборе библиотечных книг повторяется то же явление, какое мы видели в издательском деле: одни книги, приобретаемые в библиотеки, висят, так сказать на воздухе, выше голов читающей толпы, другие — представляют результат слепого подлаживания к ее вкусам. Требовать от читателя, чтобы он читал то, что не вполне понятно или неинтересно, — это значит требовать от него невозможного. Между тем библиотекари слишком мало уделяют забот тому, чтобы сделать состав библиотеки *интересным и необходимым* для читающей массы. Но есть и другие причины, мешающие процветанию общественных и частных библиотек. Еще одна из них — это недостаток материальных средств. В огромном большинстве случаев общественные библиотеки, да очень нередко и частные, при современной постановке дела сами себя не окупают, а приносят дефицит. Факты, изложенные нами выше, достаточно объясняют, почему это происходит. <...>

К сожалению, плата за пользование библиотеками, даже общественными, существует почти везде, и нередко она весьма высока. Напр., в Харьковской общественной библиотеке по 1 рублю за одну книгу 30 к. в месяц, за 5 книг 1 р. 10 к. за тот же срок; в Слободской библиотеке от 3 до 6 р., Орловской (Вятской губернии) от 6 до 9 р., Сарапульской от 4 до 10 р., Воронежской от 2 р. 50 к. до 15 р. в год и т. д. Даже в Якутской библиотеке

плата за чтение от 3 до 5 р. в год. Не потому, что эта плата была не по силам подписчикам, представляет она помеху для чтения, а потому, что платить за книгу и за пользование книгой тоже нужно привыкнуть, а у нас книжное обращение находится в той фазе развития, когда привычка эта выработаться в «широкой публике» еще не успела... Вряд ли можно сомневаться, что плата за чтение отгораживает многих и многих «чистых господ» от библиотечных богатств, каковы бы эти последние ни были, как бы загородкой, приобретающей в их глазах размеры китайской стены; вряд ли можно сомневаться, что подписная плата не столько пополняет недостаток денежных средств данной библиотеки, сколько суживает читательский круг, позволяя пролезать сквозь условия подписки только избранным. Кроме подписной платы не только частные библиотеки, но и общественные обыкновенно требуют от подписчиков залог от 1-го до 5-ти и даже 6-ти рублей. Это требование для массы людей представляет еще большее затруднение, чем подписная плата, так как изъять такую сумму из обычного бюджета могут лишь достаточные люди. <...>

Итак, мы видели, что не только состав библиотек оставляет желать много лучшего, но и к имеющейся наличности книжного богатства доступ сопряжен с некоторыми лишениями и затруднениями — платой и залогом. Словом сказать, и та узенькая дверка, которая ведет к книжным сокровищам человечества, наполовину призаворена. Проследив шаг за шагом все районы книжного оскудения, постоянно все суживая и суживая круг наших исследований, мы наконец сделали полдороги. Нашу бедность книгами мы проследили с разных сторон. От времени до времени еще раздаются голоса, что в русском обществе — книг изобилие, книг избыток, книг перепроизводство, что их больше чем нужно, что оскудел читатель, а не книги... Насколько оскудел читатель, это мы увидим ниже. Но надеемся, что из всего предыдущего видно, какое значение, какую цену нужно придавать всем этим голосам. Наша бедность книжная поразительна, затруднения добывать книгу для чтения так велики, как нигде ни в одной стране Европы, не исключая даже Болгарии... Но у кого же мало книг? Только у народа? Нет, разрабатывая статистические и другие данные, мы везде имели в виду, в данном случае, не народ, а привилегированные, командующие классы. И у этих классов бескнижие — хроническая болезнь... Каково же бескнижие русского народа, для которого до сего времени не создано и тех пятисот библиотек, какие находятся в распоряжении «чистой публики», если не считать игрушечных библиотек ценою в пять рублей каждая? Во сколько раз мрачнее цифры, характеризующие распределение двух-трех сотен народных библиотек среди 20 миллионов грамотеев из стомиллионного народа? Этих цифр мы вычислять не будем. Приблизительное представление о них составить довольно нетрудно.

Среди читателей из народа, которым мы посвящаем вторую половину нашей книги, бедность книжная еще поразительнее. Они не только лишены книг, но, как мы упомянули, и лишены возможности добывать из библиотек, устраиваемых для них, какие-либо книги, за исключением вошедших в министерский каталог * и в «Опыт каталога книг для средне-учебных заведений» *. Для них в эти читальни допущено всего около 1500—2000 названий книг, из всех вышедших от начала грамотности на Руси, до переживаемого нами fin de siècle'я¹. Если слишком поражает количественная сторона бескнижия русского народа, еще более должна поразить внутренняя скудость книг, имеющих для него. На этом темном фоне бескнижия русского народа даже бескнижие привилегированных классов кажется светлым пятном.

Как это ни странно, как ни парадоксально, тем не менее совершенно справедливо, что русский читатель и из привилегированных классов, и из народа воспитывается на *отсутствии* книг; он растет на почве книжного оскудения. Только о столицах, только о немногих центрах провинции этого нельзя сказать, да и то не о всех читателях из привилегированных классов. <...> Письма, лежащие перед нами и написанные людьми самых разнообразных положений, начиная от интеллигентных крестьян и рабочих и кончая учителями, инженерами, священниками, содержат многочисленные жалобы на эту книжную бедность, это книжное оскудение, жалобы подобного рода, жалобы то забитого, то возмущающегося человека, нередко попадают и на страницах провинциальных периодических изданий. Было бы большой ошибкой видеть в каждой жалобе «случайное отражение случайного настроения» одного лица. Эти жалобы — явление массовое; в них суммируется настроение тысяч людей, провинциальных жителей, грамотеев и любителей чтения из командующих классов. Что же тут удивительного, что книжки, изданные для народа, листовки и двухлистовки, расходятся в большом количестве и среди привилегированной «публики». Этот факт отмечается многими авторами ответов на наш «Опыт программы» и корреспондентами С.-Петербургского Комитета грамотности. Книг так мало, доставать их так трудно, что не приходится пренебрегать офенями и школьными библиотеками. <...>

«Лубочные книги, — пишут нам из Златоуста, — в большом ходу даже и не среди рабочих, а часто попадают и среди канцеляристов и других подобных лиц, получивших мало-мальское образование. На 18 000—20 000 жителей в Златоусте нет ни одного книжного склада, ни одной частной библиотеки, нет никакой общественной, городской или земской библиотеки, исключая 2 клубных и училищной, которых книги доступны не всем». <...>

Словом, русский человек, уродившийся *читателем* на общей почве книжного запустения, добывает книгу откуда только мо-

¹ «конец века» (франц.).

жет. К сожалению, даже хитрые усилия достигают цели далеко не всегда. Петербургскому и московскому жителю, особенно такому, который стоит у *книг*, очень трудно или даже невозможно представить во всей безобразной реальности эту невозможность что-либо почитать или необходимость читать то, что не совсем желательно и интересно. Между тем подобные явления — самая обычная вещь на Руси. Что же тут удивительного, что на этой почве, в этой среде полученное когда-то образование выдыхается, умственная энергия пропадает, свежие струи, если и текут где, так не дотекают? Обстановка мучительно однообразная подавляет однообразием впечатлений, загипнотизировывает; лучшие стремления, ничем не питаемые, никем не поддерживаемые, бледнеют, исчезают ни за что ни про что, остается лишь бесцветная, бесцельная, подчас изрытая глубоко мучительными воспоминаниями, — не жизнь, а прозябание.

Да и школа не насаждает любви к чтению; до сего времени она снабжала лишь циркулярами, приглашавшими «читать с осторожностью», и снабжала до тех пор, пока не понадобились другие, еще недавно изданные циркуляры, предлагающие *учить читать*, приохочивать к чтению...

Что же тут удивительного, что на почве книжного и идейного запустения, всеобщей безработицы мысли процветает винт¹, принимающий форму нервно-психической заразы, тип культурная Россия опоясана вдоль и поперек, от страны гиперборейской до твердыни византийской, от Вислы до Камчатки гирляндами зеленых столов, за которыми ломают головы и щекотят нервы «культурные интеллигенты». Голова так уж устроена, что над чем-нибудь да ломать ее необходимо, нервы тоже требуют раздражения. Откуда же оно придет в той пустыне, которую мы старались нарисовать выше? Без винта при таком положении дел действительно не могут жить тысячи культурных господ. <...> «Игнорируя потребность чтения, — жалуется одна провинциальная газета, — наше общество заполняет свои досуги исключительно картежной игрой. «Винт» стал у нас «злойбой дня». Винтят и днем, винтят и ночью; где соберутся два или три, без винта не обходится. Взрослым подражает и молодежь, и грустную картину представляют собой эти не по летам серьезные, бледные от бессонниц юноши, почти дети, убивающие золотые годы за картами и пивом, не зная, не будучи знакомыми, хотя бы по одним именам, с такими даже корифеями отечества, как Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев...»

«О низших слоях общества и говорить нечего, потребности к чтению ни у кого и никакой. Досуги заполняются шатанием по винным погребам, пивным лавкам и прочим нескучным местам. А между тем в этих низших слоях немало десятков людей, окончивших курс уездного и народных училищ, людей просвещенных

¹ Карточная игра. — *Сост.*

хоть незначительными крупницами преподанных им в этих заведениях знаний, которые без поддержки их, без дальнейшего пополнения путем полезного чтения, постепенно стусшевываются, переходя нередко лишь в смутные обрывки, лишь в полуграмотность». <...>

В тяжелые исторические моменты, ввиду недостатка учебных заведений, могущих вместить всех желающих, ввиду постановки этих заведений, не вполне удовлетворяющей запросам общества, саморазвитие и самообразование приобретает особое, выдающееся значение. Ими общественная мысль живет и дышит, в них черпает свои силы, в них хранит и питает лучшие традиции прошлого и заветные идеалы будущего. Спрашивается теперь, что делает общество, чтобы облегчить всем желающим дорогу к саморазвитию и самообразованию? Как оно борется с рецидивизмом собственного невежества? Картина, нарисованная нами выше, показывает, как велика наличность средств для борьбы с ним, для расширения и дополнения того, что дала школа..

Сводя к одному все вышеизложенное, мы получаем следующую картину той обстановки, в которой рождается и вырастает русский читатель. Этот последний растет и развивается среди неграмотных людей, среди книжного и идейного оскудения, среди различных затруднений для более легкого доступа к книгам, для более быстрого обращения книг даже в культурной массе. Книг не только выходит мало в свет, но они и плохо расходятся, за неимением широко поставленной организации книготорговческого дела; так как книжных лавок на Руси меньше, чем каких-либо иных, книги не только плохо расходятся, но и те, которые разошлись, плохо достигают до публики, так как общественных книгохранилищ, библиотек, доступных всем желающим, самое незначительное число, но и из этого числа многие библиотеки захудали и оскудели, не удовлетворяют читателей по своему составу, слишком не приспособленному к той публике, которой библиотеки и должны были бы помогать; наконец, и к имеющемуся составу книг, каковы те ни на есть, благодаря плате за чтение, залогам и другим условиям, дверца приотворена. Ко всему этому прибавим, что сама инициатива общества в библиотечном деле крайне слаба. Не только не предлагается новых путей, но и не расчищаются старые. Нам известна лишь одна библиотека, устраивающая свои филиальные отделения по городам. Подвижных библиотек не существует. Два года тому назад поговаривали было об устройстве библиотек железнодорожных (в вагонах), да так и замолчали. Словом сказать, картина книжного оскудения раскрывается во всей красе. Дальше, кажется, идти некуда. Остается посмотреть, кто входит через эту приотворенную дверь и кто и как пользуется наличными книгами.

Взглянем теперь на этого самого русского читателя, посмотрим, кто он, к каким слоям общества главным образом принадлежит, сколько он читает, что он читает, наконец, как читает.

IV СОСТАВ НАШЕЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКИ

Уже из предыдущих этюдов можно сделать вывод а priori, что на пустынной почве, к тому же обставленной различными приспособлениями не столько для орошения ее, сколько для осушения, вряд ли встретится обилие плодов земных. Впрочем, к различным выводам а priori нужно относиться с большой осторожностью. Русского читателя, этого неизвестного икса, необходимо изучать, подобно тому, как изучается читатель из народа. Но для того, чтобы подвергнуть его детальному и насколько возможно полному изучению, необходимы материалы, по возможности, точные и богатые. Располагаем ли мы такими материалами? Программ для собирания сведений о культурных читателях пока не существует, хотя с помощью таких программ, несомненно, можно бы было накопить богатейший и интереснейший материал. Сведений о том, какие книги раскупаются привилегированными классами из книжных магазинов и какие журналы и газеты кем выписываются, тоже почти не существует. Последнего рода сведения мы находим лишь в некоторых изданиях губернских статистических комитетов, напр., Архангельского. Но есть другие материалы для характеристики этого читателя, материалы, хотя еще не разработанные, но даже в том виде, в каком они имеются теперь, могущие дать уже многое, а при более рациональной и целесообразной постановке их собирания и разработки могущие дать еще больше.

Наблюдать и изучать русского читателя надо в самих очагах чтения, если не в семейном кругу, который мало доступен для изучения, то в читальнях, в библиотеках, существующих для него.

Дадим себе отчет, что такое подписчик библиотеки. Это такой читатель, который признает чтение своей потребностью, и к тому же потребностью более или менее постоянной, не случайной. Записываются в библиотеку для того, чтобы читать одну книгу за другой, изо дня в день, а то из месяца в месяц и даже из года в год. У подписчиков библиотеки читательские инстинкты, если можно так выразиться, развиты несомненно в большей степени, чем у тех людей, которые довольствуются книгами, добытыми случайно, от знакомых, или 2—3 периодическими изданиями. Библиотечный читатель требует большего для удовлетворения своей потребности. Поэтому, сделав объектом исследования именно этого читателя, мы можем составить некоторое представление и о всех прочих. Всякую библиотеку, где бы она ни находилась, в глухой провинции или в шумной столице, кт бы ею ни заведовал — частное лицо, казна, город, земство и т. д., — можно уподобить маленькой наблюдательной станции, через которую проходят и в которой, при желании, могут быть в достаточной

степени изучены не только сотни, но и тысячи людей, представители самых разнообразных слоев населения, разных возрастов общественных положений и степеней образования. Эта толпа читающей публики, столь же пестрая, с теми же достоинствами и недостатками, как и общество, которое порождает ее, течет через библиотеку, как живой поток: одни входят, другие выходят из числа подписчиков, каждый предьявляет свои требования и свои желания, каждый выражает о прочитанных книгах свои впечатления, указывает, какие книги пришлись ему по душе, какие нет. Если библиотекарь желает не только угождать вкусам публики, если он вдумывается в то, что проходит перед его глазами, а в руках его еще имеется хорошо разработанный механизм библиотечной статистики, то именно библиотекарь лучше, чем кто-либо другой, может ответить на вопрос, кто и что читает. Если бы гг. заведующие библиотеками посерьезнее отнеслись к своим задачам, то, несомненно, каждый мог бы внести свою долю полезного труда в общую и необходимую работу — изучения русского читателя, изучения умственной жизни русского общества в разных его слоях, в разных — и светлых, и темных его уголках. Во всяком случае, нет места более удобного для изучения русского читателя, как библиотеки и читальни. Понимая, что эти библиотеки и читальни существуют для него и живут им (особенно библиотеки частные), читатель чувствует себя в них полным господином. Его требования, его запросы к книге, а отчасти и его мнения о книгах, даже его капризы — перед библиотекарем все налицо. Но библиотекарю интересна не сама личность подписчика. Перед ним стоит не Иванов, не Федоров, *читатель*, один из многих, бесконечно малая часть той или иной общественной группы, дифференциал. Интегрируя же наблюдения, является возможность получить целый ряд образов, настолько точных и обоснованных фактически, что, разумеется, уж они будут стоять тверже и стоять больше, чем всякие рассуждения о читателе а priori. Несколько лет тому назад проф. Лесгафт написал небольшую, но интересную книжку «Школьные типы». В этой книжке, пользуясь данными психологии, с одной стороны, и школьными наблюдениями, с другой, он нарисовал, так сказать, психологические образы учащихся. Подобное этому можно было бы сделать, тоже пользуясь данными научной психологии, и по отношению к типам *читателей* разных общественных групп; получилась бы книжка не менее интересная и не менее, если не более, поучительная и ценная, как материал для характеристики данного исторического момента. Но это дело будущего. В настоящее время достаточного материала для такой работы еще не собрано. Нужно ли доказывать, что гг. заведующие не только общественными, но и частными библиотеками должны были бы отнестись насколько только возможно серьезнее и строже к собиранию материалов, к составлению отчетов своих библиотек и

не смотреть на это дело, как на простое подведение прихода и расхода. <...>

В печати высказывалось мнение, что библиотечные отчеты дают возможность судить о читающей публике лишь отчасти, потому что библиотеками пользуется только та часть населения, которую не останавливают ни залог, ни плата, ни другие условия подписки, ни положение библиотеки в удаленном от них месте города, ни подбор книг в ней, ни всякие иные обстоятельства. Бесспорно, все вышеприведенные условия должны быть приняты во внимание при выводах, но, во-первых, кто бы ни пользовался библиотекой, наблюдения, сделанные в ней, характеризуют этих пользующихся, во всяком случае, более, чем всякие иные, раз эти наблюдения поставлены рационально. Для исследователя даже очень интересно, как отражаются на составе подписчиков затруднения, которыми обставлено пользование книгами, — залог, плата и пр. Если же ставить конечной задачей исследования изучение *типов* читателей, то тем более вышеизложенные возражения не имеют цены. Изучение читателя в платных библиотеках кое-где может идти параллельно с изучением его в бесплатных и служит интересным дополнением к первому; сравнение тех и других наблюдений показывает, что культурный читатель и здесь, и там, как и следовало ожидать, проявляет более или менее одинаковые свойства, т. е. плата за чтение не оказывает большого влияния на читательский спрос. Еще возражают, что подписчики из библиотек берут лишь те книги, которых у них нет и которые они покупать не намерены. Но, во-первых, ведь и те книги, которые они берут, они выбирают по своему вкусу, и, во-вторых, не так уж много и книг на дому у нашей культурной публики, чтобы домашние библиотеки оказывали заметное влияние на спрос книг из публичных библиотек. В огромном большинстве случаев тот именно и подписывается в библиотеке, у кого на дому мало книг... Наблюдения, производимые в библиотеках, и отчеты библиотек, содержащие таковые наблюдения, несомненно, дают возможность составить о читателе из культурных классов такое представление, какого никакие другие материалы не дают.

Этими-то наблюдениями и отчетами мы главным образом и пользовались при составлении этого очерка. Следуя нашей прежней программе, посмотрим сначала, многочисленны ли эти постоянные читатели, называемые подписчиками библиотек; затем посмотрим состав их, какие общественные группы выставляют из себя эти читательские кадры; затем — кадры какой группы многочисленнее. Посмотрим затем, много ли читают эти постоянные читатели и что читают, как распределяются их вкусы между различными отделами библиотечных каталогов и между различными авторами одного и того же отдела.

Просматривая библиотечные отчеты один за другим, отчеты, присланные из разных концов России, вы прежде всего поражае-

тесь чрезвычайно незначительным числом подписчиков в библиотеках. <...> В Уфимской библиотеке за первый месяц оказалось всего 7 человек, — очевидно, публика не набросилась на только что открывшееся книгохранилище, а потянулась в него между прочим, как бы нехотя. <...> Интерес к книге возрастает тогда, когда возрастает интерес к жизни, и именно интерес к общественной жизни, а если этого нет, если день изо дня эта жизнь течет вяло и уныло, если то, что делается, делается без вас, а если что не делается, то сколько бы вы о том ни размышляли, все-таки не будет сделано, если инициатива личности не только не находит поддержки, а встречает преграды, — при такой постановке если не все, то многие, очень многие книги теряют весь интерес. Зато приобретают интерес книги иного рода, чтение которых кто-то остроумно сравнил с курением гашиша. Но ведь и книги, как игра на нервах, долгое время удовлетворять публику не могут; нервы притупляются, книги надоедают; теория, не переходящая в практику, мертвеет. Ничто так не способствует оплошлению даже самых возвышенных идей, как именно платоническая любовь к ним. Ничто так не укрепляет любовь к идее, как именно практическое осуществление ее, хотя бы даже при самых неблагоприятных условиях. В те исторические моменты, когда «писатель пописывает», а «читатель почитывает», а практика жизни не соединяет их, — интерес к книге не может быть великим: книга не может захватить и увлечь толпу, не может даже породить рыцарей на час. В конце концов является выход наиболее культурных читателей из библиотек.

Не могут удовлетворять библиотеки и среднюю читающую публику, которая еще не привыкла читать, которая еще нуждается в первом толчке, чтобы приступить к книге с серьезными запросами и искать в ней материалов для их решения. Читатель шестидесятых и отчасти семидесятых годов, так ретиво принимавшийся за чтение книг по научным и по общественным вопросам, как-то отступил теперь на второй план, а его место заняла в значительной степени читающая публика иного рода — публика неустойчивая, столько привыкающая к книге и приступающая к чтению, прежде всего, тех книг, которые, как говорится, бьют в нос. Чрезвычайно ничтожное число читателей постоянных, огромный процент читателей переменных — то входящих, то выходящих из числа подписчиков, то бросающихся на книги одного рода, то переходящих на другие, прямо противоположные, — сегодня на Понсон дю Террайля, завтра на Некрасова — таков в общих чертах неустойчивый характер этой текущей через библиотеки толпы. Цифры, которые мы сейчас приведем, показывают не число лиц, пользующихся библиотеками в течение всего года, они показывают число лиц вписавшихся, затем некоторое время почитавших — один, два или несколько месяцев — и снова вышедших из сферы влияния библиотеки. Между этой последней и публикой еще незаметно тесной и неразрывной связи, и ничтож-

ные сами по себе цифры кажутся еще ничтожнее, если вдуматься в их смысл.

Общий факт, наблюдаемый во всех библиотеках, тот, что подписчиков мало, до смешного мало. Другими словами, мало таких людей, которые чувствуют потребность в постоянном общении с книгой. Для огромного большинства читателей книга не есть нечто необходимое, она может существовать и не существовать, ее можно прочесть, но можно и не читать. При случае можно и подписаться в библиотеку, для развлечения, а можно обойтись и без нее. Оскудение книжное предполагает само собою оскудение читательское. Постоянный читатель, предъявляющий к книге известные запросы, в Российской империи не что иное, как явление единичное, но не массовое. <...> Даже в Петербурге большинство частных библиотек имеет не более трехсот подписчиков одновременно, большинство же не имеет и того. Самые большие петербургские библиотеки имеют по 1000—1300 подписчиков. Таких библиотек на всю столицу менее *пяти*, если не считать Императорской публичной. Но и эта последняя, несмотря на свои замечательные богатства, не привлекает к себе столько читателей, сколько, по-видимому, должна бы была привлекать; в то время, как в Мельбурне (Австралии) число ежегодных посетителей равняется 428 000 человек, Императорскую публичную библиотеку посетили в 1891 г. 108 373 человека. Если на весь Петербург приходится лишь 30 частных библиотек, то одновременно пользуются ими не более 9 или 10 тысяч подписчиков или 35 000—40 000 человек. Увеличьте это число вдвое, даже втрое, даже впятеро, приняв в расчет библиотеки клубные, военные, казенные, даже публичную, и то для нашего центра просвещения число лиц, берущих книги из библиотек, не превысит 200 000 человек *всех* классов населения. Сопоставляя эту цифру с цифрой, которую нам дала перепись 1890 г., мы имеем уже право думать, что весьма и весьма значительная часть даже петербургского культурного населения библиотеками совсем не пользуется. <...> Интересно, что в бесплатных народных читальнях, где посетители принадлежат большей частью к классам не привилегированным, процент читательниц женщин, по-видимому, *выше*, чем в библиотеках, которыми почти исключительно пользуются классы привилегированные. Так, стоит сравнить в табличке данные Одесской городской библиотеки и Одесской бесплатной читальни, чтобы была видна эта читательская особенность культурных классов.

В частных библиотеках, даже столичных, наблюдается то же явление: большинство подписывающихся в библиотеках и большинство посещающих читальни — мужчины, а не женщины. Нет ни одной библиотеки, где наблюдалось бы обратное явление. Основываясь на всех тех данных, которые имеются в нашем распоряжении, мы, кажется, имеем право сказать, что, по крайней мере, в том районе, который охватывают эти данные, на Руси

существует гораздо меньше читательниц, чем читателей, меньше, по крайней мере, в 3—4 раза.

Не мудрено, что малая склонность к книге у матерей плохо возбуждает такую склонность и в детях. Оставляя в стороне рассмотрение этого вопроса, не особенно приятного для самолюбия читательниц, мы склонны думать, что наибольшую роль в нарастании читателя играет все-таки школа: в зависимости от веяний, царящих в этой последней, число читателей на Руси увеличивается то быстро, то медленно; уровень развития читателей то повышается, то понижается. Но, как известно, наша школа находится во власти веяний, которые, из опасения вредных книг, ограждают эту естественную любознательность от книг вообще. <...>

Спрашивается теперь, какие слои населения, какие сословия поставляют главный контингент читателей? Читателей поставляют все слои населения, все профессии. Разумеется, было бы особенно интересно знать не абсолютное число подписчиков из такого-то сословия или звания, а процентное отношение этого числа к числу лиц нечитателей. К сожалению, прямых данных для решения такого вопроса не имеется, хотя некоторые косвенные соображения представляют нашу читательскую скудость во всей ее красе. Даже среди лиц таких профессий, как учителя и учительницы, доктора, священники, далеко не все чувствуют настолько сильную потребность в книге, чтобы идти и записываться в библиотеке и получать оттуда материалы для чтения не спорадически, а постоянно. Кто довольствуется каким-либо дешевеньким журналом с премиями, кто берет книги из учительской, часто скудной библиотеки и держит их подолгу, иной раз по целому году, закрывая доступ к этим книгам и другим, кто живет и обходится и совсем без книг. <...>

Но не будем брать отношения — возьмем абсолютные цифры. Тогда в огромном большинстве библиотек, и частных, и общественных, провинциальных и столичных, на первом месте по степени пользования книгами стоит читатель-чиновник и читатель-дворянин. Присутствие в библиотеках среди подписчиков большого количества «людей двадцатого числа» * до такой степени заметно, что обыкновенно на это самое число или следующие за ним два дня и приходится наилучшая выручка в библиотеках. В Великолукской библиотеке за 25 лет ее существования из общего числа подписчиков — на чиновников, служащих и дворян пришлось 35,4%. <...>

Если лица свободных профессий — доктора, актеры, художники и т. п. — занимают одно из последних мест, то лишь потому, что этих лиц не так уж и много на Руси, как всех прочих; офицерство довольствуется в большинстве случаев библиотеками полковыми, а духовенство мало имеет и времени, чтобы читать книги из библиотек. Из Нижегородской библиотеки, напр., в 1892 г. брало книги 15 офицеров и 9 лиц духовного звания, и

из семейств первых 20 женщин, из семейств вторых 6 женщин.
<...>

Если присмотреться теперь, как изменяется контингент подписчиков во времени, то все отчеты, какие нам удалось собрать, свидетельствуют об одном: все сословия прогрессируют, но прогрессируют далеко не равномерно и с колебаниями, обусловленными теми коренными явлениями русской жизни, которые определились в значительной степени за последние двенадцать — пятнадцать лет. Так, напр., в Тотемской библиотеке число читающих дворян с 1879 г. по 1886 г. увеличилось, хотя и незначительно, но зато большое число их перешло в отдел бесплатных подписчиков. В это же самое время число платных читателей из крестьян увеличилось с лишком в 9 раз — возросло с 3 до 28. В московских бесплатных читальнях стали читать меньше учащиеся в средних и низших учебных заведениях, чиновники, учителя, духовенство. Стали читать больше фабричные рабочие, ремесленники, крестьяне. <...>

Все эти цифры, все эти факты — не что иное, как внешние признаки знаменательного внутреннего процесса, совершающегося где-то в глубине России, — процесса нарастания читателя в народе, появления его в тех слоях, где до того времени он не водился и водиться не мог. Все эти цифры говорят, что круг читательский расширяется в глубину и ширину, что на смену и, может быть, и на поддержку читателям из культурных классов идут целые толпы читателей из народа, катится читательская волна новая, свежая, жаждущая света, чувствующая глубокую потребность смотреть на мир божий своими собственными глазами, а не через синие стекла узенького окошка, желающая черпать свои знания, обогащая свой мир идей из общей сокровищницы человечества, а не из кратких специальных каталогов. Правда, «Правилами о бесплатных читальнях 1890 г.» все библиотеки, которыми пользуется недостаточный класс населения, ограничены каталогами книг, рекомендованных и допущенных для чтения детей и юношества; но, проглотив эти книги, поняв, по своему разумению, факты, почерпнутые из этих книг, новый читатель на этом не останавливается, идет дальше, в библиотеки общественные, не жалеет ни подписных денег, ни залога, и принимается за чтение тех книг, которые для командующих классов вредными еще не считаются... Интеллигенции, искренне преданной делу народного просвещения, остается только идти навстречу этой народной интеллигенции.

Об этом нарастании читателя мы еще будем иметь случай говорить. Мы лишь отмечаем здесь этот в высшей степени важный факт, имеющий громадное, можно сказать, историческое значение.

МНОГО ЛИ ЧИТАЮТ НА РУСИ?

Посмотрим теперь, много ли читают те постоянные читатели, которых из своей среды ежегодно посылают в библиотеки командующие классы. Для ответа на этот вопрос будем опять-таки пользоваться данными из библиотек больших и хорошо обставленных. Русский культурный человек не знает ни той быстроты чтения, ни того количества прочитанных книг, какие на Западе стали давно уже явлением обычным. Из Чикагской библиотеки в 1891—1892 гг. было выдано 2 115 386 томов. В Англии, в тридцати городах (исключая Глазго и Лондон) 5 000 000 жителей насчитывают 10 000 000 требований книг; в одном Манчестере ежегодно выдается $1\frac{1}{2}$ миллиона томов. Наши библиотеки выдают не сотни, а лишь десятки тысяч томов в год на прочтение. Так, напр., из Нижегородской библиотеки было выдано на дом в 1892 г. 40 969 томов, в Астраханской 19 735 томов, Самарской 53 959 томов, Саратовской 60 288 (кроме журналов), Воронежской 42 550, Херсонской 21 478, Кронштадтской 50 322 и т. д. Если сопоставить эти цифры, как это делают заграничные отчеты, с числом городского населения, то получим следующее: в Нижнем на каждого жителя выдано 0,6 книги, в Астрахани 0,28, Самаре 0,71, Саратове 0,49, Воронеже 0,75, Херсоне 0,32, Кронштадте 1,1. <...> Нельзя не признать эти цифры весьма скромными. Оправдывать их одними недостатками книжного состава невозможно. Объяснения их мизерности нужно искать где-нибудь в ином месте — в общем тоне русской жизни, чуждой захватывающего интереса, в самих читателях, не привыкших много читать.

Что захудалость русского читателя объясняется не только причинами, лежащими в нем самом, а и причинами внешними, можно видеть из сопоставления статистических данных за несколько лет. Из этих сопоставлений мы увидим, что читатель растет в количественном и качественном отношениях, когда повышается общий тон жизни, сокращается, когда в общественной жизни замечается застой. Библиотечные отчеты богаты фактами, иллюстрирующими такой вывод. Возьмем, например, Астрахань. Этот город читает не только мало, но, до последнего времени, из года в год все меньше и меньше, так как на одного читателя приходится выданных книг все меньшее число. В 1883 г. было выдано из библиотеки подписчикам по 66 томов на человека, в 1884 г. по 55, в 1885 г. по 54,9, в 1888 г. по 49,5, в 1891 по 49,1, в 1892 г. по 42,5 — в десять лет выдача уменьшилась в полтора раза. <...> Возьмем библиотеку Нижегородскую. Из обширного торгового города, имевшего еще в 1885 г. 66 585 жителей, ею пользовалось в 1883 г. 393 человека. Это число в следующем году уменьшилось до 375 и затем снова начало медленно увеличиваться, оставаясь в течение целых трех лет почти на одном уровне (398—413—414). С 1889 г. оно начало возрастать быст-

рее и в 1891 г. достигло до 575. По-видимому, блестящие цифры нижегородских отчетов представляют нижегородских читателей в блестящем виде, но стоит немного вдуматься в них и сравнить количество выданных книг с количеством лиц, пользующихся библиотекой, чтобы опять-таки значение этих цифр сделалось иным. На каждое лицо в 1883 г. было выдано 83,1 книги, в 1884 г. только 75,1; в 1889 г. 69,9, в 1891 г. 67,9. С 1887 г., судя по этим цифрам, читательское рвение, по-видимому, ослабевает. На счет каких же книг идет это ослабление?

На счет периодических изданий. В 1883 г. журналы были в таком ходу, что на каждое лицо, пользовавшееся нижегородской библиотекой, приходилось в течение года 38,5 выданных журналов; после прекращения в 1884 г. двух журналов эта цифра уменьшилась до 33,2, в 1885 г. до 21,4 и до сего времени не достигла прежней высоты, хотя с каждым годом, скачками, то подымаясь, то падая, ползет понемногу вверх и в 1891 г. достигла до 24,8 выдачи на человека. В это же самое время Саратовская библиотека, из года в год поддерживаемая нарастанием читателя из народа, показывает явление несколько иное; там число подписчиков и число книг, выданных в течение года на каждого, возрастает из года в год, и лишь в отчетах за последние 3 года заметны некоторые колебания спроса на периодические издания (уменьшение с 1320 до 1261). <...>

Все вышеизложенное приводит к выводу, что если русский читатель и виноват в том, что он читатель немногочисленный и не ретивый, то в этом виноваты в значительной мере и те условия, в которых ему приходится существовать.

Библиотеками пользуются мало в таких обширных городах, как Нижний, Воронеж и пр. Но что сказать тогда о городах уездных? Там читают еще меньше. Библиотечные отчеты, присланные из глухих мест, показывают, что в некоторых библиотеках число подписчиков считается десятками, напр., в Епифани 70, Суздале 90, не говоря уже о Кургане, где в 1889 г. было всего 24 подписчика. <...>

Интересные данные доставлены нам из одной частной библиотеки, где собраны сведения о числе томов, взятых в течение месяца каждым подписчиком.

Из сотни подписчиков в течение месяца обменяли книги:

от 1 до 5 раз 50 чел.,	взяли от 1 до 5 книг 33 чел.,
» 6 » 10 » 36 »	» 6 » 10 » 27 »
» 11 » 15 » 11 »	» 11 » 15 » 20 »
» 16 » 20 » 3 »	» 16 » 20 » 4 »
	» 21 » 25 » 7 »
	» 26 » 30 » 2 »
	» 31 » 40 » 7 »
100 чел.	

В течение месяца прочитали всего по одной книге шесть человек из ста, по две — столько же, по три — пять человек и т. д.

Из таблички видно, что менее пяти книг в месяц берет из библиотеки ровно треть подписчиков. <...>

Весьма многочисленны случаи, когда в книжке журнала добрая половина статей остается неразрезанной в течение года и даже более при четырехстах подписчиках. Отметим еще факт, что тяжеловесные классические произведения некоторых европейских мыслителей возвращаются подписчиками в библиотеку очень быстро, через 6—7 дней. Это тоже не говорит за то, что взятые книги читаются... Вряд ли мы ошибемся, сказав, что из общего числа взятых из библиотеки книг прочитывается от одной трети их до половины... Приняв это в соображение и сделав соответствующие поправки в вышеприведенных цифрах, нельзя не сделать и того печального вывода, что русский культурный человек не принадлежит к числу усердных читателей, а малое усердие его за последние годы, как кажется, становится еще меньше...

VI

ЧТО ЧИТАЕТ НАША ПУБЛИКА?

Посмотрим теперь, какого сорта книги более всего притягивают его внимание. Основной вывод, подтверждаемый всеми фактами и наблюдениями, тот, что русский читатель совершенно не умеет выбирать книг для чтения. Уровень читательского развития прежде всего отражается на умении выбирать книги, выбирать сознательно, целесообразно, с экономией времени и сил. Для этого нужно известное умение, известный практический навык, которого огромное, подавляющее большинство русских читателей лишены. Библиотечная публика обыкновенно спрашивает почитать «что-нибудь» — будь то журнал, роман или научная книга. Если нет одного, берется другое; даже недовольство на отсутствие требуемой книги чаще всего носит характер каприза, а не запроса, не получившего удовлетворения. Имена знаменитейших светил науки и искусства, передовых бойцов человечества за свободу мысли и совести сплошь и рядом совершенно неизвестны читающей толпе. Произведения их, красующиеся в каталоге, ничего не говорят ни уму, ни сердцу; глаза читателя скользят по ним, как и по сотням других. Спрос на книги того или иного отдела в значительной степени среди такого рода публики — явление стихийное. В этом отношении цифры, приводимые ниже, получают особенный интерес. Возьмем сначала три главные категории книг: журналы, беллетристику и научный отдел. Разношерстный люд, пользующийся книгами из парижских муниципальных библиотек, распределяет свое внимание между этими последними двумя отделами чрезвычайно равномерно. Так в 1888—1891 гг. беллетристических произведений было взято из этих библиотек почти такой же процент, как и науч-

ных. Это отношение держится из года в год, поражая русского исследователя.

Заранее можно угадать, что в русской читающей публике ничего подобного такому распределению мы не встретим. Читателю научных книг в России неоткуда и взяться. Тип западноевропейского читателя развивается на почве широкого простора и всевозможной поддержки, оказываемой высшему образованию и правительством, и обществом. Так, даже лица из народа, обучавшиеся в школе только грамоте, имеют возможность продолжать свое образование и, подымаясь со ступеньки на ступеньку, приобретают знания по самым разнообразным отраслям науки. <...> У нас ничего подобного нет и не было. У нас высшее учебное заведение — редкость, окончивший в нем курс — тоже. У нас высшее образование предоставлено или немногим счастливым избранныкам, или талантливым самоучкам. Цифры, собранные А. Н. Страннолюбским в одной из статей его, отлично характеризуют наше богатство людьми с высшим образованием. В то время как в Германии на один миллион населения приходится 534 студента, во Франции 460, Швейцарии 685, Великобритании 362, Австро-Венгрии 328, Нидерландах 355, Португалии 274 — в России всего-навсего 152. Отношение числа студентов на 1 миллион населения в ней в 4 раза меньше подобного же отношения в Германии и, что тоже достойно замечания, в 5 раз менее подобной цифры в Финляндии. Из общего числа студентов в русских университетах оканчивает курс не более $\frac{1}{3}$, следовательно, на 1 миллион населения ежегодно выпускается около 50 лиц с законченным высшим образованием. <...>

Возьмем теперь средние и специальные учебные заведения. По сведениям Центрального статистического комитета, в 1886 г. обучалось там 274 983 чел. (во всей империи). Сделаем ряд предположений в благоприятную сторону; предположим, что специальные учебные заведения дают такое же развитие, как средние, предположим затем, что в тех и других одна пятая кончает курс, что столько же выходит, не кончив курса, но имея уже некоторую подготовку и некоторое развитие, словом, предположим, что в 1886 г. учебные заведения обогатили Россию 55 тысячами людей, вкусивших образование выше элементарного. Что значат эти тысячи людей? Это значит по 2,9 таких образованных человека на 1000 кв. верст, это значит 0,5 человека на тысячу жителей. Так как в России насчитывается 55 271 «населенное место», то на каждое придется химически малая доля образованного человека (0,1). Если взять одни лишь города, где преимущественно и теснится образованная публика, то и в этом случае придется на 1000 городских жителей по 4 «образованных» человека в год. Словом, контингент этих людей, ежегодно выпускаемых учебными заведениями — средними, высшими, специальными, тонет в необъятных пространствах обширнейшей в свете империи, как

горсточка песку в стоячем болоте, не возмущая глубины и оставляя лишь кое-какую пену на поверхности...

За этими образованными и полуобразованными людьми идет народная масса, из которой только одна пятая получила образование в школах грамоты, школах церковно-приходских и т. д., а четыре пятых так и остаются в темноте, составляя более темный фон общей картины. <...> Чем большей подготовки от читателя требует данная книга, естественно, тем меньше читателей она себе находит, на этом основании специальные сочинения в очень малом ходу в общественных библиотеках. С другой стороны, на спрос такой-то книги влияет, так сказать, отношение этой книги к запросам, которые предъявляет читатель к родимой действительности; не без такого влияния в течение последних десяти лет уменьшился, например, спрос на книги по общественным наукам, который возрос лишь после 1891—1892 гг. Но есть и такие книги, которые, напротив, отрывают, так сказать, читателя от земли в данный исторический момент, становятся особенно по вкусу читателям того темперамента, который наиболее приспособляется к господствующим течениям жизни. Этим, быть может, объясняются кое-какие успехи, сделанные за последние годы в некоторых кругах русского общества метафизической философией, пришедшейся столько по вкусу некоторым его элементам и давшей философское оправдание далеко не философскому бытию. Словом сказать, между книгами, с одной стороны, и читателями с другой, происходит своего рода естественный подбор; каждый отдел каталога притягивает к себе одних читателей, отталкивает других, и обратно, каждый читатель притягивает к себе одни книги, отталкивает другие: это притяжение и отталкивание у одних субъектов проявляется очень резко и определенно, у других почти незаметно, скрывается где-то в глубине... В конце концов борьба читательских вкусов за удовлетворение, нередко неуловимая и трудно поддающаяся анализу, все-таки оказывает свое влияние на выбор книг, выражающийся в цифрах. <...>

В последние годы кое-где книги по естественным наукам стали требоваться больше, так как повысился спрос на книги по сельскому хозяйству, которые нередко в библиотечных каталогах отнесены к этому отделу. Что касается до научно-популярных книг по естествознанию, то спрос на них вообще невелик, как потому, что мало существует таких книг, так и потому, что в курсе средних и низших учебных заведений эти науки заняли одно из последних мест, а то и исключены из курса. Не счастливы также и науки общественным и правоведению. Последнее фигурирует больше в качестве справочных книг, а первые до последнего времени понемногу отступали все более и более на задний план. <...>

Книгам из отдела наук политико-социальных больше других не счастливится среди русских читателей. В этом нельзя не ви-

деть некоторых особенностей русского читающего интеллигента. Он как-то привык относиться к окружающей жизни, если так можно выразиться, как бы с одной стороны: то он интересуется вопросами этическими, а все прочие не ставит ни во что, то интересуется вопросами экономическими, и тогда вопросов политических уже почти не признает. Такое хождение вокруг да около, такие односторонние поиски «начала всех начал» — одна из характерных особенностей русского читающего интеллигента, стремящегося отыскать «истинный корень вещей». Такого рода «ищущие» — явление пока довольно редкое в читательской среде, особенно в области общественных наук. В некоторых библиотеках даже книги по философии в большем ходу, чем по общественным наукам. <...>

Богословские книги у русских культурных читателей в ходу менее всех остальных. В известной нам частной библиотеке в течение года при 45 000 выданных всего-навсего было выдано 12 книг богословского отдела, в том числе соч. Фаррара, Робертсона, Ольденбурга («Будда»), Вашингтона Ирвинга («Магомет»), поучения Родиона Путятина и творения монаха Митрофана. Последние 2 книги были взяты первая рабочим, другая прислужкой одной подписчицы. Несколько лет тому назад офицерские библиотеки получили предписания выписать духовные журналы. Из этих журналов в известной нам офицерской библиотеке в течение двух лет *ни один* номер не нашел себе читателя. Интересно, что к богословским книжкам русская культурная публика относится довольно ровно во всех городах, колеблясь в пределах от 0,0 до 0,5 книжки на каждого подписчика. <...>

VII

ЛЮБИМЫЕ АВТОРЫ РУССКОЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКИ

<...> Если всмотреться в длинные списки требований, помещаемые в отчетах некоторых библиотек и расположить авторов по категориям, то оказывается, что больше всего требуются те научные книги, *которые нужны учащим или учащимся*: учебники, пособия. <...>

Рассмотрение отчетов общественных библиотек показывает нам, что главные потребители научного отдела книг — учащие и учащиеся. Где больше этих читателей, там в большем ходу и научные книги. <...> Так как наибольший процент научных книг, взятых из библиотеки, приходится на учащуюся молодежь, то естественный вывод отсюда, что библиотеки должны несколько специализироваться, чтобы научные отделы могли служить, прежде всего, тем читателям, которым они нужны, библиотеки должны оказывать учащимся какое только возможно содействие и по отношению к выбору книг и по отношению к облегчению пользования ими, а для этого должно уменьшать плату, заме-

нять залог поручительством известных библиотеке лиц и т. п. Так как воспитанники среднеучебных заведений в настоящее время ограничены в выборе книг «Опытом каталога для библиотек среднеучебных заведений», то библиотеки должны постараться завести у себя, по крайней мере, книги по этому каталогу, затем объявить по всем учебным заведениям данного города о своем согласии отпускать книги учащимся на льготных условиях, к тому же книги, указанные гг. преподавателями. Этим существующие постановления не нарушатся, а учащиеся сразу получат доступ к книгохранилищам гораздо большим, чем жалкие школьные библиотеки, на которые раздаются жалобы из разных официальных и неофициальных мест... Для учащихся общественная или частная библиотека должна завести особый разряд подписки, установив минимальную плату для него. Она должна сконцентрировать вокруг себя и учащихся; она должна привлечь последних к *активному* участию в лучшей постановке внеклассного чтения учащихся. При общественных библиотеках должны возникнуть педагогические кружки из учителей и учительниц, которые, несомненно, внесут оживление в самое библиотечное дело. Это дело — несомненно дело живое. Библиотека может и должна стать учреждением педагогическим и играть общественно-просветительную роль. <...>

Некоторые иностранные авторы читаются гораздо больше, чем известные русские писатели. Русский человек, знающий литературу, будет удивлен такого рода сюрпризами. В 1883 г. в Нижегородской библиотеке Эмар читался почти в полтора раза больше Щедрина, Террайль в 1,34 раза больше Печерского, Монтепен больше Островского, Гоголя, Некрасова, Григоровича, Пушкина, Гончарова, Добролюбова (65) и Решетникова (64), почти в 3 раза больше Лермонтова и почти в 5 раз больше Жуковского. В отчете той же библиотеки за 1884 г. на первом месте стоит Достоевский (547), на втором — Террайль (392), тогда же Габорио читали больше, чем Аксакова, а Поль де Кока — больше А. Толстого, М. Вовчка, Грибоедова, Кольцова. Такое распределение читательских требований можно видеть и на требованиях журналов: «органы», поставлявшие переводную дребедень, далеко оставляют за собою органы серьезные. <...>

Скажем теперь несколько слов о типах читателей беллетристических произведений. Читатель этот пестрый, гораздо пестрее читателя научных книг: беллетристика притягивает к себе всевозможных представителей человечества, всех рангов и положений. Читатели довольно резко группируются одни около беллетристики переводной, другие около беллетристики оригинальной. К главным потребителям переводной беллетристики принадлежат, во-первых, те, кто только что привыкает к «толстой» книге, — торговцы, лавочники, конторщики, купцы, вообще те, кто получил в лучшем случае образование в начальной школе, кто не требует от книги ничего, кроме развлечения. Эти люди ищут

в книге «приключений с героями», именно с героями, ни с кем другим. Такие читатели не редкость в любой библиотеке. Они приходят обыкновенно по праздникам или в будни по утрам и долго роются в каталоге, ищут заглавий пострашнее и позамысловатее («Полны руки роз, золота и крови», «С брачной постели на эшафот», «Три рода любви» и т. п.); они спрашивают одну книгу за другою, перелистывают ее, смотрят начало и конец — трагическая ли там развязка, смотрят, легок ли язык книги — много ли «черточек» (книги в разговорной форме предпочитают). Если на какой-либо странице попадет описание какого-либо «раздирающего» события — выстрел, кровь и т. п., если черточек много — читатель берет книгу для прочтения. Одна из особенностей таких читателей — частый обмен книг. Они приходят в библиотеку чуть ли не ежедневно и берут многотомные романы — Террайля («Рокамболь», «Молодость Генриха IV»), Борна (различные «тайны»), Дюма... На вопрос, как они успевают проглатывать так скоро такие большие книги — они отвечают: «а так-с, мы скучные места пропускаем». — А если вы чего не поймете? — «Тогда прочтем и скучные места!» Но так как романы Монтепена, Борна и т. п. особенных усилий мысли не требуют, то, читая с пропусками, читатель только приносит себе пользу, изоощряет сообразительность, догадываясь, что написано в пропущенных им местах. Было бы большой ошибкой относиться к таким читателям только отрицательно и смотреть на такое их чтение как на зловредное препровождение времени. «Сногсшибательные» романы занимают свое место в читательской системе; они влекут к книге тех, кто без них, вероятно, и не пошел бы, и, что еще важнее, они находят в голове таких читателей совершенно особый мирок, и образы из этих романов сталкиваются там с образами своеобразными, унаследованными от предков, и из столкновений этих образов получается результат далеко не такой, как, может быть, думают культурные люди, строгие судьи таких читателей... Вот что рассказывает о себе один читатель, сам вышедший из народа, сам прошедший школу такого читательства, небезызвестный в литературе В. И. Савихин: «Стал я чуть не каждый день бегать в библиотеку за книгами, читал их не переводя духа, жег за свечкой свечку, и времени у меня мало стало... Выбором книг, конечно, руководил я сам, и выбирал я, что привелось по заголовку. Были прочитаны: «Ледяной дом», «Таинственный монах» («Интересно и справедливо!»), Поль де Кока «Мусташ», «Сестра Анна», еще что-то («Смешно и зазорно»), «Граф Монте-Кристо» («Захватывающий интерес!»), «Сбор Парижской Богоматери» («Сказочного рода письмо, но интересно!»), «Три мушкетера», «Всадник без головы», «Охотники за черепами», «Тайны мадридского двора». Вот это штука! Какой простор, какой полет мысли по этому кипучему морю человеческой деятельности! Какая жизнь! Людей сколько, борьбы... Хорошо! Сажу я на дощатом помосте в своем уютном углу и при

свете свечи созерцаю беспредельные американские прерии, горы, где насыпано грудями золото, страшные толпы краснокожих... Гляжу на Испанию, на Францию. Вижу, как копошатся там графы, маркизы, короли, солдаты, поселяне — все продолжают одно общее дело, все уцепились друг за друга... Э, ребята, да вы все человеки! А ведь я-то думал: маркиз, так уж маркиз и есть, а граф, так уж граф, а выходит, просто, все человеки... Ну-ка я вас еще с подмостка-то, со свечей-то посмотрю...» Этот отрывок весьма поучителен, тем более, что он принадлежит перу человека, который шел и пришел к свету путем саморазвития с помощью книг. <...>

Библиотека должна *показывать* читателю хорошие или лучшие книги *всех* категорий, напоминать о существовании их, а пусть выбирает и пусть идет вперед сам читатель... Наконец, прогрессивное самовоспитание читателя — факт, хорошо известный каждому заведующему библиотекой... На читателя такого рода книги библиотеки должны обратить особенное внимание. Ведь эти-то читатели, если можно так выразиться, и стоят на границе книжного влияния, которое только что начинает захватывать их в свой водоворот. <...>

Гораздо многочисленнее те читатели, которым все равно, что ни читать, только бы чтение было интересно, которые не ищут идей в книге, не проникают в нее глубже фабулы, которые спрашивают у библиотекаря «что-нибудь» и берут «что-нибудь». Эти читатели, если можно так выразиться, пасутся на обширной ниве родной и заграничной беллетристики как бог на душу положит, то сбиваются в кучу вокруг одного какого-либо автора, то идут вразброд, бродят туда и сюда, пожирая без разбора всякую травку, какая попадет в зубы. <...>

VIII

ЧИТАТЕЛЬ ИЗ НАРОДА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Факты, собранные нами в предыдущих главах, с достаточной наглядностью рисуют нашу читающую публику из классов привилегированных. Посмотрим теперь, каков читатель из классов не привилегированных, из народа.

Мы уже несколько раз имели случай упоминать об этом читателе. Мы отмечали и его стремление к библиотеке, предназначенной для «чистой публики», и поразительное бескнижие, в котором этому читателю приходится существовать. Сравнительно с его бескнижием бескнижие «культурной» публики положительно представляется светлым пятном. Мы видели, что на одного читателя из привилегированных классов приходится около двух названий вновь выходящих книг в течение года, или около 5 экз. Судя по цифрам, которые мы извлекаем из «Ежегодника, или Обзора книг для народного чтения» (изд. Московского ко-

митета грамотности), в 1893 г. вышло для народа всего 859 названий книг, в том числе больше половины (467) лубочных. Весьма возможно, что цифра эта ниже действительности, так как составители «Ежегодника», при всей их добросовестности, могли пропустить кое-какие книжки. Увеличим вышеприведенные цифры в полтора раза и сопоставим их с числом грамотеев, которое можно предположить в составе русского народа (около 23%). Из этого сопоставления оказывается, что на тысячу человек грамотеев приходится около 0,065 названий, или около 65 названий на миллион. Цифра эта немногим преобразуется в лучшую сторону, если даже к народным книжкам прибавить и всю беллетристику, все духовные книги и пр. По статистическим сведениям г. Л. Павленкова, в 1893 г. вышло дешевых и народных изданий 440 названий и 3 464 490 экз., а вместе с беллетристическими и духовными 2351 название и 11 016 528 экз. Это составит почти одно название на тысячу грамотеев или менее пол-экземпляра на 1 человека. Перед этими цифрами бескнижие читающей публики оказывается светлым пятном даже в том случае, если мы в наших вычислениях ошиблись в 2, 3 и даже 4 раза.

Еще печальнее цифры, характеризующие количество народных библиотек и читален. На 23 миллиона читателей вряд ли приходится в настоящее время и сотня бесплатных читален и библиотек, да и те помещаются, в большинстве случаев, в городах. Что касается до прочих «населенных мест», которых насчитывается по сведениям 1890 г. в одной Европейской России 485 462, то обретающиеся там грамотеи и в лучшем случае принуждены довольствоваться библиотеками школьными. Но так как число школ на Руси не достигает в настоящее время и 50 000 и распределены они далеко не равномерно, то отсюда следует, что в огромнейшем большинстве случаев жители деревень лишены каких-либо библиотек. <...>

В последние годы торговля дешевыми или, как их обыкновенно называют, народными изданиями значительно оживилась. Выступили на сцену новые издатели, стало появляться больше хороших книжек. Если сравнить торговлю этими книгами прежде и теперь — значительное ее развитие станет несомненным.

Это оживление торговли дешевыми народными книгами, несомненно, показывает, что спрос на книгу сравнительно с прошлым увеличился, и увеличился именно в тех слоях населения, которым не по достатку книжки дорогие. Раскупает дешевые книжки деревня; раскупает их рабочее, трудовое население городов. Уже по одному развитию торговли дешевыми книгами можно предположить, что где-то «в глубине России», быть может, даже там, где «царит немая тишина», нарождается и нарастает *читатель*. Этот же факт подтверждается, как мы видели, и статистикой общественных библиотек.

Да, читатель нарастает. Правда, это нарастание совершается очень медленно, кое-где так медленно, что иные могут прийти

от этой медленности в отчаяние, и все будут желать лучшего... Тем не менее нарастание читателя совершается неизменно и непрерывно.

Все это давно было замечено и отмечено, и об этом совершенно излишне здесь говорить. Грамотность вызывает стремление к книге; спрос на книги идет даже быстрее развития грамотности. Как результат этого спроса (и, в свою очередь, отчасти как причина его) является масса дешевых изданий на книжном рынке.

Знаниями, заключающимися в этих изданиях, плохо ли, хорошо ли, но многие тысячи деревенских грамотеев пополняют, или, вернее, *могли бы* пополнять те сведения, какие вынесены ими из школы.

На рынке имеются книги очень разнообразного содержания, как по беллетристике, так и по разным наукам. <...> За последнее же время народная литература, разумеется, не без влияния самого народа, получила даже особенное развитие.

Книжек появилось много — и беллетристических и научных; многие книжки, в появлении на свет которых принимала участие интеллигенция, очень не дурны, иные превосходны. Но, присматриваясь ко всей массе этих «интеллигентных» книжек, нельзя не заметить некоторого весьма своеобразного отношения их творцов к своему делу.

Прежде всего, по отношению к книжкам беллетристического содержания до сих пор упорно держится и отражается на деле специально русский взгляд, о котором мы сказали выше, именно, что для народа должна существовать *особая* литература, упрощенная, потому что эстетические и всякие другие тонкости народу не доступны. При этом, разумеется, забывают, что, как показал кружок Х. Д. Алчевской*, произведения лучших наших авторов понимаются и находят прекрасный прием в деревне; что те же сочинения не всем бывают понятны и в среде так называемых «чистых господ»; что привычка читать всякие книги приобретает крайне быстро, если только экономические и всякие другие обстоятельства откроют доступ к книге.

Грустно становится, когда приходится опровергать это коренное заблуждение, столь распространенное даже среди несомненно доброжелательных для народа людей. Очень решительно и определенно высказывается по этому поводу в своем обстоятельном ответе на «Опыт программы»* один читатель из народа: «В литературе для общества попадают часто скучные и даже глупые, ей-богу, глупые книги (их я могу назвать). Вот такую скучную книгу и дадут читать крестьянину или мешанину. Ну что ж? Книга ужасно скучная. Даже попадись вам скучная книга, неужели вы прочтете ее без всякой мины до конца? Не бросите ли вы ее, не дочитавши? Так и нам: попадетсЯ скучная книга — прочтешь четверть книги и бросишь, а между тем лица трубят: им непонятны фразы, они не могут читать книг, пред-

назначенных для общества. Нет, народу нужны *не народные книги, а дешевые*, потому что он *бедняк, а не дурак*. <...>

Другое, не менее важное заблуждение относительно народной литературы заключается в том, что литература эта смешивается нередко с литературой детской, одни и те же книги помещаются в общую рубрику книг «для детского и народного чтения». Никто бы против этого не возражал, если бы здесь речь шла о таких книгах для взрослых, которые прочтутся с пользой и удовольствием и детьми; нет, приверженцы этого взгляда как бы приравнивают ум мужика к уму ребенка, совершенно забывая разницу между сложившимся мировоззрением мужика и неокрепшими суждениями ребенка, и пичкают на этом основании деревенского читателя азбучными истинами, облеченными в детские формы.

Быть может, из этого взгляда вытекает третья особенность «особой» литературы для народа; утверждают, что народ наш любит поучения и назидания и так верит им, что до него, до этого наивного, детски простодушного мужика, одного рода поучения допускать можно и должно, а от других следует его ограждать китайской стеной, как будто он без книжек сам ни до чего не додумается. Этот взгляд даже лежит в основе издательской деятельности нескольких довольно крупных фирм, сводящих всю свою работу к какому-то натиранию очков. В этом отношении особенно грешат книжки по русской истории.

Мы в другом месте имели уже случай иллюстрировать примерами все особенности таких взглядов, поскольку они отражаются на книжках. Присматриваясь к ним и делая вместе с тем небольшую экскурсию в область истории, вы не без удивления замечаете в этом «учении об особой литературе для народа» нечто старое, нечто знакомое: вам вспоминается еще не истершееся из памяти народной разделение людей на «белую кость» и «черную кость». Переживание старых воззрений еще удерживается в области литературы. Белой кости доступны и наука, и искусство, все тонкости эстетики; черная кость всего этого лишена — это нечто невежественное, грубое, без образования, неспособное подняться до отвлеченных суждений. Черной кости нужно все «разжевать, да в рот положить, да смотреть, как бы не подавилась, глотая». Слушая рассуждения об «особой литературе», спрашиваешь себя: что это — трактование ли деревенских читателей свысока или незнание их? Сравните, как говорит со своими читателями автор Никольского рынка *: его разговор — разговор равного с равным; как ни плохи его произведения, но вы не найдете в них этих маскированных третирований свысока, этого квасного поучительного тона, какой претит читателю. Посмотрите теперь на какую-нибудь книжку изданий «Общества распространения полезных книг» *: как часто из-за этой книжки рисуется вам образ элегантной столичной барыни и «барина в шляпе», который считает себя вправе читать мораль на тему «Thue nichts

böses»¹. Читатель из «черной кости» прекрасно чувствует этот поучительный тон и, наученный горьким опытом, относится к нему с недоверием. «Все нашего брата учат», — насмешливо выразился один рабочий, ученик воскресной школы, возвращая учительнице какую-то поучительную книжку. <...>

Возьмем теперь книжки научного содержания. Присматриваясь к ним, вы тоже замечаете своеобразные особенности в популяризации знания. Несомненно, учение об особой *научной* литературе для народа, т. е. для людей, получивших лишь начальное образование или не получивших никакого, имеет за себя очень много данных. Польза, которую получает какой-либо читатель от той или иной популярной книжки, обусловлена запасом фактического, систематизированного материала, имеющегося в его голове; запас этот в голове мужика необходимо носит отпечаток односторонности, однообразия и, кроме того, относительно беднее, чем запас этот в голове «культурного» читателя. Вести популяризацию во всем блеске стройной научной теории поэтому самому здесь не всегда возможно — нужно справиться с особенностями мировоззрения читателя. Если изучение этого последнего далеко не бесполезно для беллетриста, так для популяризатора оно положительно необходимо. Просматривая существующую популярно-научную литературу, подчас просто поражаешься, как неумело авторы принимаются за свое дело, как мало знают они и тех людей, кому говорят, и условия жизни, в какие поставлены эти люди. <...>

На мировоззрение читателя кладет глубокий отпечаток сама жизнь, те условия, в которых этому читателю приходится стоять, условия экономические, социальные и пр. Со всеми ими необходимо более или менее считаться, вступая в борьбу с мнениями и заблуждениями, которые укоренялись в течение веков. Вот еще примеры, несколько в ином роде, рисующие нежелание авторов обратить внимание на некоторые особенности жизни своих читателей. Очень многие книжки по сельскому хозяйству написаны «для крестьян вообще», без указания местности, какую имел в виду автор. Вследствие этого выходит то, что и хорошие книжки для массы читателей пользы не приносят. Экономические условия нельзя не принимать в расчет при составлении книжек по сельскому хозяйству. Пришлось как-то летом мне беседовать с одним очень умным мужиком деревни Б., близ Ораниенбаума, о «Беседах по земледелию» Котельникова. О книжках был дан отзыв прекрасный; видно было, что многие явления в жизни растений эта книжка читателю уяснила. Он толково рассказал мне о значении фосфорной кислоты в питании растений, о поглощающей способности почвы и т. д. Но когда речь зашла о применении добытых знаний, Иван Максимович сказал: «Хорошо это все, только не про нас — не по нашим местам. У нас как тут сеять

¹ «Не делай ничего плохого» (нем.).

траву? Вон покос-то какой — все полосами». Второй выпуск «Бесед» уже не прельстил его. <...>

Изучение читателей из народа имеет не только огромный теоретический интерес, в смысле изучения народного мировоззрения,— оно имеет, кроме того, интерес практический. Авторы должны прислушиваться и дорожить указаниями своих читателей. В одном из своих талантливых «Очерков русской жизни» Шелгунов очень метко заметил, что известный труд «Что читать народу?» заключает в себе вопрос: «... как писать для народа, как с ним говорить, как создать живую и нравственную связь с ним, как установить непосредственные отношения». «Что читать народу?» — добавим мы, вместе с тем содержит и ответ на этот вопрос; если ответ не полон,— во всяком случае, капитальный труд кружка Х. Д. Алчевской содержит много указаний словами самого народа, как писать книжки.

Если тот, кто берется за труд составления книжек для народа, не знает тех, с кем он желает беседовать,— пусть он хоть дорожит указаниями, замечаниями, мнениями этих последних и учится по ним. Эти мнения *безусловно необходимы* составителям научных книжек; эти мнения *полезны* и авторам беллетристических произведений, для создания которых первое условие — талант.

Как бы ни посмотрел кто на эту мысль, как на трюизм или как на ересь, во всяком случае, это трюизм, с которым необходимо считаться. Что касается до обвинений в ереси, то должны признаться: да, мы разделяем эту ересь и думаем, что ее разделяют с нами все, кому приходилось следить за отношением народа к книге и кому удалось познакомиться с наличностью так называемой литературы для народа.

Авторы должны знать своих читателей. Это отнюдь не значит, что они должны подлаживаться под тон народа — наоборот: потому-то некоторые и подлаживаются, что не знают своих читателей, которым это подлаживание претит и внушает недоверие.

Создание популярно-научной литературы, обнимающей всевозможные отрасли знания, в значительной степени еще дело будущего. Но оно должно стать делом русской интеллигенции. Прямо или косвенно — все желающие могут принять в этом деле участие. <...>

Просматривая длинные списки книг, найденных у крестьян в различных местностях России, прежде всего поражаешься огромным преобладанием книг религиозных. Без сомнения, эти списки говорят и о религиозности русского народа, но, разумеется у всякого явления не одна, а несколько причин, его объясняющих. Вот на эту-то мысль и наводят некоторые ответы на наш «Опыт программы». В 168 ответах, словом, почти во всех, которые содержат ответ на 78-й вопрос, говорится, что старики больше любят читать книжки духовно-нравственного содержания.

Один учитель при собирании сведений спросил у мужика, почему у них так мало книг светских. На этот вопрос тот отвечал, что они и рады бы приобретать такие книги, да не всегда могут купить, что желают,— старики не позволяют и заставляют покупать, что им, старикам, больше нравится, т. е. божественные книги. «Старики, от которых зависит приобретение книг,— преще должае автор сообщения, — убеждены, что светские книги не даюе ничего хорошего, что, читая их, научишья только плохому; по их мнению, одно только божественное проливает свет. Такое мнение сложилось отчасти потому, что крестьяне, кроме дурных и часто безнравственных книг, вроде «Пана Твардовского»*, «Бовы»* и т. п., мало встречали книг хороших». <...>

Сводя все предыдущее к одному, мы видим, какое огромное (если не решающее) значение имеет для составителей народных книжек, прежде всего популярно-научных, затем книг беллетристических, изучение народа как читателя. Для авторов и издательских книжек беллетристических это изучение разрешит такого рода пререкания, как пререкание об особой литературе для народа, о детском элементе в народной литературе и о поучительной миссии ее; оно же может удержат подчас от ошибок... Авторам книжек научно-популярных оно покажет, как нужно популяризировать знания в мало подготовленной массе. Нечего говорить, что сама жизнь подскажет и самые темы, за популяризацию которых должен принятсь тот писатель, который своим трудом жаает помочь жизни. <...>

IX

ТИПЫ ЧИТАТЕЛЕЙ ИЗ НАРОДА

Библиотечная статистика дае так мало материалов для характеристики читателей из народа, что для ознакомления с ними мы позволяем себе употребить совершенно иной прием. Мы не будем изучать их en masse, а постараемся изучать лишь некоторых из них, постараемся познакомить с различными представителями «читающей публики из народа», именно теми, которые, по нашему мнению, заслуживают особенного внимания в том или ином отношении. Читатели из народа так мало известны, что такое знакомство, думается нам, представляет значительный интерес.

Каковы читатели из народа? Ответы на этот вопрос крайне сбивчивы и неопределенны. Одним читатель из народа рисуется в виде гоголевского Петрушки, другим в образе гончаровского слуги, третьим в образе седовласого, угрюмого начетчика, зараженного расколом, и т. д. Таков ли этот читатель на самом деле? Тщательное изучение и сравнение читателя из привилегированных классов и читателя из народа прежде всего показывает, что первый не так уж хорош, а второй не так уж плох.

Все читатели, к какому бы классу общества они ни принадлежали, на какой бы ступени развития ни стояли, интересны по своему. Между читателями «культурными» и читателями «из народа», как мы видели, есть разница, но и немало черточек сходства. Петрушки и гончаровские слуги встречаются и среди «чистых господ». Нам лично приходилось быть свидетелем, как «чистая публика» выбирает книжку по объему, по формату, по количеству «черточек» (тех самых, которые ставятся в начале красной строки, в разговорах: «черточки» эти — термин); иные спрашивают романы непременно такие, чтобы «порок не торжествовал». Одна девица настоятельно излагала даже целый рецепт романа, какой ей требуется, и чтобы он непременно кончался свадьбой. Это факт. Другие предъявляют рецепты иного рода. У массы подписчиков в таком же ходу «Рокамболь» — т. е. бесконечная серия антиестественных романов Понсон дю Террайля, Ксавье де Монтена, сказания об индейцах и пр., и пр., как в народе «Английский милорд». Правда, здесь, в городских библиотеках вы не встретите Бовы, Еруслана и др., но зато есть такие же традиционные симпатии к Дюма, особенно к его «Трем мушкетерам», «Графу Монте-Кристо», к «Сыну тайны» П. Феваля, к разным «Тайнам» и «Сыщикам Лекокам» и др. Кто читает эти романы? Читают их купцы, чиновники, их чада и домочадцы, затем приказчики в разных торговых заведениях. Все это читатели «не из народа», если можно так выразиться. Присматриваясь к их отношению к книге, разговаривая с ними, вы встретите здесь очень большое разнообразие, которое наблюдается и в народной среде. Читатели везде бывают всякие. Одни схватывают только содержание, фабулу данного литературного произведения, другие уже вникают в отношения действующих лиц, третьи усваивают идею, четвертые способны к критическому отношению к этой идее и т. д. Присматриваясь к так называемым читателям из народа, деревенским, фабричным, в сущности, вы находите те же самые градации. <...>

Оставляя пока в стороне читателей мало подготовленных, мы познакомимся теперь с читателями другого рода, которых можно бы назвать *современными начетчиками*, которые, нужно сознаться, имеют не много общего с начетчиками минувшего. На первых не лежит уже библейско-схоластического отпечатка вторых; у них иные интересы, иные стремления, иные отношения к окружающему. Знакомство с ними крайне интересно. Оно не только дает материалы для решения вопросов, поставленных в предыдущей главе, но и открывает некоторые стороны процесса нарастания читателей. Те читатели, с которыми мы сейчас познакомим, почти всем своим богатством знаний обязаны книге. Правда, некоторые из них обучались в начальной школе, но каждый, кто с ними познакомится, хотя бы по тем обстоятельным ответам, которые они прислали мне на «Опыт программы», увидит, что очень многим они обязаны книге, своей любви к чтению.

Все они любознательны. Книга их привлекает; они ловят всякую печатную строку, начиная с клочка газеты и кончая какой-нибудь «Гисторией о падении Трои», изданием 1754 г., купленным случайно на базаре. Все попадающиеся под руку книги поглощаются без всякого разбора; все они оставляют в способной голове какие-либо следы, отрывки, намеки, которые своеобразно перерабатываются, дополняются. Мало-помалу читатель становится книжным человеком; мировоззрение его расширяется; он чувствует свое преимущество в этом отношении над другими сверстниками, односельчанами; уважение, какое крестьяне питают к книге, помогает обаянию книжного человека. Его влияние на окружающих устанавливается само собою и само собою уже возрастает: читатель становится умственным центром, из которого исходит влияние на других. Любовь к чтению, так сказать, индуцируется; эта индукция происходит, неизвестная, в разных уголках России, даже самых глухих. Так нарастает интеллигенция из народа, которая, несомненно, способна понимать интеллигентных представителей из других общественных слоев.

Весьма интересно, хоть издали, хоть одним глазком, взглянуть на этот процесс образования и нарастания читателя. Изучение этого процесса покажет, какое значение может иметь в умственном развитии народа работа интеллигенции в области народного образования вообще и над книгой для народа в частности; ниже будет идти речь об *избранных*; работа интеллигенции над расширением внешкольного образования и над созданием общедоступной книги, несущей в народ науку, знание и понимание различных областей мира, жизни и мысли, должна открыть дорогу для *всех*. <...>

Большинство хочет читать ту книгу, которая со временем может дать пользу в жизни, где есть много доказательств, которые встречаются и при наших глазах: «Раз если ты ее прочитаешь, то будешь иметь в опасном деле предосторожность. Но есть и такие желатели чтения, чтобы только посмеяться. Для того едва ли подействует и полезная цель». <...>

Х

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ИЗ НАРОДА

Что результаты этой работы, внутренней, глубокой, быть может, заложенной на той же глубине, как работа мысли религиозной,— о которой мы знаем из истории русского рационализма,— что результаты ее, говорим мы, уже определяются,— это несомненно. Не только то интересно и важно, что предъявляются запросы *на* книжку, запросы на чтение вообще, но, то, что предъявляются известные требования *к* книжке. Все более и более понимается ее значение.

Говоря так, мы имеем в виду не духовно нравственную книгу, ореол которой создан веками. Мы говорим о книге *светского содержания*. Требования чего-то лучшего, более внушительного, чем копеечная литература, раздаются из разных мест. В ответах на «Опыт программы» почти во всех констатируется это повышение уровня требований. Так, из Смоленской губ. нам пишут, со слов офени-книгоноши, что «народ ноне на книги стал разборчивее». Даже из далекого Сургута сообщают, что маленькие книжки не удовлетворяют взрослого читателя. «Мне приходилось слышать не раз от взрослых читателей, что «мы-де не дети, чтобы читать сказки. Мы можем читать и романы». Одной занимательностью книжки не удовлетворяются. Многие светские книжки, которые «пустое пишут», крестьяне называют *побасенками*. Нам сообщают даже о делении литераторов на «писателей» (кто «хорошее пишет») и «сочинителей» (кто «зря болтает») и деление литературы на «божественное» и на «сказки» или «басни». Басни — это так, пустяки, забава; они не нравятся, их не любят, о них говорят, что из них ничего вынести нельзя. Но только что они поймут, что и в басне содержится правда, нравоучение и т. п., тогда и басни начинают нравиться, их любят и читают. «Вначале, до чтения с туманными картинками, — пишет учительница Петергофского уезда В. Т. Добрынина, — к басням крестьяне относились презрительно; у них даже есть особое слово «побасенки», которым они клеймят всякие пустые разговоры и чтения. Но с тех пор, как читались и объяснялись басни на чтениях с туманными картинками, крестьяне стали смотреть на них совсем иначе, слушают с большим интересом и считают полезным и поучительным чтением. Во всяком случае, взгляд на басни изменился». Тот же процесс совершается и по отношению к другим беллетристическим произведениям и иным книгам. Если книга ничего не дает, она — «пустяки», «побасулька». Деревенская читающая публика не гонится за щекотаньем нервов, как делает это публика столичная. Она требует от книги *пользы*.

О поднятии уровня требований к книге свидетельствуют в своих письмах и ответах на «Опыт программы» и самоучки-писатели и деятели на почве народного образования, выдвинувшиеся из народной массы, представители *народной* интеллигенции, о которых сейчас будет идти речь.

Это тоже читатели из народа, тоже люди, обязанные многим книге, которая заменила им или значительно дополнила школу. Вместе с тем это люди, не ушедшие из своей среды. Они живут в деревне, занимаются земледелием, исполняют все то, что и другие их односельчане, но вместе с тем они сознательно пользуются таким орудием, как грамотность и знания, заключающиеся в книге; одни из них занимаются литературным трудом, другие действуют, устраивая библиотеки, становясь учителями в школах, ими самими основываемых, делаясь добровольными лекторами и т. д. <...>

XI ЧИТАТЕЛИ ИЗ ФАБРИЧНЫХ РАБОЧИХ

Оставим теперь деревню и перейдем на фабрику. При всем различии условий жизни деревенских и фабричных, мы и на фабрике видим то же самое явление, что и в деревне. Мы видим тот же процесс, процесс, крайне медленный и трудный, *самонарастания* читателя, процесс, который встречается на пути столько различных затруднений, совладать с которыми могут далеко не все, по крайней мере, в настоящее время, когда работа по созданию средств к образованию внешкольному только что начата интеллигенцией. Мы и здесь видим, как грамотность неизбежным образом плодит стремление к книге; одна книга зовет к другой; чтение образует своего рода начетчиков, которые становятся маленькими центрами просвещения, каждый в своей среде. Из *читателей*, в известных случаях, вырабатываются и *писатели*, которые несут с собой и в себе все достоинства и недостатки такой системы, или, вернее, способа образования. Правда, не одной только книге они бывают обязаны этим образованием, но нельзя отрицать и той важной роли, которую играет в их судьбе книга. Образование заменяется начитанностью. Любопытный человек приобретает привычку читать очень быстро. В конце концов, граница между «читателем из народа» и читателем из «чистой публики» ступшевывается само собою и нередко от нее не остается и следа. Тип вполне интеллигентного человека из фабричных рабочих, особенно в последние годы, определился довольно ярко, к тому же такой тип, для которого «особая литература» не только не нужна, но и вредна.

Фабричные читатели далеко не одно и то же, что деревенские, потому что и условия жизни, и амплитуда ее на фабрике — совершенно иные. Условия жизни так значительно отражаются на том, что и как читает народ, что последний вопрос нельзя изучать, не касаясь и не изучая первых. Напряжение в фабричной жизни равномернее распределено в году, чем в деревенской; первая требует больше подвижности, она менее консервативна; она несравненно более пропитана духом городской «цивилизации», со всеми ее сторонами — темными и светлыми. На фабрике время года отзывается на чтении книг гораздо меньше: деревня в страдную пору не читает; фабричные и летом, после окончания работ, после «звонка», берутся нередко за книжки. Мужуку во время работ не до чтения; фабричного нередко можно увидеть с книжкой и у машины. Это чтение под стук и грохот машин заключает в себе нечто трогательное.

Много различий вы замечаете и в выборе книг для чтения. Религиозные книги на фабрике не в таком ходу, как в деревне; пост не так резко отражается на чтении. Читателям фабричным более любы книги светские. Весьма возможно, что это различие в выборе книг можно рассматривать как продукт различия в

условиях жизни и в близости к природе. Мужик, если так можно выразиться, стоит ближе к сырой, необработанной, менее зависимой от него природе, в которой величие и бесконечность виднее, и внушаемое ими религиозное чувство сильнее. Фабричный далек от этой природы, в его руках — покоренные, регламентированные, так сказать, силы природы; в машинах виднее могутствовало человеческого ума, мощь гения, избретательности; фабричный сам господин машины, и сознание этого господства заставляет нередко забывать, что эта самая машина подчиняет его владельцу машин. Не в этом ли различии отношений к природе и лежит объяснение малой распространенности среди фабричных духовно-нравственных книг?

Среди фабричных в большом ходу толстые книги. «Стремление к чтению, — пишет нам один фабричный из одной глухой фабрики в Московской губернии, — сильное, но любят читать больше романы и повести, как лубочные, так и не лубочные». Из Онеги пишут: «Против города по ту сторону реки — завод. В рабочей казарме, когда большинство из рабочих проживало там, вследствие неудобства переправы через реку, читаются рабочими совместно сочинения Майна Рида, Эмара, Жюль Верна, Купера, Вальтера Скотта, разные издания Е. Ахматовой и т. п. Книги эти достают из библиотеки при городском училище». Из Ленвы: «Время года, в которое более или менее читают здешние рабочие, точно определить трудно, потому что круглый год они одинаково заняты работами». «Совместные чтения не редкость, особенно между молодежью». В списке книг, приложенном к этому сообщению, находим массу романов вроде таких: «Графиня де Маден», «Рыцарь Родриг», «Дар слова», «Американские степи». Из Губахинских каменноугольных копей: «Рабочие предпочитают светские книги, так что и больше и покупают на свой счет... Берут романы, больше переводные, из конторской библиотеки». «Не так живи, как хочется» Островского понравилось на любительском спектакле только некоторым, между тем как смешные водевили понравились всем без исключения. Вообще большинство здесь предпочитает такие книги, в которых описываются необыкновенные приключения» и т. д.

Но есть и такие читатели из фабричных рабочих, и их не так уж мало, как можно думать, которые исключительно читают книги, изданные для «культурных слоев». Из нескольких фабричных центров нам пишут, что читатели-рабочие покупают и интересуются такими книгами, как сочинения Щедрина, Диккенса, Теккерея, «Очерки из всемирной истории» проф. Петрова, «Русская история» Костомарова и Трачевского, труды Дарвина, Тимирязева («Жизнь растений»), и многими другими. Мы выписываем эти имена на память. Но можно бы было составить длинный список таких книг, которые находят в рабочей среде прием не менее радушный, чем в среде «чистой публики». Разница между двумя группами читателей, между прочим, и в том, что первая

больше *читает* и больше *вникает* в книгу, как в новый неведомый и светлый мир, а вторая больше просматривает ее, как нечто давным-давно известное, хотя бы и понаслышке. Во всяком случае, взгляд на фабричного читателя давно уже пора коренным образом изменить. Читатель этот вырос и продолжает расти с каждым днем.

Сообщения, имеющиеся в наших руках, позволяют сделать этот общий вывод и могут служить некоторыми иллюстрациями чтения на фабриках. Вряд ли можно сомневаться в том, что стремление к свету и знанию среди фабричных сильнее, чем среди крестьян. У нас под руками имеются в высшей степени интересные письменные ответы нескольких фабричных на предложенный им вопрос: что им интереснее было бы знать? «Я желал бы изучить геометрическое правило,— пишет один,— потому что я человек мастеровой, а для человека мастерового геометрия вообще требуется. Но меня не особенно интересует чтение о природе небесных тел. Хотя оно и интересно слушать это чтение, как все это создано премудро, но все-таки нам об этом не так требуется знать, как понятие о геометрии». Другой, напротив, пишет: «Иногда, всматриваясь в чистый небосклон, усеянный миллионами звезд, какие чувства охватывают мою душу! Какое-то наслаждение чувствуешь, рассматривая его, и желание узнать, охватить все!...» <...>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История последних лет выдвинула вперед дело святое и великое и показала во всей ширине и глубине всем и каждому, сколько добра и света могут внести все желающие в общую сокровищницу народного образования и развития и какими разнообразными путями могут идти к общей цели работники.

Образование народа и его развитие, подъем его теоретической и творческой мысли, его сознательного отношения к окружающей действительности — одна из величайших задач нашего времени. <...> Великое дело требует многих работников, которых если и немало, то нужно еще во много раз больше, которые если и энергичны, то нужны еще более энергичные. Факты, собранные в нашей книжке, надеемся, обрисовывают с достаточной наглядностью нашу читающую публику, как из классов привилегированных, так и из народа. Из этих фактов видно, что если первая не так уж хороша, как это, быть может, кажется, так и вторая не так уж плоха, как, может быть, о ней думают. В той и другой есть положительные качества, которым нельзя не пожелать всякого развития, и качества отрицательные, с которыми желательна самая горячая, упорная борьба. Работников мало. Книг мало. Это неопровержимые факты. Но не так еще мало работников, как мало единения между ними. Не так мало книг, хороших книг, как медленно обращение их в обществе, в народе. Предыдущие страницы достаточно иллюстрировали эти общие положения, облекли их в фактический материал, позволяющий взглянуть на неприглядную действительность, какова она есть. Из них видно, до какой степени необходима дружная, сознательная, целесообразная работа, направленная на борьбу с книжным оскудением в разнообразнейших слоях общества и народа. Быстрое обращение книг — одно из самых необходимейших условий быстрого обращения идей. Русская читающая публика из привилегированных классов словно не торопится мыслить, как бы ожидая, когда наведут ее на кое-какие размышления события вроде неурожая 1891/92 г. или подобные ему. Раздаются жалобы на дряблость нашей интеллигенции, на

бедность ее знаниями, на притупленность ее понимания. Вряд ли нужно доказывать, что в этих жалобах много есть справедливо-го, хотя отчасти и не самой интеллигенции в том вина. Ее вина в том, что она мало выделяет из своей среды таких элементов, которые, вместо того чтобы жаловаться на идейное оскудение, принялись бы прежде всего бороться с ним. Кипение жизни, чувства, мысли — заразительны. Жизнь вызывает жизнь. Живые элементы находят отзвук в элементах, еще не потерявших способность к жизни. А таких на Руси не тысячи, а миллионы. Общество должно создать, по примеру Западной Европы, широкую систему внешкольного образования привилегированных классов, а не только внешкольного образования народа. Первые нуждаются в такой системе не меньше, чем второй. Библиотеки и читальни занимают в этой системе одно из первых мест. Необходима дружная работа для распространения и развития библиотек, для пополнения их лучшими книгами; необходимо доводить и доводить до сведения читателя, к какому бы классу он ни принадлежал, что существуют на свете хорошие книги, что многие из них способны раскрыть перед читателем целый мир неведомых еще явлений, совершенно новых и свежих и могучих идей, стремлений, настроений, чувств. Необходимо облегчить возможно широкий доступ к этим книгам, которые нередко теперь гниют по книжным складам или покоятся на пыльных полках малоодступных библиотек.

Дружная, сознательная работа над внешкольным образованием привилегированных классов должна занять свое место рядом с работой в области народного образования. Первая работа лишь пополняет вторую. Спрос на работников по народному образованию гораздо больше, чем предложение, и усиливается с каждым годом. Их необходимо создавать. Правда, за последние 3—4 года библиотечное дело как будто бы начало здесь и там оживать. Доносятся из разных мест сведения о кое-каких светлых явлениях, об открытии и улучшении разных библиотек. Весьма возможно, что нарисованная нами картина в настоящее время не так мрачна. Но, повторяем, немногие ласточки еще не делают весны; немногие светлые явления еще не изменяют общего фона; немногие, даже очень искренние, преданные делу работники делают еще половину, четверть, сотую часть его, если не оживляют, если не одухотворяют своей работы ясным пониманием того, что всякое маленькое дело, во всяком случае, осмысливается лишь своим отношением к делу великому, близкому, дорогому, святому для всех тех, кому дорого и близко счастье родной страны.

Одна из отраслей дела или, вернее, одна из задач интеллигенции — это создание такой научно-популярной литературы, которая дополняла бы знания, полученные в начальной школе и открывала бы к этим знаниям доступ для тех, кто не удовлетворяется тем количеством знаний, какое дает школа.

К этой-то стороне или, вернее, этой отрасли дела, к созиданию научно-популярной литературы мы и желали бы привлечь работников; в ее созидании может и должен принять участие не только круг писателей — в нем могут и должны принять участие все те, кто по своему положению имеет возможность наблюдать и изучать народ как читателя, кто видит его отношения к книге, требования, предъявляемые к ней, кто слышит его отзывы о той или иной книге, о полезности или бесполезности ее, понятности или непонятности, о степени интереса, возбуждаемого ею, и т. д. Пусть до писателей доходят отзывы народа; пусть писатели по этим отзывам учатся писать.

Теперь, в заключение нашего труда, сделаем краткий обзор и сведем к одному все то, что мы старались показать выше по отношению к читателю из народа. Прежде всего, мы обратили внимание на нарастание читателя в тех слоях, которым не по достатку книжки дорогие, в крестьянстве, фабричном и рабочем населении городов и т. п. — рядом с этим мы указали печальное состояние так называемой «литературы для народа», основные взгляды на которую крайне не установились до сего дня и подчас не только странны, но даже смешны. Мы говорили затем, что составители книжек находятся как бы в темном лесу; в области беллетристики идут споры об «особой литературе», о «детских книжках для мужика», о необходимости его «поучать». В области литературы научно-популярной не менее заметно иногда даже полное незнание авторами своих читателей и условий их жизни; научно-популярные книжки пишутся иногда, как бог на душу положит и, в лучших случаях, пользуясь наблюдениями, сделанными в том или ином уголке. Не отрицая огромного значения и таких составителей книг, мы выразили мысль, что делу составления научно-популярных книжек может и должен помочь голос самого народа, к которому нужно прислушиваться и здесь, как везде, и услышать который поможет исследование отношений народа к книге, отношение разных читателей к разным книгам. Мы показали, какое значение могут иметь для составителей книжек отзывы народа о книгах, его указания, замечания, мнения; эти мнения, или, вернее, критика книг читателями из народа, *безусловно, необходима* для составителей научно-популярных книжек; эти мнения *небесполезны* авторам книжек беллетристических. Затем мы перешли к изложению задачи, поставленной нами в начале, — к ознакомлению с теми материалами, которые проливают некоторый свет на внутренний и незаметный процесс нарастания читателя, процесс, ускорить который — одна из задач интеллигенции; мы познакомили с длинным рядом читателей из народа, основываясь на их рукописях и письмах; оставляя в стороне читателей наименее подготовленных, мы остановились на тех, кого называли современными *начетчиками*, т. е. людьми, обязанными очень многим книге, к которой они привязаны всей душой: эти люди благодаря книгам, всевозмож-

ным книгам, успели накопить в себе известный запас умственной, нет, не только умственной, а, если можно так выразиться, образовательной силы, а эта сила, раз она есть у одного человека, — сама собой, не случайно, а необходимо, передается другому, третьему, десятому, сотням, тысячам; знаменатель этой геометрической прогрессии обусловлен талантливостью и энергией личности. Эта индукция образования книжного напоминает индукцию электрическую. Можно было бы еще сравнить такого *начитанного* читателя с бродильным грибком, который и в закрытом, глухом сосуде производит брожение, и чем больше у него способностей, чем больше теплого доброжелательства к людям, тем больше результаты его *деятельности*, даже результаты одного его существования. <...>

Мы могли бы из имеющихся у нас под руками рукописных материалов, разработка которых, можно сказать, почти не начата, извлечь еще несколько примеров для характеристики народной интеллигенции, не говоря уже о материалах печатных; можно бы было привести еще длинный ряд фактов, несомненно доказывающий прогрессивное нарастание не только читателей из народа, но и народной интеллигенции, идущей на встречу, стремящейся к встрече с интеллигенцией из культурных классов, но, боясь утомлять читателя, мы остановимся и на этом, и опросим в заключение: не свидетельствует ли все, что мы изложили выше, во всей видимой разбросанности и отрывочности данных, что все это, все эти данные — *жизнь*, сама жизнь? Оттуда, отсюда, здесь, там, из дальней Онеги, из соликамской деревеньки, из холодного Сургута, из Московской губернии, и т. д., и т. д. набраны эти данные. И что они говорят! Они говорят о жизни. Самая их отрывочность жизненна. Систем в жизни не встречается... Все это говорит о жизни; десятки знаемых говорят о сотнях незнаемых, десятки замеченных о тысячах незамеченных, которых мы хотя и не знаем, но которые есть. Чтобы существовали герои, ведь нужна толпа: единицы, составляющие толпу, должны иметь в своем настроении нечто аналогичное с психической организацией героя. <...>

КОММЕНТАРИИ

ЭТЮДЫ О РУССКОЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКЕ

«Этюды о русской читающей публике» — первая крупная работа Н. А. Рубакина по вопросу, которым он занимался всю свою жизнь, вышла в 1895 г. в известном прогрессивном издательстве О. Н. Поповой. После этого Н. А. Рубакин много лет работал над текстом «Этюдов», который он хотел значительно переделать, расширить и выпустить в свет под заглавием «История распространения общественных идей в России в 1887—1911 гг.». Но это ему так и не удалось. Он пытался издать свою книгу под другим заглавием — «Этюды по психологии читательства». Из переработанного текста «Этюдов» были опубликованы только отдельные главы.

«Этюды» остаются первой в русской литературе книгой, где вопрос об изучении читателя поставлен «как необходимый и даже основной элемент истории и теории литературы».

В «Этюдах» Н. А. Рубакин дал яркую картину тяжелейшего положения книжного дела, включая издательства, книжную торговлю и библиотеки, в старой России.

Если учесть замечание Маркса, что наука только тогда становится точной, когда ее положения могут быть выражены цифрами, можно сказать, что этот труд Н. А. Рубакина — первая попытка сделать точной науку изучения читателя.

Н. А. Рубакин занимался исследованием читателя в течение 50 лет — с появления этой книжки и до конца своей жизни. Все его работы, даже на другие темы, тесно связаны с этой — основной, доминирующей. Эти исследования, как он говорил, были бессознательно начаты им с детства — в 1875 г. в библиотеке его матери. Потом он перенес свою работу на фабрику отца, затем исследования «охватили и пролетариат, и крестьянство, и солдат, и интеллигенцию, и полуинтеллигенцию». Позднее, с 1916—1924 гг. он перенес изучение проблемы в Европу и Америку.

«Этюды» содержат в себе основные элементы всех будущих исследований Рубакина, поэтому они представляют особый интерес для знакомства с творчеством Рубакина в целом, его методами и убеждениями. Книга не прошла незамеченной — о ней были положительные отзывы ряда крупнейших литературных критиков той эпохи (см. указатель рецензий в конце второго тома нашего издания). Но все же она не привлекла достаточно широкого внимания. Б. В. Банк объясняет это тем, что «работы Рубакина появились тогда, когда передовую и прогрессивную общественность интересовали в первую очередь другие темы — более крупные и животрепещущие: «рабочий вопрос», рабочее движение, марксизм» (Банк Б. В. Изучение читателей в России. М., 1969, с. 205).

Это замечание Б. В. Банка в общем правильно. В то же время изучение читателя означало изучение нового читателя, читателя из народа, прежде всего рабочего, и его интересы, связанные с интересами рабочего движения.

Ведь даже судить об интересе этого нового читателя к марксизму было возможно, изучая его читательские интересы вообще. А в последующих очерках и рассказах («Лицом к лицу», «Взыскающие града» и др.) Рубакин стремился показать этого нового читателя, еще не известного критике. Видимо, критики недостаточно оценили возможность изучить нового демократического читателя посредством изучения читательских интересов. Однако такой выдающийся представитель марксистской критики, как А. В. Луначарский, высоко ставил этот труд: «Говоря о Рубакине, мы говорим об одном из крупнейших, талантливейших деятелей народного просвещения. Это подлинный энтузиаст, я бы сказал — фанатик народного образования... «Этюды о русской читающей публике», по-моему, лучшая его работа о читателях — яркая, талантливая; таков и ее автор. Других таких работ — такого типа и столь же талантливых — я не встречал» (цит. по кн.: Банк Б. В. Изучение читателей в России. М., 1969, с. 208).

В своем исследовании истории изучения читателей в России Б. В. Банк называет «Этюды» лучшей из работ по вопросам изучения читателей, написанных участниками общественно-просветительного движения, дающей также и сведения о книжном деле в России и содержащей научные выводы, интересные не только для своего времени. Дальнейшие работы Рубакина, продолжившие начатые им в «Этюдах» исследования, ныне являются объектом самого пристального изучения.

Начав свою работу на бумажной фабрике, Рубакин, как он пишет сам, «с первых же шагов почувствовал необходимость учиться у пролетариата». На фабрике он организовал кружок из педагогов, писателей, издателей и редакторов. Им был составлен доклад «Опыт программы исследования литературы для народа», который был напечатан в журнале «Русское богатство» (1889 г., № 5 и 6), а затем вышел отдельным изданием и распространен по воскресным школам, журналам, библиотекам, фабрикам и заводам и т. д.

В 1890 г. Рубакин выступил в Петербургском комитете грамотности с докладом о материалах, полученных от нескольких тысяч самоучек из рабочих, крестьян и других представителей демократических слоев населения. В своих путешествиях по России он также собрал огромный материал из личных наблюдений над читателями и бесед с ними.

Рубакин полностью отверг принцип создания особой литературы для народа. Он убедился также, что читателю из народа теперь стала нужна не только художественная литература, что он требовал знания, науки — потому что хотел понять жизнь, социальное устройство общества, научиться бороться за свои права.

С самой ранней юности Н. А. Рубакина привлекали также проблемы работы библиотек, главным образом общеобразовательных. Еще в 1893 г. в докладе «Книжное оскудение», сделанном им в Вольно-экономическом обществе в Петербурге, он впервые выдвинул теорию «библиотечного ядра», т. е. комплекса книг, необходимых для каждой подобной библиотеки. В «Этюдах о русской читающей публике» эта теория была продолжена и развита, а подробнее и полнее всего сформулирована в предисловии к первому изданию самого капитального труда Рубакина — «Среди книг». Неудивительно поэтому, что Рубакин рассматривал «Среди книг» как теоретическое и практическое продолжение «Этюдов».

Сам Рубакин пишет, что в основу «Среди книг» положена идея, высказанная им еще в 1893 г. в докладе Комитету грамотности, напечатанном в «Русском богатстве» (1893 г., № 11, 12), а затем в «Этюдах» — о том, что библиотека должна быть не развлечением, а могущественным орудием просвещения. Она должна быть «отражением Вселенной», чему и способствует «библиотечное ядро».

Рубакин полагал, что «Среди книг» вместе с «Этюдами по психологии читательства» должны составить единое целое, посвященное «истории, теории и практике распространения знания, понимания и настроения».

Рубакин любил повторять слова Ибсена в «Пер Гюнте»: «Простится то тебе, чего не можешь, чего не захотел бы — никогда» и Генриха Гейне: «Тот,

кто верой обладает в невозможнейшие вещи, невозможнейшие вещи совершать и сам способен».

Вся колоссальная деятельность Рубакина в области просвещения и книжного дела была действительно «невозможнейшей вещью» — но он и сам обладал верой в «невозможнейшие вещи»...

А. Н. Рубакин

* Стр. 37. *Спб. комитет грамотности* — образован при императорском Вольном экономическом обществе в 1861 г. с целью распространения грамотности и полезных знаний среди крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Либерально-просветительное учреждение. Издавал рекомендательные библиографические пособия, такие, как «Первый рекомендательный каталог для народного чтения» (1861), «Систематический обзор русской народно-учебной литературы» (1876) и удешевленные издания произведений русских классиков; пытался рассылкой книг содействовать устройству книжных складов, народных библиотек и читален. В конце 80-х — начале 90-х гг. в комитет постепенно вошли члены организованного демократической интеллигенцией «кружка для изучения народной литературы», оживившие деятельность Комитета. Председателем издательской комиссии Комитета была издательница А. М. Калмыкова, книжный склад которой стал своеобразной явкой и оказывал всыческую поддержку группе социал-демократов с В. И. Лениным во главе. В 1895 г. по рапорту Московского охранного отделения о нелегальных организациях, пропагандирующих прогрессивную литературу, Петербургский комитет грамотности был закрыт.

Московский комитет грамотности. — Возник в 1845 г. Задачей своей ставил издание книг для народа, организацию сельских народных библиотек и воскресных школ. Был упразднен в 1896 г. по тем же причинам, что и Спб. комитет.

Харьковское общество распространения в народе грамотности. — Возникло в 1869 г. В отличие от Петербургского и Московского занималось вопросами не только внешкольного, но и школьного образования. Как записано в уставе его, «стремилось распространять грамотность и первоначальные полезные знания». По инициативе Общества в Харькове было открыто несколько начальных школ для детей, женская ремесленная школа, воскресные школы для взрослых, библиотеки-читальни, сельские библиотеки. В составе Общества было несколько комитетов, в том числе — издательский, который разработал программу выпуска книг для народа по нескольким направлениям: духовно-нравственному, художественно-беллетристическому, историческому, географическому, по различным промыслам и ремеслам. Общество выпустило I том «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний» (М., И. Д. Сытин, 1910). К тому времени, когда Н. А. Рубакин писал настоящую работу, Общество напечатало около 120 названий книг. Для ознакомления с читателем из народа и для конкретизации плана изданий Комитет составил и программу для собрания сведений о чтении книг в народной среде. Ответов на эту программу пришло так мало, что на их основании нельзя было сделать никаких выводов.

* Стр. 39. *...собранных по программе А. Пругавина...* — В 1887 г. в журнале «Русская мысль» (кн. XI) была напечатана статья А. С. Пругавина «К вопросу о том, что и как читает народ», в которой содержалась и «Программа» сбора материалов. Вскоре она была напечатана в нескольких периодических изданиях, потом вышла отдельной брошюрой, а затем перепечатана в кн.: Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890, с. 218—229. Хотя в названии «Программы» фигурирует слово «народ», она ориентирована на крестьянские слои населения. В этом проявились либерально-народнические взгляды ее автора. Понимая проблему народного читателя гораздо шире, Н. А. Рубакин крити-

кует «Программу» А. Пругавина. В своей программе он учитывает читателей разных социальных слоев.

* Стр. 41. Г-н Л. Павленков, желая смягчить некоторые выводы нашего доклада, приводит в утешение... — С 1887 по 1896 г. Л. Н. Павленков обрабатывал публикуемые Главным управлением по делам печати официальные списки изданий (периодических и непериодических), вышедших за каждый предшествующий год, и печатал в «Историческом вестнике» ежегодную статистику книг и журналов. Эти материалы Л. Н. Павленкова до сих пор остаются несомненно ценным источником по истории отечественного книжного дела. Н. А. Рубакин их использовал, хотя и с критикой и поправками.

* Стр. 44 «Север». Еженедельный литературно-художественный журнал. Спб., 1888—1914. Издателями до 1895 г. были последовательно: В. С. Соловьев, Е. А. Евдокимов, Н. Н. Каразин, М. К. Ремизова.

Журнал буржуазно-либерального направления. В числе авторов его можно назвать А. В. Амфитеатрова, К. Д. Бальмонта, С. С. Гусева-Оренбургского, А. И. Куприна, Вас. И. Немировича-Данченко, А. П. Чехова, Е. Чирикова. Имел приложение в виде книжной серии «Библиотека «Севера».

* Стр. 44 «Родина». Народный журнал с картинками. Ежемесячно. Спб., 1879—1883. Издатель А. И. Траншель. Журнал пропагандировал буржуазную идею «единства наций», утверждая, будто в России «сглаживаются сословные различия», и прославляя царский дом. Проза журнала проникнута буржуазно-мещанскими идеалами. С 1883 г. «Родина» выходит как газета и имеет несколько бесплатных приложений, в том числе ежемесячное «Собрание романов «Родины»». Произведения русских писателей. 1887—1904.

* Стр. 48 «Книги о книгах». — Рекомендательный указатель «Книга о книгах». Толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знания. Под ред. И. И. Янжула. Ч. I—II. М., 1892. Как сказано в Предисловии, Указатель был рассчитан на «представителей как называемого образованного общества (не ниже лиц, получивших среднее образование) и затем университетской молодежи, желающей иметь в своих руках точный список учебников и важнейших монографий для занятий наукой уже академического характера». В составлении его приняли участие известные тогда ученые, в том числе И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев, А. Г. Столетов, что сказалось на уровне оценки, отбора и аннотирования включенной в него литературы. Тем не менее Н. В. Здобнов справедливо характеризует это библиографическое пособие следующим образом: «В 90-х годах большое внимание рекомендательной библиографии стала уделять московская и петербургская либерально-буржуазная профессура, стремившаяся ослабить влияние неlegalных указателей и в то же время оказать известную помощь повышению самообразования, разумеется, в «благонамеренном» духе» (Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. М., 1955, с. 500). Буржуазно-либеральная направленность указателя особенно отчетливо сказалась на общественно-политических разделах. Несмотря на это, Указатель сыграл известную положительную роль в ознакомлении русского читателя с ценной в научном отношении литературой. Известно, что им пользовался В. И. Ленин.

* Стр. 48 ...литературная конвенция больше всего и угрожает опасности... — Здесь Н. А. Рубакин имеет в виду широкое в те годы обсуждение вопроса о возможности присоединения России к международной литературной конвенции. Восемь международных литературных конгрессов различной степени представительности, собиравшиеся многократно в 1858—1885 гг., подготовили создание в 1886 г. Бернской литературной конвенции, которую тогда же подписали Германия, Франция, Великобритания, Италия, Бельгия, Швейцария, а также Гаити и Тунис, образовав «Союз защиты авторских прав на литературные и художественные произведения». По этой конвенции запрещалась не только произвольная и безгонорарная перепечатка литературных произведений в другой стране, но и произвольные и безгонорарные переводы их на другой язык. Конвенцию не подписали скандинавские страны, Голландия и Россия, в частности потому, что в этих странах количество переводных книг было вынужденно значительным, что применительно к России Рубакин подтверждает приводимой им цифрой переводных произведений. Общественное мнение, в

том числе и подавляющее большинство крупных издателей, единодушно высказалось тогда против подписания конвенции.

* Стр. 51. «Кроме Манухинских и Шараповских произведений...» — Манухин А. и Шарапов П. — «издатели Никольской улицы» — выпускали книжки для низших слоев городского населения (наподобие: Руководство к выбору жен, Ключи к женскому сердцу, Сборник пикантных рассказов, различных рецептов и т. п.).

* Стр. 56. книжка проф. Рейера... — Reyer Ed. Entwicklung und Organisation der Volksbibliotheken. Leipzig, 1893. 116 с. (Развитие и организация народных библиотек). На русский язык не переводилась.

* Стр. 62. ..библиотечном ядре. — В современной советской книговедческой литературе дан анализ этой концепции Н. А. Рубакина, наиболее полно теоретически обоснованной в публикуемой здесь работе (см., например: Арефьева Е. П. Н. А. Рубакин о комплектовании книжных фондов. — Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1966, т. IX, с. 133—154; Мавричева К. Г. Н. А. Рубакин. 1862—1946. М., «Книга», 1972. (Деятели книги). Советские библиоководы считают идею создания в каждой общеобразовательной библиотеке книжного ядра значительным вкладом Н. Рубакина в теорию комплектования библиотечных фондов (см. научную дискуссию, проходившую в 1968—1969 гг. на страницах журнала «Библиотекарь»). Однако интерпретация «книжного ядра» содержит и те субъективистские «надпартийные» взгляды Н. Рубакина, которые окрашивают большинство его теоретических работ.

* Стр. 62. ...схема О. Конта, схема Спенсера. — О. Конт и Г. Спенсер — создатели двух наиболее известных и практически использовавшихся классификаций наук. По оценке современных специалистов, «в решении проблемы классификации наук идеалист Конт был ближе к истине, чем многие его предшественники и современники-идеалисты» (см.: Кедрин Б. М. Классификация наук. Т. 1. М., 1961, с. 104). Конт разрабатывал свою схему в чисто практических целях, пытаясь найти ту последовательность, в которой легче всего можно было бы изучать отдельные науки.

Разрабатывая свою оригинальную классификацию книг и используя опыт Конта и Спенсера по классификации наук, Н. А. Рубакин пошел дальше в поисках критериев классификации и рассматривал науку как важнейшую, но лишь одну из сторон в целостном восприятии жизни. Попытку положить в основание классификации критерий «жизни», понимаемой как неразрывное единство и науки, и искусства, и человеческой практики, следует считать прогрессивной по тому времени и плодотворной для современной разработки проблемы библиотечно-библиографической классификации.

* Стр. 67. ...несколько журналов, поставлявших на книжный рынок одни переводные романы. — «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык». Издание Е. Н. Ахматовой. Ежемесячно. Спб., 1853—1883; То же. Спб., 1884—1885. «Библиотека для чтения». Ежемесячный журнал. Спб., 1875—1885. С 1885 г. — два раза в месяц. Издательница-редактор В. И. Сахарова. Журнал ориентировался на мешанские вкусы. Печатал романы «ужасов» и «необыкновенных приключений»; «Переводы отдельных (иностраных) романов». Ежемесячно. Спб., 1867—1888. Издатели-редакторы последовательно: Н. С. Львов, О. Сухомлина, Н. И. Львова, М. Н. Львова, Е. Э. Лебедева; То же. Спб., 1890—1891. Издание представляло собой сборники, в которых печатались исключительно переводы. Преобладала низкопробная развлекательная и салонно-светская беллетристика; «Европейская библиотека». Журнал иностранных романов и повестей. (С № 37 1882 г. — «Журнал отдельных романов». М., 1881—1883. Ежемесячно. С половины 1882 г. — без обозначения периодичности). Издатель-редактор Н. Пушкирев. По направлению и содержанию схож с предыдущим; «Журнал русских и переводных романов». Ежемесячно. Спб., 1876. Издатель-редактор А. Кехрибарджи. Печатал сентиментальную и внешне занимательную беллетристику. Известный интерес представляют в нем очерки о путешествиях; «Изумруд». Сборник романов, путешествий и небольших рассказов в переводе с иностранных языков на русский. Шесть раз в год. М., 1878—1882. В 1880 г. издание вышло в одной книге, в 1881 — № 1—4. Издатель-редактор М. Н. Воронов.

В 1882 г. вышла только одна книжка. Сборники объемом от 15 до 30 листов. Здесь печатались исторические и псевдоисторические романы и романы на современные темы из жизни других народов, предназначенные для легкого чтения, вроде: «Тайны индийских офицеров» М. Бреттона, «Казнь королевы Анны» М. Кроуна и т. п.

* Стр. 70. *министерский каталог*. — Имеется в виду «Указатель книгам, одобренным Ученым комитетом Министерства народного просвещения». Сост. А. Солецинский. Спб., 1884; Изд. 2-е. Спб., 1887. Пособие «охранительного» направления в истории отечественной рекомендательной библиографии.

* Стр. 70. *«Опыт каталога книг для средне-учебных заведений*. Спб. Составлен на основе «Указателя». По распоряжению известного реакционера, министра народного просвещения Д. А. Толстого был предпринят пересмотр каталогов библиотек средних учебных заведений, а затем и каталогов народных библиотек и библиотек начальных училищ с целью очистить их от имевшихся прогрессивных книг и оградить от поступления новых.

* Стр. 78. *...людей двадцатого числа* — т. е. служащих, получавших жалованье двадцатого числа каждого месяца и вносивших плату за пользование библиотекой.

* Стр. 90. *...кружок Х. Д. Алчевской*. См. об этом подробнее, напр., в кн.: Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., «Книга», 1969, с. 70—84, 94—122. Кружком подготовлен фундаментальный библиографический труд: Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. Сост. <...> Х. Д. Алчевская, Е. Д. Гордеева, А. П. Гришенко и др. Т. 1—2. Спб., 1884—1889. Указатель тогда же получил положительную оценку прогрессивной общественности, хотя в нем отразились либерально-просветительские тенденции в общественном развитии России того времени. Том III составлен другим коллективом под руководством Х. Д. Алчевской и издан в 1906 г. Разделы обществоведения в III томе были реакционны даже для своего времени.

* Стр. 90. *«Опыт программы»*. — Здесь Н. Рубакин имеет в виду свою работу: Рубакин Н. А. Опыт программы для исследования литературы для народа. Спб., 1889.

* Стр. 91. *...автор Никольского рынка*. — Автор произведений лубочной и псевдонародной литературы. Оживленная рыночная торговля «народными картинками», «народными книжками» шла в Москве на Сухаревке и у «Пролома», или «Проломных ворот» на Никольской улице. Н. А. Рубакин употребляет слово «автор» в собирательном смысле. Хотя многие произведения лубочной и «народной» литературы были анонимными, Никольская улица имела своих писателей и поэтов, напр.: М. Евстигнеев, В. Суворов, П. Кувшинов, Зряхов, Федот Кузмичев и др. Были и так называемые Никольские издатели, такие, как Лузина, Губанов, Абрамов, Земский, Леухин, Шарапов (у которого приказчиком начинал свою издательскую деятельность И. Д. Сытин).

* Стр. 91. *«Общество распространения полезных книг»*. Возникло в Москве в 1861 г. Основательницей Общества была А. Н. Стрекалова, владевшая типографией, книжным складом и магазином на Никольской улице. Деятельность Общества имела скорее благотворительный, чем просветительский характер. Целью своей ставило издание книг «для детей и грамотного простонародья». Смещение этих двух задач, столь характерное для подобных организаций и многих издателей дешевых книг, обусловило неуспех деятельности Общества. Издавало почти исключительно переводную литературу нравоучительного содержания. Предпринимало попытки издавать литературно-художественные журналы для детей: «Воскресные рассказы» (1874—1877), «Собрание повестей и романов для детей» (1884—1888), «Чтение для детей» (1875) и библиографический журнал «Народная и детская библиотека» (1879—1880).

* Стр. 94. *«Пан Твардовский»* — «народный» польский роман, имевший многочисленные издания, в том числе, напр., несколько раз выходил у Сытина: Пан Твардовский, или Колдун XVI века. Легенды из народных польских преданий и рассказов. М., тип. И. Д. Сытина, 1891.

* Стр. 94. «Бова» — популярный дубочный роман, который печатали буквально все «Никольские издатели». См., напр.: Сказка о славном, сильном, храбром и непобедимом Бове королевиче и о прекраснейшей супруге его королеве Дружевне. М., В. В. Пономарев, 1896.

А. А. Беловицкая

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Н. Рубакин</i> . Николай Александрович Рубакин	3
<i>Б. А. Смирнова</i> . Выдающийся русский книговед	17

Этюды о русской читающей публике

Вместо предисловия	35
I. Богаты ли мы книгами?	39
II. Как распространяются у нас книги?	50
III. Богаты ли библиотеки хорошими книгами?	61
IV. Состав нашей читающей публики	73
V. Много ли читают на Руси?	80
VI. Что читает наша публика?	82
VII. Любимые авторы русской читающей публики	85
VIII. Читатель из народа и его изучение	88
IX. Типы читателей из народа	94
X. Интеллигенция из народа	96
XI. Читатели из фабричных рабочих	98
Заключение	101

Среди книг

Предисловие к первому изданию	107
Предисловие к первому тому второго издания	116
Введение	
Книжные богатства, их изучение и распространение	124
Глава I	
Сущность книжного дела и общий обзор его	124
Глава II	
Общий очерк теории библиотечного ядра	152
Глава VI	
Читатель и книга	167
Комментарии	211

Рубакин Н. А.
Р82 Избранное. В 2-х т. Т. 1. М., «Книга», 1975.

224 с.

Двухтомник произведений выдающегося русского книговеда и библиографа, писателя-популяризатора Николая Александровича Рубакина содержит важнейшие его работы в области библиотечного дела, психологии читателя и книги, самообразования. Первый том включает «Этюды о русской читающей публике» и Введение к фундаментальному труду «Среди книг»; во втором томе представлены «Письма к читателям о самообразовании» и «Практика самообразования».

Изданию предпослан краткий биографический очерк, написанный сыном Н. А. Рубакина — А. Н. Рубакиным, и вступительная статья Б. А. Смирновой «Выдающийся русский книговед».

Труды Н. А. Рубакина представляют интерес для всех специалистов книжного дела, социологов, психологов, издательских и библиотечных работников, библиографов, студентов и преподавателей библиотечных факультетов вузов, а также для широкого круга книголюбов.

Р 61001-047 8-75
002(01)-75

028

РУБАКИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ИЗБРАННОЕ

Том I

Заведующая редакцией **Е. В. Иванова**

Редактор **Э. Б. Кузьмина**

Художественный редактор **Н. Д. Карандашов**

Технический редактор **М. М. Фридкина**

Корректор **Н. И. Балакирева**

А 09153 Сдано в набор 11.IV.1975 г. Подписано к печати 14.VIII.1975 г.
Формат 60×90¹/₁₆ Бум. № 1 Усл. печ. л. 14,0 Уч.-изд. л. 15,22 Тираж 20 000 экз.
Изд. № 1084 Заказ 3071. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Книга»
Москва К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Хохловский пер., 7.